

**Выполнен
социальный
заказ «Смены»:
созданы
современные
модели
одежды
для
ребят
из
детских
домов**

**ВСТРЕТИМСЯ
В ТЮМЕНИ.**

*Бюджет
молодой
семьи.*

*У истоков
русского
пейзажа.*

№ 15 (1421) август 1986

СМЕНА

ISSN 0131-6656

Большинство тех, кто два года назад был восьмиклассником, сегодня заканчивает школу. В семнадцать в среднем лет. В 1983 году, к примеру, неполную среднюю школу окончили 3 миллиона 879 тысяч учащихся, а в 1985 году аттестат о среднем образовании получили 2 миллиона 234 тысячи выпускников, то есть 58 процентов от числа тех, кто два года назад учился в восьмом классе. Хотя в дальнейшем — в связи с осуществлением школьной реформы — эта доля и снизится, она останется достаточно большой. Кем же стали остальные пятнадцатилетние через два года?

Сравнительно небольшая их часть, как показывают результаты нашей анкеты, поступила в средние специальные учебные заведения (техникумы, пед- и медучилища и т. д.). Небольшая потому, что теперь эти учебные заведения формируют свой контингент главным образом из тех, кто окончил среднюю общеобразовательную школу. Так, из полутора миллионов человек, принятых в средние специальные учебные заведения в 1984 году, только полмиллиона имели неполное среднее образование — всего одна треть. Кроме того, в техникумы ведь поступают выпускники не только этого года.

Остальные, примерно треть бывших восьмиклассников, оказались в профтехучилищах. Тех же, кто сразу после восьмого класса начинает работать, очень мало. ПТУ со средним образованием, которые теперь преобладают, заканчивают на год позднее выпускников общеобразовательных школ, в среднем в 18 лет (если не было разрыва между восьмым классом и ПТУ).

Чем различаются три главных потока молодежи?

Хорошо известно, что общеобразовательные школы желают оставить у себя самых успевающих и наиболее дисциплинированных учащихся. Кроме того, в ПТУ сравнительно мало мест для девочек. Если в восьмых классах несколько преобладают мальчики, то в десятых — резкий численный перевес девушек.

Однако различия не только в этом. Заметно различаются и родительские семьи. Среди тех, кто остается в средней общеобразовательной школе, выше доля детей служащих; среди тех, кто идет в ПТУ, много выше доля детей из рабочих семей. Но это не все.

У нас, к сожалению, много неполных семей. Одного из родителей (чаще — отца) нет более чем у четверти семнадцатилетних, ответивших на анкету. Тут примерно равнозначны две главные причины: повышенная смертность мужчин и очень большое число разводов. Среди десятиклассников одного из родителей нет у каждого пятого, среди учащихся ПТУ — у каждого четвертого, а среди учащихся техникумов — более чем у половины. Понятно, что матери-одиночки хотят поскорее дать своим детям профессию. Но одновременно и сохранить хорошие возможности последующего получения высшего образования. Так, отмечается, что среди матерей учащихся техникумов много одиноких (не имеющих мужей) интеллигенток.

Почти все десятиклассники хотят продолжать учиться.

Только учиться хотели бы 80 десятиклассников из каждых ста, совмещать обучение с работой — 16, только работать — четверо. При этом 92 процента желающих только учиться хотели бы стать студентами вузов, 5 — учиться в средних специальных учебных заведениях, остальные — в ПТУ и технических училищах.

Полученные при нашем анкетировании результаты очень близки к данным большинства других обследований, проведенных социологами в последние годы в разных районах страны.

Судя по этим данным, в 1986 году общеобразовательная школа по-прежнему готовит кандидатов в студенты, хотя большинство ее выпускников ими стать не смогут — мест в вузах значительно меньше. В 1985 году среднюю общеобразовательную школу окончило 3,3 миллиона человек (дневную — 2,2 миллиона), средние специальные учебные заведения — 1,2 миллиона, многие окончили ПТУ со средним образованием. И все они имеют право поступить в вузы. Кроме того, в стране миллионы молодых людей, получивших среднее образование в последние годы. Они также имеют и право, и охоту стать студентами. В том же 1985 году в вузы было принято больше, чем когда-либо прежде, — 1,1 миллиона человек, однако только 650 тысяч — на дневное отделение. Остальные стали вечерниками и заочниками, причем доля их, особенно последних, стала заметно расти. Из этих

цифр становится вполне очевидной чрезвычайная «завышенность» намерений выпускников средней школы.

Куда же фактически идет большинство ее выпускников?

В 1985 году около миллиона человек со средним образованием поступило в средние специальные учебные заведения. Многие выпускники школы пошли в одногодичные технические училища и становятся квалифицированными рабочими. Есть и такие, кто сразу начинает работать в народном хозяйстве по профессиям, полученным при трудовом обучении школьников, а то и без профессии, поскольку выпускники средних школ получают профессиональную подготовку на всякого рода краткосрочных курсах или путем бригадного или индивидуального обучения непосредственно на производстве.

Одним словом, реальное распределение выпускников средней общеобразовательной школы по учебным и рабочим местам очень далеко отстоит от пожеланий самих учащихся. Желания неизбежно подчиняются необходимости, сложившиеся пропорции народного хозяйства жестко «диктуют» свою волю. И если, скажем, какой-то вуз в данном году должен набрать тысячу новых студентов, то их число не изменится от того, что в этот вуз желают поступить две или десять тысяч абитуриентов. Да, перед выпу-

ТВОИ АВТО

сниками средних общеобразовательных школ тысячи дорог, но желанное место часто можно получить только в соревновании с другими.

За полгода до окончания школы практически все уже мысленно выбрали свое жизненное положение — подавляющее большинство желает быть интеллигентами с высшим образованием и иметь интересную профессию. А вот какую именно выбрать — многие еще не знают. Ведь можно поступить и в тот вуз, и в этот, иметь эту или другую профессию. Социальное положение выбирается раньше профессионального.

Чрезвычайно любопытна и практически важна оценка профессий по престижу.

В нашей анкете было названо 39 профессий. Оценки производились по десятибалльной шкале. Девушки в среднем ставили баллы более щедро. У них шесть профессий получили по семь и более баллов, а восемь — менее чем по три с половиной. Наиболее престижными оказались следующие профессии:

Профессии	Средние оценки	
	девушки	юноши
Артист	8,4	8,1
Журналист	7,9	8,1
Моряк	7,2	6,8
Летчик	7,1	6,7
Радиотехник	7,1	5,0
Офицер	7,0	5,8

Оказалось, наивысшим престижем пользуются профессии сравнительно малолюдные. Много ли нужно стране артистов, журналистов и летчиков! Одних слесарей в народном хозяйстве страны во много раз больше, чем представителей всех шести наиболее популярных в нашем опросе профессий.

Наименее же престижными оказались такие профессии:

Профессии	Средние оценки	
	девушки	юноши
Столяр	3,4	3,6
Официант	3,4	3,1
Бухгалтер	3,4	2,9
Электромонтер	3,3	2,8
Почтальон	3,2	2,5
Штукатур-маляр	3,1	2,4
Каменщик	3,0	3,2
Лесоруб	2,9	3,3

Как видим, особо непрестижны профессии физического труда, не требующие высшего образования. Все

ЗАПОЛНИВ АНКЕТУ «СМЕНЫ», 4 ТЫСЯЧИ ЧИТАТЕ-

непрестижные профессии — массовые, то есть число занятых в каждой из них в реальной действительности очень велико. Однако часто работников по этим профессиям сильно не хватает. Так, скажем, редкая строительная организация имеет достаточно штукатуров-маляров.

Чтобы получить престижную профессию, надо выдержать большой конкурс. Другими словами, эти профессии сами отбирают наиболее увлеченных и способных.

На непрестижные профессии часто попадают люди, совсем к ним не стремящиеся. Те, кто не смог лучше «устроиться». Тут нередко профессия навязывается людьми или обстоятельствами.

Ясно, что и отношение к делу резко различно. Нелюбовь к профессии неизбежно сказывается на качестве и производительности труда. Люди, работающие без увлечения, часто меняют места работы и профессии. При этом они меняют, как говорится, «шило на мыло», одно нелюбимое дело на другое.

Низкий престиж наиболее массовых профессий народного хозяйства — большая наша беда.

Понятно, что отношение к той или иной профессии определяется главным образом объективными обстоятельствами. Одни профессии имеют преимущественно творческий, другие — исполнительский характер. Одни профессии — «чистые», другие — не очень. Одни требуют больших физических усилий, другие не требуют. Одни профессии позволяют больше «самовыражаться», чем другие. Тут выше зарплата, а там больше свободного времени. И так далее — продолжать можно долго.

Велико, однако, значение и социально-профессиональной ориентации. Школа с этим делом пока явно не справляется, о чем я уже писал в прошлой статье применительно к восьмиклассникам. Практически точно так же обстоит дело и с десятиклассниками. Малые успехи школы в этом отношении неизбежны до тех пор, пока в стране не будет создана государственная система профессиональной ориентации, работающая на высоком уровне.

Выделим еще несколько профессий, интересных с точки зрения динамики престижа.

Остановимся еще на двух очень важных для общественной профессии: инженера и учителя.

В 1963 году престиж инженера-машиностроителя оценивался новосибирскими юношами в 7 баллов, почти таким же он был и через десять лет (6,9), а вот к 1983 году упал до 5,4 балла. У нас инженер собрал всего 4,6 балла.

Низкий престиж инженера в последнее время — явление общеизвестное, получившее принципиальную партийную оценку. Главные причины падения инженерного престижа — это сравнительно низкая заработная плата, использование инженеров на разного рода вспомогательных и непрофильных работах, вплоть до овощных баз. Как сказано в проекте ЦК КПСС «Основные направления перестройки высшего и среднего специального образования в стране», каждый второй специалист с высшим образованием в промышленности работает на должности, не требующей полученной квалификации и специальности.

Надо думать, реформа высшей школы в корне изменит положение.

То же самое можно сказать и об учительской профессии. В последние два десятилетия мы были свидетелями сильного падения ее престижа. Еще в начале 60-х годов профессия учителя средней школы была необыкновенно престижна у выпускниц сельских школ, имела средний престиж у городских девушек и низко котировалась у юношей как в городе, так и в селе. В списке 71 профессии у сельских девушек Новосибирской области она заняла **второе** место (первое — летчик), у выпускниц Новосибирска — двадцать третье, у юношей из села и из Новосибирска — тридцать девятое. К 1973 году эта профессия у сельских выпускниц переместилась на одиннадцатое место, однако оставалась много престижнее, чем у горожан. Недаром жителям села при поступлении в педвузы давались некоторые льготы.

Стремление девушек в педагоги привело к заметной феминизации нашей школы (например, к началу 1983/84 учебного года среди учителей Российской Федерации женщины составляли 91 процент) и к большой доле сельских выпускниц среди учителей.

К сожалению, уровень знаний выпускников сель-

ских школ значительно ниже, чем городских. Получалось так, что в педвузы шли сравнительно слабо подготовленные выпускники средних школ, учились в них, как правило, четыре года (вместо пяти в других вузах), к тому же в педвузах мала доля преподавателей высшей квалификации. Здесь и оборудование похуже, и очень много времени уходило на сельхозработы. Естественно, педвуз выпускал сравнительно плохо подготовленного специалиста.

Почти полное отсутствие мужчин в школе отрицательно сказывается на образовании и особенно на воспитании школьников. Однако, в свою очередь, невысокий престиж учительской профессии у юношей перед окончанием средней школы мешает притоку «сильного пола» в ряды учителей. За два года школьной реформы заметных изменений здесь не произошло.

Как видим, в подготовке выпускника средней общеобразовательной школы к труду в народном хозяйстве имеются существенные недостатки. И в первую очередь нежелание работать по наиболее массовым и очень важным для народного хозяйства профессиям. В процессе осуществления школьной реформы многое делается для преодоления этого основополагающего недостатка школы, в частности ускоренно развивается база трудового обучения и профессиональной ориентации учащихся старших классов. В начале 1985/86 учебного года в межшкольных учебно-производственных комбинатах трудового обучения и профессиональной ориентации обучалось 53 процента учащихся старших классов, а еще 6 процентов — в межшкольных учебно-производственных мастерских и ПТУ, в которых школьники проходят трудовое обучение.

Учеба в старших классах — это время подготовки к семейной жизни. В последние годы брак сильно помолодел. Через несколько лет большинство ны-

нешних десятиклассниц будет женами и матерями. Активный массовый выход замуж начинается с 18 лет (хотя бывает и более раннее замужество, нередко связанное с беременностью невесты).

Я говорю о девушках потому, что они раньше юношей созревают физически и психически. Всем известно, что одноклассники для девушек этого возраста неинтересны: девушки хотят «дружить» со старшими. И совсем не случайно мужья в первом браке в среднем года на два старше своих жен.

Как бы то ни было, через несколько лет демографическую ситуацию страны будут определять нынешние школьники. В связи с этим немалый интерес представляют их демографические намерения.

Анкеты показывают, что уже восьмиклассники очень четко представляют, сколько детей они хотели бы иметь. Специалисты-демографы полагают, что основные демографические установки вырабатываются очень рано и мало меняются в зрелые годы.

Решающий голос в определении числа детей в семье имеют, как правило, женщины. Поэтому посмотрим на намерения девушек.

Половина их хотели бы иметь по двое детей; многие добавляют: мальчика и девочку.

Около четверти хотело бы иметь по трое детей, десятая часть — по одному, несколько процентов — более трех.

Некоторые отвечают менее определенно: одного-двух, двух-трех... В таких случаях бралось среднее число (если двух-трех, то 2,5).

На каждые сто девушек приходится 231 желанный ребенок.

Этого, к сожалению, недостаточно для простого воспроизводства населения, то есть такого положения, когда число дочерей равно числу женщин в родительском поколении. Дело в том, что не все могут иметь детей, не все выходят замуж, девочек всегда рождается меньше, чем мальчиков, а часть новорожденных не доживает до зрелого возраста. Для простого воспроизводства нужно примерно 260 рождений на 100 семей, которые могут иметь детей. С демографической, экономической и социальной точек зрения стране выгодно иметь умеренно-расширенное воспроизводство населения (примерно 1200 детей на 1000 человек родительского поколения, трехдетная в среднем семья) — такое положение наиболее способствует социально-экономическому развитию.

В нашем обследовании, как уже отмечалось, преобладают городские школьники, а у горожан рождаемость существенно ниже, чем у сельских жителей. Тем не менее здесь есть серьезная проблема, которая обостряется тем, что старшекласников теперь мало из-за малочисленности детей, родившихся полтора-два десятилетия назад. Если рождаемость не повысится, то в ближайшие годы будет резкое уменьшение ежегодных чисел рождений, подобное тому, что было в 60-е годы. А это имело бы долговременные отрицательные последствия для страны.

Подробно эти вопросы мы рассмотрим позднее, анализируя ответы молодежи старших возрастов и условия жизни молодой семьи.

Подросли у мам помощницы. В среднем десятиклассница тратит на домашние дела по 2 часа 10 минут в будни и по 3 часа — в воскресенье. У юношей эти затраты почти вдвое меньше — 1 час 20 минут в будни, а в воскресенье — 1 час 40 минут (время везде с округлением до 10 минут). Тут истоки будущего бытового неравенства супругов, приносящего много бед.

Среди девушек практически нет совсем не занимающихся домашним трудом, а у юношей их достаточно, особенно если присоединить к ним тех, кто почти не занимается работой по дому. Очень вероятно, что юноша, отдающий домашнему хозяйству ежедневно по четыре часа, будет делить его поровну со своей будущей женой. Но маловероятно, что так же будет делать и тот молодой человек, который домашними делами совсем не занимается.

Ответы десятиклассников еще раз говорят о том, что анкеты заполняла наиболее сознательная и образованная часть нашей молодежи. Практически все читают художественную литературу, многие — очень интенсивно (по пять и более книг в месяц), читаемая литература значительно более высокого уровня, чем у восьмиклассников, много русских и иностранных классиков, некоторые читают и на иностранных языках. Там, где есть театры, десятиклассники несравненно активнее восьмиклассников посещают их.

Большинству девушек свободного времени не хватает, большинству юношей — хватает. Много времени уходит на телевизор; как и среди восьмиклассников, у десятиклассников есть завязанные телеманы, проводящие у телевизора по воскресеньям по восемь — десять часов.

Семнадцатилетние вновь стоят перед выбором дальнейшего пути. Через полгода дороги их разойдутся. Большинство поступит в вузы, другие — в техникумы, третьи пойдут работать. Дальше мы проследим изменения, которые произойдут в жизни каждой этой «ветви» молодежи.

ПОРТРЕТ

ДЕВУШКИ СТАЛИ СОАВТОРАМИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ, ПРЕДПРИЯТОГО ЖУРНАЛОМ

Профессии	Средние оценки	
	девушки	юноши
Историк	6,8	7,6
Инженер	6,7	4,6
Врач	6,4	5,7
Учитель средней школы	6,3	4,5
Физик	6,0	4,8
Химик	5,7	4,9
Математик	4,4	4,1

В начале 60-х годов, когда начались регулярные анкетные обследования выпускников средней общеобразовательной школы, физики, химики, математики в лестнице престижа занимали верхние ступеньки. Помните: «Что-то физики в почете, что-то лирики в загоне». С тех пор шло постоянное и быстрое падение престижа профессий представителей точных наук и возрастание престижа наук общественных. Так, скажем, у юношей — выпускников средних школ Новосибирска в 1963 году профессия ученого-физика получила 8,4 балла, в 1973-м — 7,4, в 1983 году — 6,3 балла. А у нас получилось даже 4,8 балла.

Престиж ученого-историка, наоборот, рос. В 1963 году у того же контингента он получил 5,8 балла, в 1973-м — 7 баллов, у нас — 7,6.

Круто идет вверх также престиж юриста, философа, филолога и других «общественников». Так что «нынче лирики в почете». Ну и, конечно, экономисты.

Очень любопытно такое обстоятельство. Там, где престиж профессии идет вверх, юноши оценивают ее выше девушек. Там же, где престиж падает, перевес девичьей оценки особенно велик. Дело, видимо, в том, что юноши реагируют на фактические перемены быстрее и более чутко, чем девушки.

Как видим, в подготовке выпускника средней общеобразовательной школы к труду в народном хозяйстве имеются существенные недостатки. И в первую очередь нежелание работать по наиболее массовым и очень важным для народного хозяйства профессиям. В процессе осуществления школьной реформы многое делается для преодоления этого основополагающего недостатка школы, в частности ускоренно развивается база трудового обучения и профессиональной ориентации учащихся старших классов. В начале 1985/86 учебного года в межшкольных учебно-производственных комбинатах трудового обучения и профессиональной ориентации обучалось 53 процента учащихся старших классов, а еще 6 процентов — в межшкольных учебно-производственных мастерских и ПТУ, в которых школьники проходят трудовое обучение.

Учеба в старших классах — это время подготовки к семейной жизни. В последние годы брак сильно помолодел. Через несколько лет большинство ны-

За изобретательность наказывать

Евгений ЛИТРОВНИК,
слесарь-ремонтник Киевского
химико-фармацевтического завода
имени М. В. Ломоносова

Когда-то наш завод считался одним из передовых в Подольском районе Киева. Я знаю об этом от матери, она проработала здесь более тридцати лет, трудится тут и отец. Но вот уже не один год мы занимаем в районе места тоже первые, да только снизу... Обо всех причинах говорить не буду. Объяснить, почему так, смогли бы, наверное, экономисты. Они назвали бы конкретные вещи, которые принято вносить в разряд объективных трудностей. Но одну причину, видимую даже невооруженным глазом, назвать можно. Имя ей — бесхозяйственность.

То попадет на глаза валяющийся полурассыпанный мешок солей, из которых изготавливается дорогой препарат. То замечает, как растворы — ценный компонент лекарств — уходят в канализацию, потому что оборудование плохо отрегулировано. Как-то на собрании я покритиковал заводских конструкторов. Разработки у них зачастую несовершенны, из-за чего и случаются утечки. В ответ на критику посыпались упреки... Начальник проектно-конструкторского отдела Н. Бялковский даже выразился в том смысле, что пекусь я не о деле, а о личной выгоде, что для меня главное — «деньгу зашибить»; вспомните, мол, историю с рационализаторским предложением Литровника, как нагло он требовал вознаграждения.

Знаете, как бывает? Повысят на тебя голос, обвинят в равачестве — и ты уже смущен, сбит с толку. Вроде бы уже и стыдно. Да только за что, если разобраться? Подумалось вот о чем: иные руководители призывают рабочих стать хозяевами предприятия, а доходит дело до серьезных вопросов, одергивают: каждый сверчок знай свой шесток! Но кто выигрывает от этого? Предприятие? Государство? Само дело, наконец? Думаю, все в проигрыше. И история с рацпредложениями тому пример.

В нашем цехе на участке рентгеноконтрастных препаратов я обслуживаю автоматическую линию — делаем ампулы с раствором. Когда я начинал здесь работать, процент бракованных ампул был недопустимо велик.

Основной брак — до 30 процентов продукции — шел у нас из-за механических примесей в готовых ампулах с лекарством. А при переработке бракованных ампул примерно треть препарата терялась. Если учесть, что одна готовая ампула стоит около пяти рублей, а в месяц их выпускается 100 тысяч, легко представить убытки.

Долго ломал голову, перепробовал десятки вариантов. Наконец сообразил, как улучшить технологию очистки ампул.

Когда начальник ОТК завода В. Яковлева официально засвидетельствовала значительное снижение брака по механическим примесям, можете представить мое ликование. Товарищи поздравляли меня. Особенно было приятно, что предложенный способ не имел тогда аналогов ни в нашей, ни в зарубежной практике. Кроме того, ожидаемый экономический эффект от нововведения, по самым скромным подсчетам, должен

был составить 200 тысяч рублей в год! Определяется эта цифра очень просто. Надо взять число бракованных по данной причине ампул до внедрения рацпредложения и после, определить стоимость разницы, умножить полученную цифру на годовой объем продукции. И все...

В 1983 году, когда рацпредложение уже использовалось, так сказать, полным ходом, я письменно напомнил председателю заводского техсовета (его возглавлял бывший тогда главным инженером завода В. Жилеев) о необходимости определить эффект. В ответ — молчание.

Вообще-то работал я над рацпредложением не ради денег, зарплата у меня достаточная. Но если предложение признано полезным и за него положено вознаграждение, то почему нельзя его получить? Что, скажите, в этом безнравственного? Однако порой приходится слышать: где же ваш стыд? Мы, дескать, сберегаем фонд заработной платы, потому и не выплачиваем «лишнего»! Человек попадает в неудобное положение: он вынужден выслушивать упреки в том, что работал... за деньги. Но ведь за деньги стыдно бездельничать, а не работать, стыдно требовать чужое, а не честно заработанное.

Короче говоря, обратился я в народный контроль. Приехала на завод комиссия, ходила, проверяла. В результате мне заплатили разовые вознаграждения «за ценность» внедренных рацпредложений. Их к тому времени уже накопилось несколько. А полученный экономический эффект при расчетах со мной опять не учли. Все же в конце концов техсовет по моему вопросу собрался. И вынес решение: есть эффект на весьма солидную сумму. Солидную-то солидную, но почти в три раза меньшую, чем реальная, определить которую — пара пустяков. Я с решением не согласился. Пусть уж все будет по-честному. Потребовал провести эксперимент, который за считанные часы помог бы определить истину. В эксперименте мне почему-то отказали...

Дважды еще заседал по этому вопросу техсовет завода — в 1984 и 1985 годах. Все никак не мог решиться... Впрочем, результатом последнего заседания явился акт, который, по моему, будет интересно привести, так он ставил все с ног на голову: «Экономический эффект от внедренного рацпредложения № 82—91 определить не представляется возможным, так как расходные нормы на основные виды сырья значительно снижены до внедрения предложения и остались на том же уровне после его внедрения».

В чем же дело? Откуда этот парадокс? Почему начисто отрицается экономия сырья, проследить которую очень легко? Увы, чтобы ответить на эти вопросы, нужно увязать чисто технические понятия с нравственными.

В самом деле загадка! В отчетах цеха нормы расходов сырья были снижены задолго до того, как появилось на свет мое рацпредложение. На каком основании? Но в том-то и дело, что снижены они были только в отчетах. В действительности цех расходовал сырье по старым нормам, намного боль-

ше, чем полагалось, и залезал в «долги».

Причина? Очень характерная. В ней, мне кажется, заключено основное зло, мешающее стимулировать рационализаторов по действительным заслугам. Речь пойдет вот о чем.

Довольно часто, чтобы выполнить план по внедрению рацпредложений, новой техники, администрация вынуждена оформлять, как бы это помягче выразиться, сомнительные мероприятия. То есть такие, экономическая эффективность которых под большим вопросом. Само собой разумеется, что в таких случаях за внедрение подобной «новой техники» порой премируются люди, имеющие к ней весьма отдаленное отношение. Нечто подобное случилось и в нашем цехе. Нормы расхода материалов снизили под очередное мероприятие по новой технике, но результат оно не дало. А обратного хода не было, так как люди получили за эти «новшества» премии. И цех копил сырьевые долги. Руководство завода знало об этом и искало выход из положения.

Естественно, мое рацпредложение, действительно экономившее сырье, оказалось как нельзя кстати. Потому-то и не спешила администрация подсчитывать его эффект. Все это я узнал позднее, а тогда, что называется, с пенью у рта доказывал свою правоту.

Надо сказать, что в первый год действия моего рацпредложения долг цеха по сырью был погашен. На второй год сырье даже стало оставаться. Думаете, теперь зафиксировали эффект от реального новшества? Как бы не так. В срочном порядке были поданы... два других предложения, якобы ощутимо снижающие расход сырья и дающие экономический эффект 150 000 рублей в год! Их авторы — руководители цеха, группа инженерно-технических работников. Не буду утверждать, что предложения эти вовсе бесполезны и являются фикцией. Это, надеюсь, не так. Но поди теперь разбери, которое из предложений какую дает экономию сырья, если и мое, и два последующих направлены на решение одной задачи. Так отвечало мне начальство. А как же эксперимент, простейший эксперимент? Неужели его невозможно провести и определить «кто есть кто»? Естественно, можно. Было бы желание. Но желания установить истину у администрации завода до сих пор нет. Ни к чему ей теперь истина, чреватая неприятностями.

Честно говоря, мне уже давно надоело вести «бумажную» борьбу за признание эффекта от внедрения рацпредложения. Окончательно же я решил не трепать нервы после того, как получил ответ из Киевского городского совета ВОИР, куда обратился за помощью. В ответе просто процитирована хорошо известная и в нашем заводском БРИЗе инструкция о порядке выплаты вознаграждения за рацпредложения... Все, с меня хватит, размышлял я. Не получилось, и ладно. Не в деньгах в конце концов счастье. Работа была и осталась интересной, чувствуешь, что приносишь пользу, ребята тебя уважают, чего еще надо? Вот и сейчас думаю над тем, как наладить автоматическую запайку ам-

пул с хлорэтилом, и интересные соображения на эту тему уже есть.

Но нет-нет, и возвращаются мысли к наболевшему. Обидно уже не только за себя, но и за других молодых ребят, у которых подобная практика отбивает охоту делать что-либо сверх положенного, воспитывает в них цинизм.

Когда история с моим «нашумевшим» рацпредложением была в разгаре, мнения молодежи на заводе разделились. Одни реагировали пассивно, другие бодлели за меня, третьи посмеивались, ехидничали: мол, много ли ты добился своей борьбой? Сиди и не рыпайся. К сожалению, последняя группа была наиболее многочисленной, и это, по моему, самое печальное. У них ведь, у этих пессимистов, был перед глазами не только мой пример. Взять хотя бы аналогичный случай с рацпредложениями Георгия Лемберта и Василия Семеновича на линии для фасовки валидола. Их тоже не оформили как полагаются. У молодого инженера-химика из заводской лаборатории (не буду по ее просьбе называть фамилию) на счету тоже несколько рацпредложений, за которые она не получила вознаграждения. Молодой инженер Вячеслав Юрьев сделал новую схему очистки сырья, позволяющую улучшить производственные показатели. Выколачивал причитающуюся сумму около двух лет. Молодой начальник цеха М. Сидюко усердствовал технологическую схему производства левомецитина, что позволило значительно увеличить выпуск продукции, улучшить условия труда. Он тоже уже более полугода «воюет» за вознаграждение.

А знаете, чем оборачивается такое отношение к молодым умельцам, творческой молодежи? Не только их пассивностью, а кое-чем и похуже. Бывали случаи на нашем заводе, когда ребята, чтобы не оказываться в роли докучливых просителей перед лицом начальника БРИЗа, внедряли собственные рацпредложения «нелегально». При этом некоторыми двигало желание насолить администрации завода, не дать ей поставить лишнюю галочку в отчете. Вот до чего доходит!

Может возникнуть вопрос: а куда смотрит комсомол? Помню, подошел ко мне наш комсомольский секретарь, спросил, сколько у меня внедренных рацпредложений — ему надо было сдавать сведения в райком.

— Удостоверений на поданные рацпредложения у меня нет, — говорю. — Экономический эффект тоже не зарегистрирован. Так что формально ты не можешь указывать мою фамилию.

Он удивился, обещал помочь и честно постарался это сделать. Пошли мы с ним в горком комсомола, я там все рассказал. Оттуда и направили меня в городской совет ВОИР. Каков был результат этого «визита», вы уже знаете.

Конечно, энтузиасты своего дела — а их всегда хватает, в том числе и на нашем заводе — будут искать, выдумывать, пробовать, внедрять новое вопреки всем трудностям. Но как хочется, чтобы не отбивали у них охоту изобретать! Чтобы новаторы могли спокойно работать и быть уверенными: права их будут защищены.

Письмо восьмое—НАБОЛЕВШЕЕ

В 1980 году вышло постановление Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по борьбе с курением».

В развитие этих мер Минздравом СССР разработаны планы «Основных организационных мероприятий по пропаганде мер борьбы с курением среди населения СССР». Я прочитал три таких плана. Первый—на 1981—1983 годы, второй—на 1984—1985-й и третий—на 1986—1990 годы. Критиковать первый и второй бесполезно, годы ушли. Что же касается последнего, то он, несомненно, шире, детальнее, конкретнее предыдущих, но... и в нем, как видно уже по заголовку, основные мероприятия направлены на «пропаганду мер борьбы...», а не на саму борьбу. Поручение Министерству пищевой промышленности: «Вопросы табачного воспитания включить в программу курсов гигиенической подготовки вновь поступающих на работу...» Выходит, так: вы, мол, назначаетесь директором табачной фабрики, но прежде убедитесь, что курить вредно, а уж потом, засучив рукава, начинайте перевыполнять план по производству табачных изделий.

Сегодня наша табачная промышленность занимает третье место в мире, можно сказать, «призовое». Несколько лет назад в печати сообщалось: 150—170

ограничению, а в дальнейшем и прекращению продажи указанных изделий в действующих в этих местах торговых предприятиях;

— обеспечить строгое соблюдение правил торговли, запретить продажу табачных изделий лицам, не достигшим 16 лет...

Эти задачи поставлены перед торговлей шесть лет назад. Как они выполняются, а точнее, как они по сей день не выполняются, каждый имеет возможность убедиться лично в любое время, достаточно оглядеться по сторонам.

Далее:

— Министерству пищевой промышленности рассмотреть вопрос о сокращении производства бесфильтровых сигарет и переходе на производство сигарет с фильтром...

Для «проверки невыполнения» этого пункта также нет необходимости создавать специальную комиссию. На сегодняшний день в Москве (я не говорю о других городах, не знаю местной номенклатуры табачных изделий) в неиссякаемом количестве продаются сигареты «Астра», «Дымок», «Полет». Самые дешевые, самые бесфильтровые, а значит, покупаемые теми, кто не может защитить свои легкие, приобретаая сигареты «высшего качества» стоимостью 80 копеек. Кто это? Школьники и студенты!

Снова беру план Минздрава на 1986—1990 годы. Внимательно просматриваю указы 19 (девятнадцати!) организациям, ищу главную, ту, что производит...

На самом последнем (двадцатом!) месте наконец-то сформулированы задачи Госагропрома. Сокращению перечислю, какие:

1. Оборотовать уголки по борьбе с курением.
2. Учебные планы дополнить вопросами пропаганды мер борьбы с курением.
3. Продолжить работу по выведению новых сортов табака с пониженным со-

Александр БОЙКО,
кандидат
педагогических наук

КУРИТЬ ИЛИ ЖИТЬ?

тысяч гектаров лучших земель у нас отданы под табак. А сколько сейчас?

Вот кое-какие цифры.

В 1940 году чай мы выращивали на 55,3 тысячи гектаров, а в 1984 году — на 80,7 тысячи (увеличение на 25 тысяч). Под табаком же в 1940 году было 72,8 тысячи гектаров, а в 1982 году — 357,7 тысячи. Увеличение — в пять раз!

Цифры эти не столько отвечают на вопросы, сколько наводят на новые.

Что выгоднее: отдать посевные площади под табак и получать от 20 до 80 копеек с пачки сигарет или под прекрасные сорта чая, какими нас давно не балует Министерство пищевой промышленности? За хороший чай миллионы людей платили бы и по два рубля за пачку, зато с гарантией, что их не ожидают рак, инфаркт, туберкулез...

Снова перебираю брошюры, в которых написано о борьбе с курением в зарубежных странах. Пытаюсь пробиться сквозь частокор цифр и процентов и все хочу хоть представить (но тоже в цифрах!), как это дело обстоит у нас. Когда читаю, что в Америке 30 миллионов бросили курить, хочу узнать: а сколько у нас? Нет, никому не известно... Кругом памятки, инструкции, методические материалы, планы мероприятий... Одно и то же, одно и то же... Этакая антикурительная бюрократия, которая привела нас в тупик.

«86,6 процента школьников осведомлены о том, что курение способствует развитию рака легких». Ну и что? Перестали курить?..

От кого же зависит, чтобы кампания против курения не оказалась набатом в деревянный колокол: звонишь, знаешь, что звонишь, никто не может сказать, что не звонишь, но никто не слышит...

Напомню, в постановлении партии и правительства «О мерах по борьбе с курением», в частности, говорилось:

— не допускать размещения киосков и магазинов по продаже табачных изделий вблизи общеобразовательных школ, ПТУ, высших и средних учебных заведений, а также принять меры к постепенному

держанием никотина. 4. Запретить производство сигарет в красочном, праздничном, космическом, спортивном оформлении. (Было в двух предыдущих планах, и ничего не изменилось.) 5. Обеспечить производство сигарет с оптимальной (?) длиной фильтра 20 миллиметров. 6. В отраслевой печати публиковать материалы антитабачной направленности. 7. Постоянно изучать передовой опыт колхозов по борьбе с курением.

Прочитал и задумался. Ведь все профилактические меры окажутся просто бессмысленной тратой государственных средств, если Госагропром выполнит только два пункта: третий и пятый...

В 1697 году царь Петр I, полагая, что курение — признак западной цивилизации, отменил запрет на табак, и государство, наложив пошлину на табачные изделия, стало получать доход. В 1997 году исполнится 300 лет, как мы отравляемся сами и отравляем друг друга. И уже никто и никогда не узнает истинную цену этого трехсотлетнего «перекура» в истории нашей страны. С чем мы придем к этой далеко не знаменательной дате?

Лозунг Всемирной организации здравоохранения «Здоровье всех к 2000 году!» — прекрасный лозунг, но будем откровенны: пока у нас столько курящих, мы к этой цели не сможем придвинуться ни на шаг.

Письмо девятое—ЗЛОБODНЕВНОЕ

Курение и наш долг перед государством и обществом, в котором живем... Правомерно ли противопоставлять одно другому? Убежден: невозможно не противопоставлять.

Да, и среди курильщиков много прекрасных людей, талантливых, добросовестных. Но ведь есть и миллионы таких, для которых курение стало своеобразным тормозом в развитии профессиональных способностей.

Курильщик с большими легкими еле шагает... «А он быстрее не может!»

Курильщик без конца бюллетенит... «Так он же слабый!»

Курильщик хватается за сердце... «Пусть полегит, отдохнет!»

Нет, далеко не личное это дело — курение. И избавление от него — задача тоже не личная, а общественная, государственная. Стало быть, и подход к ее решению у нас должен быть государственный. Ведь достаточно сопоставить растущее из года в год число инвалидов по болезням, вызванным курением, с расходами на медицинское обслуживание курильщиков, и станет ясно: проблема по своим масштабам давно уже является социально-экономической, настойчиво требует самого глубокого анализа и на его основе — законодательных мер, подобных тем, что приняты в отношении пьянства и алкоголизма.

Но вот беда: проанализировать существующее положение дел тоже, оказывается, проблема немалая. Вспомним:

в 60-х годах у нас курило 45 процентов мужчин и 26,3 процента женщин;
в 70-х — 56,9 процента мужчин и 49 процентов женщин;

в нынешнем — ???

Неужто уже настолько много, что и сказать нельзя? Или цифра эта станет известна лишь в 90-х годах?

Разноречивые данные о количестве курильщиков, которые, кстати, никак не приведет к общему знаменателю Министерство здравоохранения СССР, не позволяют иметь хотя бы приблизительное представление о численности курящей молодежи. Учащейся молодежи у нас — 44 миллиона 569 тысяч школьников, 4 миллиона 512 тысяч учащихся средних специальных учебных заведений, 5 миллионов 250 тысяч студентов вузов. Сколько миллионов из них курит? Какой процент инвалидности следует ожидать в результате нашей, прямо скажем, беспомощной борьбы, а точнее, видимости борьбы с курением? Да и как можно бороться с бедой, не располагая точными и исчерпывающими сведениями о ее размерах и не предавая эти сведения самой широкой огласке?

Мне могут возразить: задача, мол, поставлена перед соответствующими ведомствами, и вовсе не обязательно информировать общественность о каждом их шаге в этом направлении. Возможно, и не было бы такой необходимости, будь эти шаги видны, так сказать, невооруженным глазом.

Вот, казалось бы, мелочь: использование космической темы на сигаретных пачках. НИИ санпросвещения готовит плакат с текстом: «Хочешь быть космонавтом — не кури» (тираж 30 000 экземпляров). А Главтабак шлет навстречу миллионы пачек сигарет «Космос» и «Лайка»!

«Минздрав СССР предупреждает...» Сейчас эти слова — на всех сигаретах. Но возьмите, скажем, нарядную пачку «Российских» и вооружитесь лупой. Сравните размер предупредительной надписи, повествующей о вреде курения (не сразу найдете, она сбоку), с названием сигарет и убедитесь: соотношение по размеру шрифта примерно 1:15.

А разве выпуск «специальных» сигарет к знаменательным датам, в честь значительных событий в политической жизни страны не своего рода реклама? Тем не менее к открытию съезда партии Главтабак дает «добро» на выпуск сигарет «Делегатские». К юбилею Великой Победы в киосках появились сувенирные пачки сигарет «Давай закурим!». Лихой солдат, срисованный с Василия Теркина, агитирует юное поколение: «Давай!»

Что самое яркое на наших перекрестках? Табачные киоски. Сколько их в Москве, не знаю, но это и не так важно, если рядом киоски «Союзпечати» и там почти тот же ассортимент. Сигареты в отличие от хорошего чая у нас продают везде.

Письмо десятое—АДРЕСОВАННОЕ КОЛЛЕГИИ МИНИСТЕРСТВА ЗДРАВООХРАНЕНИЯ СССР

Уважаемые товарищи!

Для каждого человека и для общества в целом нет большей ценности, чем здоровье. Факты, приведенные выше и хорошо вам известные, свидетельствуют, что ценность эта находится под постоянно растущей угрозой. «Курить или жить?» — так, на наш взгляд, должен ставиться сегодня вопрос. Еще острее он может встать завтра, когда нынешние подростки, с 8—13 лет привыкающие к табаку, станут главной производительной силой страны. В то же время безрезультатность принимавшихся до сих пор мер по борьбе с курением очевидна: число курильщиков с каждым годом не уменьшается, а увеличивается, возрастают и объемы производства и продажи сигарет. В связи с этим редакция и читатели «Смены» ждут от вас ответа на вопрос: что намерено предпринять министерство в ближайшей перспективе для полного и окончательного искоренения курения?

Наша обложка:
опытные образцы
одежды
для детских домов.

Фото
Сергея
ВЕТРОВА.

Закон и ты

Юрий ФЕОФАНОВ

Решили ехать в пятницу вечером электричкой до станции, откуда рукой подать до реки Луги. Заночевать хотели на берегу — Иван Кононов, недавний учащийся ПТУ, а нынче рабочий человек, слесарь, знал подходящее место. Николай Шаганов, только что окончивший 10 классов и вырвавший у мамы два дня, предназначенные для серьезнейшей подготовки в институт, сначала отнекивался. Дело в том, что с ними собрались две девушки — Катя и Надя. Николай по натуре был крайне застенчив и очень боялся, что останутся они двое на двое. Но когда Иван сказал, что поедут еще Игорь Белопольский и Вадим Краснов, их общие знакомые, к стати, спортсмены, Коля успокоился.

Расположились отлично. Но в субботу к вечеру погода начала портиться, прошел сначала ливень, а потом зарядил нудный морозящий дождик и еще более неприятный холодный ветер. Собрались было возвратиться в город.

— Да вы что носы повесили?! — задорно кричал Иван. — Утром будет все окей. Значит, так: идем к дяде Егору. Катю и Надю помещаем в маленький сарайчик — там у охотника сено припасено. А сами в палатке — не замерзнем. Что ж, так и уедем, усадьбу знаменитого поэта — это километрах в десяти — не посмотрим? Нет. Сами себе не простим. Ночуем. Решено и подписано.

Компания легко согласилась на такой вариант.

Был уже поздний вечер, дяди Егора дома не оказалось, но его старуха мать охотно открыла сараюшку. Она приглашала девушек в дом, но те сказали, что на сене им будет интереснее.

Ребята раскинули палатку неподалеку от сарая, в кустах около какого-то ручейка, и вскоре раздался, как обычно говорят, их богатырский храп. А Коля никак не мог заснуть. В глазах его витал образ Кати, черноглазой, такой стремительной в движениях, решительной, как ему казалось. Девушка сразу же поразила его, быстрая, легкая, насмешливая. «Влюбился я, что ли?» — думал Коля, переворачиваясь на другой бок.

И тут он услышал какой-то шум со стороны сарая. Кто-то кричал, раздавались удары. Коля, задремавший было, выполз из палатки. Ему показалось, что около сарая, где ночевали девушки, кто-то двигается — дождь к тому времени кончился, и взошла полная луна. «А ну, открывай!» — Коле послышалось, что именно эти слова произнес мужской голос.

В сарай ломались трое пьяных. Они орали: «Откройте, все равно всю халупу разнесем». На крыльце стояла старуха и кричала, что вызовет милицию, на что один из нападавших ответил: «Зови, бабка, зови».

— Вы что делаете, подонки! — набросился Коля на трех здоровых парней. Щупленький, в трусах, он лишь рассмешился тех. И когда кинулся на них, то тут же его отшвырнули к самой избе, где кричала старуха.

Коля вскричал. Что делать? Если бы догадался поднять ребят. Но кто же знал?

Меж тем пьяная троица помилась в сарай, дверь, достаточно прочная, вот-вот готова была сорваться с петель. И тогда Колю вдруг озарило — дядя Егор охотник... Он стремительно вбежал в избу. Одно ружье висело на стене, другое стояло в углу. Вот! Николай схватил двустволку и выскочил на улицу.

— А ну, назад! Ложись! Стреляю. Вид дрожащего паренька с ружьем рассмешил, однако, и отрезвил нападавших.

— Брось «пушку». Тоже мне, забаву нашел. — Один из парней, чуть пошатываясь, двинулся на Шаганова. — Брось ружье, хлюпик.

Он был в двух метрах, когда Коля Шаганов нажал на спуск. Раздался сухой щелчок курка. Коля был в отчаянии. Он ринулся мимо растерявшихся было парней к сараю.

— Надя, Катя, это я... Быстро. Девушка отодвинула тяжелый засов. Шаганов, весь дрожащий, в трусах и с двустволкой, был, наверное, комичен. Но девушки ощутили себя под защитой.

— Надяка, закрывай, — вскрикнула Катя.

Но было поздно. Нога в сапоге встряла меж дверью и порогом. В следующий момент троица уже ввалилась в сарай.

— Назад, стреляю! — в отчаянии крикнул Коля.

И выстрел грянул. В упор. В первого из нападавших — Константина Барышева, как это потом выяснилось. Тот схватился за грудь и начал оседать. Двое его дружков заметались в темени сарая.

Как полагается, приехавшие милиционеры составили протокол, допросили свидетелей. Возбудили уголовное дело по факту насильственной смерти Барышева. Шаганову предъявили обвинение в умышленном убийстве без отягчающих вину обстоятельств. И осудили на 6 лет. Однако вышестоящий суд отменил это решение.

Новое обвинение: убийство при превышении пределов необходимой обороны. И свидетели, и защита говорили об

Каждый имеет право защищать себя и близких. Но где проходят пределы необходимой обороны?

одном: Николай Шаганов защищался от явного нападения. Да, он был сильно взволнован. Но действовал правомерно, когда побежал в избу и схватил ружье. Как же иначе он мог защитить девушек от явно хулиганских действий троих пьяных?

Однако у обвинения к тому времени появились новые аргументы, якобы подтверждающие вину Николая Шаганова. Нет, никаких новых обстоятельств самого происшествия следствие не выяснило. Но адвокат располагал документами, самым положительным образом характеризующими тех, кого называли потерпевшими. То есть тех троих, из которых остались в живых двое.

Нет, характеристики были хоть и стандартны по форме, но они не лгали. Действительно, то были обычные парни, хорошо всем известные в поселке. И поселок им сочувствовал.

«Винючники» же происшествия были пришлыми. То, что один из гостей бывал несколько раз у дяди Егора, положения не меняло: все равно все они были чужими. Приехали, видите ли, развлекаться, когда сельские труженики не покладая рук трудятся в поле и на фермах. Никто их сюда не звал.

Так исподволь создавалось «общественное мнение». Оно не могло не давить на сознание следователей, прокуроров, судей. К тому же была реальная жертва происшествия — оборванная жизнь передового механизатора, молодого мужа и отца.

Очевидно, под влиянием всех разговоров и пересудов старуха, мать дяди Егора, единственный, в сущности, свидетель, не то чтобы изменила показания, но чуть-чуть их сгладила. Она не могла отрицать, что трое парней пришли и помилась в сарай. Но уже слово «ломались» отсутствовало — «хотели войти». Раньше были «пьяными» — теперь стали «может, и выпившие, кто их знает, я с ними не сидела». Зато ребята, приехавшие отдохнуть, изображались чуть ли не бандитами, которые втор-

1 Виктор ПЕРЕВЕДЕНЦЕВ. «ТВОЙ АВТОПОРТРЕТ».

2 ЧТО ВОЛНУЕТ МОЛОДЫХ.
Евгений ЛИТРОВНИК.
«ЗА ИЗОБРЕТАТЕЛЬНОСТЬ... НАКАЗАТЬ».

3 БЕРЕГИ ЗДОРОВЬЕ СМОЛОДУ.
Александр БОЙКО. «КУРИТЬ ИЛИ ЖИТЬ?»

4 ЗАКОН И ТЫ. Юрий ФЕОФАНОВ. «ВЫСТРЕЛ».

6 ЖИЗНЬ СЕМЬИ.
«ДОМАШНЯЯ ЭКОНОМИКА».

8 Руслан ПЕРВИЦКИЙ. «ЗАПОРОЖЕЦ ЗА УРАЛОМ».

10 ТВОРЧЕСКАЯ ПЕДАГОГИКА.
Станислав ТОКАРЕВ. «БЕЗ ОСТРЫХ УГЛОВ».

12 ДЕТСКИЙ ДОМ — ТЕПЛЫЙ ДОМ.
«ПОКА В ОДНОМ ЭКЗЕМПЛЯРЕ».

14 Андрей КАРАУЛОВ. «ТЕАТР ФЕДОРА АБРАМОВА».

16 ОТЕЧЕСТВО.
Алексей НИКОЛАЕВ. «ЕЛАБУЖСКИЙ РОДНИК».

18 Стихи Ольги ФОКИНОЙ.

22 Стихи Давида САМОЙЛОВА.

23 КЛУБ «МУЗЫКА С ТОБОЙ».

24 Юрий ГЛАЗКОВ. «ФАНТАСТИЧЕСКИЕ НОВЕЛЛЫ».

26 ПУБЛИКАЦИИ «СМЕНИ».
Повесть Юрия ВИЗБОРА «АРКТИКА, ДОМ ДВА».

29 ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС «СМЕНИ».
Агата КРИСТИ. «ПРОИСШЕСТВИЕ В СТАРОМ ЗАМКЕ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ.

Редколлегия: В. И. ВИНОКУРОВ, Б. Л. ДАНИШЕВСКИЙ (ответственный секретарь), В. И. ДЕСЯТЕРИК, М. Г. КИЗИЛОВ (заместитель главного редактора), А. П. КУЛЕШОВ, И. Н. ОРДЖОНИКИДЗЕ, Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САОШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, В. П. СЕРИКОВ, И. А. СЕРКОВ (заместитель главного редактора), Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник Г. С. Терзибашьянц. Технический редактор А. В. Гусева.

глись на суверенную территорию, а девушки — нахалками, захватившими чужое строение.

— Приговор, обвинявший Николая Шаганова в умышленном убийстве, как известно, отменен вышестоящим судом, — говорил на новом суде государственный обвинитель, — дело еще раз тщательно проверено. Да, умысла на убийство у подсудимого не было. Но скажите, подсудимый, разве вы ощущали реальную угрозу со стороны людей, хотевших... войти в сарай?

— Но там же были девушки... И потом... Он же шел на меня с кулаками... И потом... в сарай ломился.

— Тоже с кулаками? Или у него в руках что-то было? Оружие? Ломик? Железо какое-нибудь?

— Нет, ничего не было...

Коля был явно растерян. Он все же считал себя виноватым. Хотя бы в том, что от его руки погиб человек. На первом суде, во время следствия, он уже понимал, что с юридической стороны у него сильные аргументы, доказывающие как раз правомерность его действий. Но одно дело юридические доводы, и совсем иное — душевное состояние. К тому же был обвинительный приговор, пусть и отмененный.

— Так, значит, в руках у потерпевшего ничего не было... Но он грозил вас убить или покарать?

— Он кричал, что всю халупу разнесет. Они все кричали. Я испугался...

Адвокат стал задавать свои вопросы. — Вы говорите, подсудимый, что испугались. А чего, собственно? Ведь никакого оружия в руках у нападавшего не было?

на жизнь, здоровье или честь находившихся в сарае. Они даже не дотронулись ни до кого. И поэтому «реальной угрозы никому не было». Следовательно, нажимать на спусковой крючок заряженного ружья не было никакой необходимости. Подсудимый действовал несоизмеренно угрозе.

Шаганова осудили на меньший срок. Но все же осудили. Признали виновным. Потом был опротестован и этот приговор. И так дошло это дело до высшей судебной инстанции.

Всякий приговор лишь в том случае справедлив, если обоснован в каждой своей строке. И понятен. Тогда он воспитателен. Тогда он акт правосудия. Подсудимый и его адвокат в суде говорили: имел ли право на оборону Николай Шаганов? А им отвечали: он виновен в умышленном убийстве. Что было ему делать в такой ситуации? В ответ: разве можно оставить безнаказанным убийство?

Благородство, рывок на зов помощи, гнев против зла берут начало в эмоциях больше, чем в разуме в каждый данный момент. Но не в диких, необузданных эмоциях, а исходящих из разума, воспитания, нравственного чувства. Из диких необузданных эмоций исходит хулиганство. Мудрость и принципиальность судей должны учитывать это. Да, определенные впечатления от результата происшествия не могут не давить: все же погиб человек. В этом-то и состоит сложность дел, связанных с необходимой обороной: была она правомерной, вне зависимости от последствий, или все же превышены были ее пределы? Закон, обосновывая право граждани-

ленном убийстве... Действия потерпевшего Барышева и его сообщников представляли собой реальное посягательство на Шаганова и находившихся с ним в сарае женщин. Производя выстрел, Шаганов имел целью отразить противоправные действия, и по делу не установлено иных мотивов. При таких обстоятельствах следует прийти к выводу, что действия Шаганова являлись актом обороны от преступного посягательства».

Так закончилась история, в которой молодой парень поступил так, как ему подсказывал долг. Конечно, было бы хорошо, если бы суд сразу оправдал Колю Шаганова. В большинстве случаев так и бывает. Но далеко не всегда. Поэтому Пленум Верховного суда СССР еще и еще раз возвращается к этому вопросу: важно, чтобы под прикрытием права на оборону не чинился самосуд из мести, по злобе. Но и чтобы правомерные действия не осуждались.

Поэтому стоит напомнить точные формулы закона.

Право гражданина защитить себя или другого человека, оградить интересы государства и общества от преступных посягательств составляет, как говорят юристы, институт необходимой обороны. Каков его смысл? Закон гласит: действие, хотя и подпадающее под признаки, предусмотренные Уголовным кодексом, но совершенное в состоянии необходимой обороны, если при этом не превышены ее пределы, не является преступлением (ст. 13 Основ уголовного законодательства). Напротив, такое действие правомерно, оно не влечет ответственности вне зависимости от

В момент нападения человек редко бывает спокойным. Он не всегда способен точно соразмерить свои действия с реальностью угрозы. Он не может, да и не обязан знать умысел нападающего, все это необходимо учитывать при оценке обстоятельств дела. Но не всегда, как отмечалось, учитывается.

А бывает и трудно учесть. Превышением пределов необходимой обороны считается явное несоответствие защиты характеру и опасности посягательства.

А что значит явное? Толковать это можно очень широко.

Еще один важный юридический вопрос. Право на необходимую оборону возникает, как сказано в законе, от преступного посягательства, то есть от действия, предусмотренного Уголовным кодексом. А если такое действие под УК не подпадает? Например, мелкое хулиганство, которое влечет лишь административную ответственность? Как тут вести себя человеку? И где граница между хулиганством мелким и дерзким в глазах того, кто подвергся нападению?

Однако не только чисто правовые вопросы интересовали высшую судебную инстанцию страны. В практике применения закона, связанного с необходимой обороной, возникает и существенный моральный аспект. Эти два начала здесь очень тесно связаны, ибо от правильного применения закона во многом зависит поведение граждан, их уверенность в своем праве встать на защиту других людей, общественных интересов, социалистической собственности.

Вот характерный случай. Некто Таращук со своими приятелями ночью крал колхозное имущество. Сторож Левин выстрелом из ружья серьезно ранил Таращука. Органы предварительного следствия пришли к выводу, что сторож виноват в тяжком преступлении. Калужский областной суд с этим не согласился. Но все же Левина осудили за превышение пределов необходимой обороны (ст. 105 УК РСФСР). Прокурор принес кассационный протест, приговор отменили и послали на доследование. При чем сослались на то, что лично Левину никто не грозил, а поэтому к нему вообще неприменимы нормы о необходимой обороне. Выходит, он должен был «не заметить» воров, а то и вообще убежать от греха подальше?

Разумеется, такая позиция ничего общего не имеет ни с духом, ни с буквой советского закона. Обвинение сторожа, вставшего на защиту народного добра, и противоправно, и крайне аморально. В самом деле: какую же мораль можно извлечь, если человека осуждают за то, что он защищал интересы колхоза от безусловно общественно опасного посягательства? Фактически такой приговор утверждает: коль лично тебе ничего не грозит, так и не ввязывайся, отойди в сторону.

В постановлении Пленума Верховного суда СССР специально обращено внимание на то, что граждане в состоянии необходимой обороны вправе дать отпор посягающему. Это означает право на активное поведение, даже если есть возможность спастись бегством. Нельзя обязать гражданина быть храбрым и отважным, но мы не вправе и осуждать за отвагу и гражданское мужество.

Словом, вопрос о необходимой обороне очень и очень сложен при кажущейся ясности: на меня напали — я обороняюсь. Ведь под видом необходимой обороны кое-кто пытается свести счеты с недругом. Бывает, озлобленный человек унижает самый настоящий самосуд: паренек сорвал в саду яблоко, а по нему из ружья. Вариантов может быть много. Поэтому закон предусматривает ответственность за подобные действия. Он карает и за превышение пределов необходимой обороны. Но ни в коем случае не лишает человека права защитить себя, своих близких, государственные или общественные интересы от преступных посягательств.

ВЫСТРЕЛ

— Но они бы избili меня, покарлили бы... Я плохо соображал тогда. И потом... девушки... Я подумал... Зачем же им в сарай ломиться, если не за... этим...

— Иными словами, вы ощущали угрозу себе, своему здоровью, а также безопасности девушек?

— Ну да... Зачем бы я за ружьем побежал?

— Вы никогда раньше не встречали нападавших? Ведь один из вашей компании бывал в этих местах, дядю Егора знал.

— Первый раз их видел... Тогда, в ту ночь, я даже и не разглядел толком никого.

Так шли прения между обвинением и защитой в ходе допроса Николая Шаганова.

Дальше суд тщательно допрашивал свидетелей, которые хорошо знали ребят, пришедших в ту ночь к сараю. По их словам, ни от одного из троих нельзя было ожидать преступных действий. Мало того, что они хорошо работали, но слыли и непьющими.

— Так... иногда себе позволяли... В выходной или на праздник, — это говорили почти все.

Защита и не пыталась порочить свидетелей. Адвокат лишь настаивал на том, что Николай Шаганов не знал, не мог и не обязан был знать моральный облик людей, которые ломились в сарай, где ночевали девушки. Он не знал и не мог знать их истинных намерений. Но это отнюдь не отнимает у него права на защиту. Он, Николай Шаганов, никак не мог надеяться на свои силы против троих пьяных мужчин. И он прибег к единственно реальному в тех условиях средству защиты — схватил ружье. И это было правомерно с его стороны, поскольку угроза нападения была немимой, а вполне реальной.

На это обвинение выкладывали такие доводы. Да, парни были пьяны. Но в руках у них не было никакого оружия. Ничто не доказывает, что они посягали

на оборону, исходит из моральной обязанности советского человека бороться со злом. И все-таки не любыми средствами в любой ситуации. И судей в некоторых случаях можно понять — они находят под прессом последствий трагедии. Им трудно, очень трудно. И тем не менее их приговор должен быть объективен вне зависимости от всех приводящих обстоятельств — таково требование закона.

Сложны эти дела не только в юридическом, но и в нравственно-психологическом смысле. Особенно тогда, когда морально неправая сторона понесла большие потери, когда результатом пусть даже виновных действий стала оборванная человеческая жизнь.

Но ведь человек, обороняющий себя, другого, вставая на защиту государственных интересов, действует, как правило, во внезапно сложившейся ситуации. Ему трудно поступить так, как это, между прочим, сделала знаменитая американская актриса Ширли Маклейн. Некий бульварный фельетонист долгие годы травил актрису, клеветал на нее безудержно. Не выдержав, рассудительная американка решила учинить самосуд: при всех дать подонку пощечину. И дала. Но... предварительно посоветовалась с адвокатом: что будет.

— Все будет в порядке, — ответил адвокат, — если вы ударите ладонью. Ладонью нельзя нанести физического увечья.

Да, таковы «правила игры», для нас, разумеется, не приемлемой. Но кто мог бы дать столь «мудрый» совет Коле Шаганову? Кто его даст человеку, у которого нападают?

ИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА СССР: «Правильно установив фактические обстоятельства, предшествовавшие совершению преступления, суд и следующие судебные инстанции вместе с тем неосновательно пришли к выводу о виновности Шаганова в умыш-

последствия, которые могут наступить для нападающего.

Подчеркну: не только себя вправе гражданин защитить, но и другое лицо. Не только жизнь, но и здоровье, достоинство, честь. Не только человека защитить, но и общественные интересы.

Нормы закона тут достаточно четки и ясны. Но вот приложить закон к жизни бывает очень и очень непросто.

В одной семье из Барнаула сложилась крайне тяжелая обстановка. Муж без конца пьянствовал, издевался над женой, бил ее. Устроив в очередной раз скандал, озверевший пьянчуга схватил топор и замахнулся на жену. Той удалось выхватить топор и ударить нападающего.

Дело это разбирали районный суд. И не признал, что жена находилась в состоянии необходимой обороны, когда наносила удар. Ее осудили за умышленное убийство. Не спешите делать вывод, что судьи были предвзяты или равнодушны. Тут есть одна тонкость. По мнению некоторых юристов, в момент, когда орудие нападения переходит в руки обороняющегося, состояние обороны прекращается. Мол, вырвала топор, значит, уже нет и угрозы, уже неправомерно-де пускать самой в ход оружие. Это неверная точка зрения, никак не исходящая из духа и буквы закона. Но она существует. Не случайно приговор районного суда, побывав во всех инстанциях, дошел до Верховного суда СССР.

Мне вспомнилось еще одно судебное дело. Очень пьяный человек замахнулся на женщину, дал ей пощечину, обругал грязно. Муж мгновенно ударил его. Пьяный упал, стукнулся головой о край тротуара и умер. Суд вынес обвинительный приговор. Его отменили. Еще один. Снова отменили. Четыре или пять раз рассматривали дело. Почему же не сразу признаны правомерными действия супруга оскорбленной женщины? Судья говорил мне тогда: «На одной чаше весов пощечина, пусть и женщине, а на другой — труп. Очень трудно простить».

Семьдесят миллионов семей в нашей стране... У каждой свой очаг, свой круг родных людей, свой уют — все то, что называется домом. И каждая такая ячейка нашего общества как бы подключена к общей системе жизнеобеспечения. По каналам этой системы — электрическим и тепловым сетям, водопроводу, газопроводу, через торговые, бытовые, коммунальные организации и предприятия — мы получаем все, что необходимо для нормального содержания домашнего очага.

Да, год от года мы живем лучше — каждый из нас и страна в целом. Но нельзя забывать, каким трудом дается каждый пуд хлеба, килограмм мяса, литр молока, тонна горячего... Земля требует все большего ухода и все больше средств, чтобы ответить колоссальным урожаем; полезные ископаемые «прячутся» все глубже в недра, все дальше от промышленных центров, а значит, обходятся дороже. Поэтому крайне важно научиться толково, с умом распоряжаться всем этим добром. То, как мы обходимся с энергией, топливом, водой, продуктами питания в своем доме, — далеко не личный вопрос. Бережное отношение к различным благам — понятие в равной степени и социально-экономическое, и нравственное.

Экономическое воспитание начинается с дома, с семьи. Тот, кто не умеет и не желает считать граммы, ватты, капли, минуты, тот как бы заражен микробом бесхозяйственности. Настоящий хозяин в своем доме — это чаще всего и истинный хозяин на производстве, в колхозе, на стройке, в учреждении. Человек, который не выбросит в мусоропровод краюху черствого хлеба, не пройдет и мимо брошенной детали на заводском дворе.

В общем-то никто никогда не признается, что он транжира или скупец. Все стремятся к «золотой» середине, и это в принципе очень хорошо. Мы такие, какие есть. Но мы еще и такие, какими хотим стать. Порой достаточно подсказки, совета, укора — и рука выбрасывающая становится рукой сохраняющей. Одним словом, речь идет о тесном союзе Разума и Потребностей — о разумном потреблении. О том, что всякое благосостояние — а в семье, быть может, в первую очередь — немалым без экономного, рачительного отношения ко всему тому, что добывается трудом и потом. Такое отношение, конечно же, само не приходит — его необходимо формировать, воспитывать, ему надо учиться. Кстати, и само слово «экономика» в своем изначальном смысле означает не что иное, как искусство ведения домашнего хозяйства.

Обо всем этом и пойдет речь на нашем «заочном семинаре», который ведут журналисты Михаил БЕРГЕР и Евгений КАНЕВСКИЙ.

Мы приглашаем вас в квартиру молодой московской семьи Федосовых. Почему именно в этот дом? Каждый из нас, хочет он того или нет, является в той или иной мере «материалом» для статистики. Но есть люди, которые являются не только объектом статистики. Они активно сотрудничают с ЦСУ СССР, фиксируя все свои доходы и расходы, из которых потом складываются данные, питающие статистические сборники. Частные наблюдения этих людей наиболее объективно отражают их реальный жизненный опыт. Эти наблюдения не искажены капризами памяти, переменчивостью настроения и другими субъективными помехами, так как основаны не на воспоминаниях, а на записях.

ЦСУ СССР, изучая материальный и культурный уровень жизни в нашей стране, проводит выборочное обследование бюджетов более 30 тысяч семей. Семья Федосовых — одна из тех, что

непосредственно стоят за «средними цифрами».

Но средние цифры — это тот лес, за которым не каждый разглядит деревья. Мы решили «размотать» среднестатистическую молодую семью назад, к первоисточнику, к семье конкретной. При этом мы не собираемся забывать о статистике, характеризующей количественные закономерности жизни общества.

Наш рассказ можно рассматривать как нечто вроде «деловой игры» по домоводству. Любой факт или эпизод из жизни наших героев каждый волен «примерить» на свой дом, поразмышлять о совпадениях и отклонениях, сделать из этого выводы или просто принять к сведению, а также убедиться на практике, действительно ли, как сказал классик, счастливые семьи похожи.

Естественно, круг наших интересов значительно шире пунктов статистичности. Предметом нашего разговора станет не только денежный бюджет, но и бюджет времени, духовной жизни. Поэтому мы не раз побываем в гостеприимном доме Федосовых. Мы договорились, что будем встречаться по воскресеньям, когда вся семья в сборе.

Воскресенье первое. Ольге и Валерию Федосовым без малого по тридцать лет. Они, так сказать, на последнем рубеже «статистической» молодости. Ольга работает сортировщицей мехового сырья на Ростокинском комбинате производственного объединения «Труд», Валерий — водителем МАЗа автокомбината № 25. Поженились двенадцать лет назад. У них двое детей. Алеша учится в четвертом классе. (Когда потерял портфель, написал объявление: «Нашедшего вещи ученика 4-го класса 818-й школы А. Федосова дневник просят не возвращать».) Юле шесть лет. (Она готовится в школу и терзает родителей каверзными вопросами типа: «Сколько будет пять отнять три?» или «Сколько будет пять четыре?»)

Первоначально мы решили не называть имена героев наших бытовых очерков. Далеко не каждый захочет, чтобы о его домашних проблемах узнали несколько миллионов читателей. Дело даже не столько в этих миллионах, сколько в соседях, знакомых, родственниках... Для нас, признаться, было некоторой неожиданностью, когда на коротком семейном совете Валерий твердо заявил:

— Знаете, как-то не верю я некоему «Марии Т.» или некоему «Владимиру И.». Не доверяю я им, потому что неконкретное кажется мне ненастоящим. А мы-то настоящие. И раз уж вы решили рассказать о нас, то хочется, чтобы ничего не вызывало сомнений. Иначе грош цена нашей откровенности, а отвечать мы собираемся начистоту — стесняться нам нечего: что есть — то есть, чего нет — того нет.

Живут Федосовы в трехкомнатной квартире, хоть и старой планировки — маленькая кухня, две комнаты смежные, — но отдельной. В доме достаток, видный невооруженным глазом, хотя и далекий от уровня «все у нас есть».

Словом, перед нами молодая, но уже со стажем семья, крепко вставшая на ноги.

Из истории семьи. В девятом классе Валерия перевели в новую школу. Он оказался в одном классе с Олей, своей будущей женой. Кстати, учителя бывшего 10-го «Б» класса школы № 599 называют класс выпуска 1973 года не иначе как «Федосовским». Счастливым браком соучеников стал его «особой приметой».

...Первой заподозрила неладное мать Валерия. И на всякий случай спрятала паспорт сына. Интуиция не подвела Валентину Егоровну: Валерий и Ольга решили подать заявление в загс. Но что такое маленькие родительские хитрости перед твердым намерением жениться?

Наверное, ни один таможенник мира не осматривал с таким тщанием каюту или багаж, с каким Валерий искал у себя дома свой паспорт. А кто ищет, как известно, находит. Однако на первый раз судьба была на стороне родителей. В тот день, понедельник, в загсе был выходной.

Дома паспорт был вновь изъят и спрятан в новом месте. Но ведь в неделю так много других дней ничуть не хуже понедельника. Паспорт Валерий снова нашел, заявление подал, и в доме Федосовых завязался скандал. Валентин и Валентина Федосовы оказались яркими противниками ранних браков. В доме Ольги придерживались той же точки зрения, но там родительские позиции были сильно ослаблены драматичной историей знакомых Анны Егоровны и Анатолия Михайловича. В свое время родители этих знакомых добились своего и помешали их браку. Позже у каждого из них сложилась своя отдельная, но одинаково неудачная жизнь. Дурной пример бывает не только заразителем, но и учителем. Поэтому родители Ольги были не столь категоричны, что позволило Валерию настоять на своем, то есть уйти из дома к невесте.

Валерий старался не попадаться на глаза отцу, который работает на том же автокомбинате, а вечером они с Ольгой прикидывали: потянут ли снять комнату?

По всем подсчетам выходило, что потянут. Их совокупный доход состав-

лял в ту пору 200 рублей. Если снять комнату за 40 или 50 рублей, то на оставшиеся вполне можно жить.

Расчеты эти не оправдались в самом лучшем смысле. К концу второго дня отец подъехал на своей машине к Валерию и сказал:

— Ну вот что, парень, вижу я, твои намерения действительно серьезные. Бросай дурить, возвращайся домой. Свадьба была сыграна, и брак, свершенный на небесах, получил земное подтверждение.

Молодым выделили комнату в квартире у Ольги. Причины тому были следующие. С обеих сторон имелись трехкомнатные квартиры, но у Валерия жила старшая сестра с мужем и ребенком. А в квартире Ольгиных родителей жил только ее неженатый брат.

Какая молодая семья не знает удобств и тягот совместной жизни с родителями? Экономические отношения семей строятся обычно так: а) совместный стол и совместный бюджет; б) все отдельно; в) общий стол с культурно-бытовой автономией; ре же — г) общий бюджет с элементами кухонной независимости.

Но как бы ни складывались отношения, любая из этих форм материальных связей рано или поздно начинает становиться неудобной.

Поскольку Ольга и Валерий пришли «на все готовое», то есть им не предстояло обзаводиться мебелью, тратиться на жилье, решено было, что молодые как люди самостоятельные будут при-

ШНЯЯ

Рисунок Владимира
УБОРЕВИЧА-БОРОВСКОГО

нимать участие в кухонных расходах. В доме имела старая сахарница, которая давно уже не использовалась по назначению. Там лежали деньги на текущие расходы, то есть на питание. Определили, что молодая хозяйка будет класть в сахарницу 70 рублей ежемесячно, остальные — около 130 рублей — оставались в распоряжении молодых.

Но Анна Егоровна, ведавшая общими расходами, практически не трогала деньги молодоженов — то по забывчивости, то будто бы за ненадобностью. Оля, не желавшая полного иждивенчества, естественно, была недовольна.

Чтобы избежать споров, решили, что молодые будут питаться отдельно. Но мыслимо ли это на одной кухне, при общем холодильнике да еще между родными людьми, относящимися друг к другу с искренним уважением?

Короче говоря, между старшими и младшими поколениями образовался сложный смешанный вариант денежных отношений с максимальным предпочтением финансовых интересов молодых.

Этот «щадящий» режим вскоре позволил молодой семье сделать первую серьезную и почти самостоятельную покупку — хрустальную люстру за 220 рублей. 170 рублей были собственными, пятьдесят добавила Валентина Егоровна.

К чести сторон следует заметить, что безбедная жизнь за родительской спиной не испортила представлений Фе-

досовых о проблемах реальной семейной жизни. Сказалась лишь положительная сторона такого положения вещей. Оля и Валерий были избавлены от мелких финансово-бытовых проблем, которые нередко разрушают молодую семью в первые же месяцы ее существования, что ничуть не умаляет достоинств ситуации, когда молодые все начинают с нуля. В том случае, конечно, если их совместная жизнь к нулю не приходит.

СОЦИАЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

В 1984 году разбились о рифы быта и характеров семейные судьбы у 811 591 молодого человека в возрасте до 29 лет. Сравните: в том же году вступило в брак 4 332 080 их сверстников. И все же процент «брака» в брачном процессе велик. На XXVII съезде партии прозвучала особая забота о молодых семьях. Указывалось: более продуманной должна быть система материальной помощи молодым, и прежде всего в решении жилищно-бытовых проблем. Высказана и озабоченность: видимо, целесообразно рассмотреть предложение о совершенствовании правовых норм с тем, чтобы повысить ответственность граждан, государственных и общественных организаций за укрепление семьи, ее устоев.

Оля и Валерий со свойственной далеко не всем молодым семьям основательностью стали откладывать

деньги. За два года у них накопилось 1500 рублей.

Родился Алешка, Валерий ушел в армию, и эти полторы тысячи очень выручили молодую маму. По-прежнему получая все виды помощи от родителей, она с полным основанием не считала себя сидящей на родительской шее.

В 1978 году Валерий вернулся из армии, поступил на тот же автокомбинат. Оля к тому времени уже работала.

На сберкнижке от полутора тысяч оставалось еще около трехсот рублей. Валерий получил депонированные по случаю его призыва на службу деньги: выходное пособие, неиспользованные отпускные. Так Федосовы сделали вторую самостоятельную покупку: цветной телевизор за 742 рубля.

СОЦИАЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

За 25 лет общественные фонды потребления увеличились более чем в пять раз и составили в 1984 году 37,6 процента той части национального дохода, которая идет на потребление. В расчете на душу населения это 508 рублей. Планируется в двенадцатой пятилетке увеличить общественные фонды потребления на 20—23 процента. Заметим, что на эти цели расходуются три четверти национального дохода. Как известно, средства из фондов потребления идут на обеспечение бесплатного образования, повышение профессиональной квалификации, бесплатной медицинской помощи, на пособия, стипендии, оплаты отпусков, выплат по болезни, на содержание общественного жилого фонда и коммунальных предприятий, дошкольных учреждений и для ряда других льгот. Сюда же относятся дотации на поддержание низкой квартирной платы, некоторые виды культурного обслуживания (театры, библиотеки, клубы), городской пассажирский транспорт и т. д.

Особая статья — помощь семьям, имеющим детей. Основными направлениями экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года предусматривается увеличение продолжительности частично оплачиваемого отпуска женщинам-матерям по уходу за ребенком до достижения им полутора лет с одновременным предоставлением права на дополнительный неоплачиваемый отпуск сроком до 6 месяцев. Решено также отменить взимание с молодоженов налога на малосемейных граждан в течение первого года с момента регистрации брака.

Еще на старой квартире была куплена мебель: болгарская стенка и спальня. К моменту покупки ребята накопили 700 рублей. Истратили значительно больше — две четверта. Полторы тысячи добавила «без отдачи» теща, Анна Егоровна. Двести рублей взяли тоже у родителей, но с отдачей.

В 1980 году купили ковер за 720 рублей. Валерий к тому времени уже имел II класс, зарабатывал хорошо, за двести. Оля тоже стала получать больше: окончила заочно пушно-меховой техникум, получила четвертый разряд. Так что и эту крупную покупку, хоть частью и в долг, но все же осилили.

СОЦИАЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

В сентябре 1984 года работники статистики провели единовременное выборочное обследование обеспеченности молодых семей предметами культуры и быта. Вот каковы результаты в расчете на 100 семей. Радио-приемных устройств оказалось 59, телевизоров — 107, магнитофонов и приставок к ним — 43, холодильников — 90, стиральных машин — 73, швейных машинок — 53, мотоциклов и мотороллеров — 17, мопедов и мотвелосипедов — 8, легковых автома-

шин — 13, фотоаппаратов — 22, часов — 98, пианино и роялей — 3.

Отметим одну особенность: в среднем около 95 процентов всех перечисленных предметов быта было приобретено в первые четыре года супружества.

С 1980 года Федосовы стали жить в отдельной трехкомнатной квартире. Собственно, новой квартирой стала та же старая, где они жили и раньше. Олины родители получили другую квартиру, а у молодых Федосовых родилась Юлия, и трехкомнатную квартиру оставили за ними.

Многое у новоселов уже было, тарелки на первый случай подарили родители. Покупать пришлось кухонную мебель на 200 рублей и столовые приборы на 60 рублей.

Два года, вернее, два лета мучились без холодильника. Лишь бы какой купить не хотелось, записались на «ЗИЛ». В 1982 году пришла открытка: вместо «ЗИЛа» предлагали взять «Оку». Холодильник хороший, но на сто с лишним рублей дороже. Однако решили все-таки брать. 300 рублей Оля получила в кассе взаимопомощи, 200 добавил свекор. Оля долго грозилась приобрести стиральную машину: надоело в ванной гнутья — все-таки двое детей в доме.

— Купим машину — я буду читать, она будет стирать, — мечтала Оля. Валерий относился к этой идее сдержанно. Летом 1982 года обстоятельства сложились следующим образом. Валерий уехал в командировку, Оля сняла с книжки последние сто рублей, добавила 60 рублей от Валентина Петровича и купила «Эврику».

— Но Олины мечты так и не сбылись, — улыбается Валерий. — Читать по-прежнему некогда, а машина сама без меня не стирает: воду залить, воду слить, прополоскать...

СОЦИАЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Сейчас у нас более 60 процентов населения имеют доход на члена семьи свыше 100 рублей. 15 лет назад через сторублевую черту перешагнуло только 18 процентов населения. Эта сумма доходов рассматривается специалистами как своего рода граница, за которой начинается свобода потребительского выбора. Разумеется, это не значит, что в семье с такими доходами появились излишние деньги. На практике излишков вообще быть не может, поскольку росту потребностей нет предела. Свобода потребительского выбора означает, что удовлетворены все насущные потребности в питании, одежде, основных товарах культурно-бытового и хозяйственного назначения, не просто товарах, а товарах повышенного качества.

В 1983 году в отпуск поехали в деревню к родственникам Анны Егоровны. А какие в деревне да еще у родни траты? Только на дорогу от Москвы и обратно. Таким образом на сэкономленные отпускные был куплен палас за 300 рублей и ряд хозяйственных мелочей.

Полгода назад Федосовы созрели для самой крупной покупки. За 4600 рублей был приобретен подержанный «Москвич». 2500 рублей были взяты в долг у друзей и знакомых, 1000 рублей дали родственники, 500 — касса взаимопомощи. Остальное — меньшая, как видим, часть — собственные деньги.

О том, как Федосовы расплачиваются с долгами, как вообще ведут хозяйство, уже поставленное на ноги, мы спросим у них в следующее воскресенье. Дадим читателям и конкретные советы: как лучше строить свой семейный бюджет, как по возможности избежать нерациональных затрат и как экономить, почти ни в чем себе не отказывая.

Отношение к людям, забота о них, подчеркивалось на совещании партийно-хозяйственного актива в Тюмени. — главный вопрос нашей политики. А для новых районов он приобретает особое значение.

С учетом этого ЦК КПСС и Советское правительство приняли постановление о комплексном развитии нефтяной и газовой промышленности Западной Сибири. Этот документ открывает качественно новый этап в развитии региона. Суть его в том, чтобы на основе интенсификации, используя достижения научно-технического прогресса, поднять эффективность и надежность топливной базы страны. Важнейшей частью документа является комплекс мер по улучшению жизни нефтяников и газовиков Сибири, по решению социальных вопросов, связанных с закреплением кадров. На эти цели выделяются крупные средства и ресурсы, их надо по-хозяйски использовать.

Руслан ПЕРВИЦКИЙ

Николай Леонтьевич Козак — нефтяник из города Стрежевой — родом с Кубани. И себя, смеясь, называет «полукозак-полусибиряк».

— А вот «козачата» — те уже здешние. «Чалдоны» — так их надо называть. Это он про сыновей — Леонида и Виктора, что выросли здесь, на берегах Оби.

Очень живописно он вспоминает, как начинал сибирское житье, ютась в «балке» — временном жилище, представляющем нечто среднее между вагончиком и сарайчиком. Как зарекался, отработав три года, не возвращаться в эту глухомань: «Я что, для здешних комаров донор, что ли? Такое у меня было рассуждение. А главное — далеко ж это. Далеко».

С тех пор что до родимой Кубани, что до Москвы — ближе ничуть не стало. Не убавилось здешних комаров. И не смягчились лютые морозы. И все-таки изменения есть.

«Это в Стрежевом-то? — может усомниться читатель, знакомый со здешними местами. — Да куда там ездить-то на «Жигулях»? Кругом же болота».

Уточним: верно, болота имеются. Но, во-первых, через них пролегли неплохие бетонные дороги и можно выезжать за грибами-ягодами, на рыбалку, охоту. Во-вторых, самое большое и ближайшее к городу болото осушено. Инициатор — местный Совет. Осушено, ухожено, на его месте разбито четыре тысячи садовых участков, где горожане, в частности знакомый нам Николай Леонтьевич, растят картофель, овощи, ягоды. Так что ездить есть куда, на чем и зачем. Только ставить пока негде.

Нет, вовсе не хочу сказать, что Стрежевой — город беспроблемный. Из-за возросшей рождаемости напряженно в начальных классах местных школ — обучать детшек приходится в две смены. Или с теми же гаражами — тоже ведь проблема. Но согласимся — сама по себе она свидетельствует о том, что быт в основном все-таки налажен. Ибо сперва человека волнует, где жить, чем питаться, как детей устроить, а куда личный транспорт определить — вопрос следующей очереди.

рублей в сфере производственной. И среди причин недавнего спада темпов нефтедобычи в Западной Сибири эта, с позволения сказать, «экономия» занимает не последнее место. Или как об этом же самом сказали рабочие на встрече с депутатом в Сургуте:

— Где резервы роста? Известно где — в жэке.

Сказать, что здесь нет перемен, было бы неправильно. Особенно ощутимы они после принятия неотложных мер по усилению строительства в районах Западно-Сибирского нефтегазоносного комплекса. Ими предусмотрено значительное увеличение капиталовложений, укрепление строительной базы. И, как это было при возведении нового Ташкента, прокладке БАМа, каждой союзной республике, Москве, Ленинграду выделены в Западной Сибири свои участки шефской помощи. К этому шефству все отнеслись с пониманием: выделили средства, фонды, сформировали для помощи сибирякам слаженные коллективы строителей. Посланцы Украины высадились в Ноябрьском, москвичи отстраивают Нижневартовск. И, заметим, с тем же высоким качеством, что и в новых микрорайонах столицы. Свой почерк, высокую культуру труда привнесли посланцы Прибалтики. И результаты помощи налицо. Вот цифры. Если в 1979 году в Тюменской области введено жилья для добытчиков нефти и газа 220 тысяч квадратных метров, то в 1980-м уже 418 тысяч метров; за год удвоение объемов. В 1981-м — 663 тысяч метров... Эти темпы роста в общем сохраняются.

Но вот и другие данные. На выездной коллегии Госплана СССР, проводившейся в Тюмени, говорилось, что за двенадцатую пятилетку численность работников Западно-Сибирского топливно-энергетического комплекса возрастет с 700 тысяч до 1150 тысяч человек. Иначе говоря, в этих краях предстоит пострить, заселить и обжить современ-

Украины, из Белоруссии, Средней Азии специальными рейсами в Тюменскую и Томскую области. На работу.

Нет сомнения, что в ВЦСПС, в Госкомтруде, в Миннефтепроме и в местных органах в свое время тщательно взвесили все «за» и «против», прежде чем признали этот метод неизбежным. «За», собственно говоря, единственное: без помощи «летающих» бригад сибиряки просто не справятся с колоссальными объемами работ. Этот единственный, но веский довод отменил все и всякие «против». Какие могут быть сомнения, если «летающие» бригады уже бурят в регионе 40 процентов скважин, а в двенадцатой пятилетке бурить потребуется в полтора раза больше. В тех же пропорциях прибавится работ всех других видов. Как тут без помощников?

Сегодня их, прилетающих только в Тюменскую область, уже 100 (сто!) тысяч человек. В Межведомственной территориальной комиссии Госплана СССР по Западной Сибири подсчитали: ежегодно их перелеты обходятся в 800 тысяч тонн керосина. В пересчете на нефть — четыре миллиона тонн. В ближайшее время, добавляю, число летающих бригад почти удвоится, переборска их по воздуху станет дороже.

В объединении «Нижневартовскнефтегаз», крупнейшем в Главтюменнефтегазе, каждый десятый работник — прилетающий издалека, через полстраны. Что показали первые годы этого трудового десантирования? Прежде всего, что сэкономить за счет него на социальном уровне, как кое-кто надеялся, не удалось. Приезжим работникам, как и местным, нужны полноценные условия для труда и отдыха. Надо думать о том, где их разместить, где им мыться, сушить одежду, греться, смотреть кино, проводить собрания, питаться, а если надо — лечиться. И к чести, например, иванофранковцев, они с первых же дней проявили больше заботы о своих подопечных, чем иные местные руководители о постоянных, местных рабочих.

ЗАДРОЖЕЦ

— Ты вспомни, как яйца с Кубани возил, — подсказывает отцу Леонид. Тот, смеясь, машет рукой:

— О-о, то ж целая эпопея.

Она относится к тем временам, когда яйца в Стрежевом считались крайним дефицитом.

— Думаешь, бывало, среди зимы: за яшечку с салом сейчас бы оклад выложил. А их нет — консервы одни.

И вот в последние дни очередного отпуска, собираясь в Сибирь с благословенной родины, Николай Леонтьевич набирал целую корзину отборных, ядерных яиц. Каждое из них, подобно хрупким елочным украшениям, обертывалось бумагой и с превеликой осторожностью размещалось рядом с такими же, предназначавшимися к путешествию через полстраны. Время от времени Николай Леонтьевич опасливо обследовал корзину — не потекло ли. Прямо как хрусталь вез.

— А теперь того хрустала здесь полно. Своя птицефабрика. Самим хватает, а еще и в областной центр везут от нас и цыплят, и яйца.

Но, конечно, в чем-то Стрежевой пока еще отстает от других городов.

Некоторое время тому назад, например, в редакцию местной газеты поступило письмо с упреком в адрес здешнего Совета: в городе трудно построить гараж для личной машины. Упрек справедливый. Узнав о нем, местный Совет народных депутатов, к его чести, быстро вынес этот вопрос на очередную сессию. Она признала: гаражи надо строить, и немедленно. Наметила пути, средства для выполнения решения.

Жители соседнего, чуть ниже по Оби стоящего Нижневартовска на это только вздохнут:

— Нам бы ваши заботы.

Их город старше Стрежевого. Он гораздо крупнее, и размах в нем шире. Отсюда, конечно, свои сложности. Но какими сложностями объяснить, что город лишь на двадцать процентов обеспечен банями? Что до сих пор в нем нет гостиницы? Что даже ремонтников, срочно брошенных прошлой зимой из других нефтяных районов на помощь сибирским добытчикам, и тех удалось расселить далеко не сразу? Что до сих пор балки не исчезли из города? И когда еще исчезнут...

Еще ниже по Оби Сургут. Там свои сложности. Но в главном они сродни нижневартовским. В чем? В том, что если стройка на нефтепромыслах отстает от добычи на четыре года, строительство жилья, столовых, больниц, клубов, детских садов, развитие сферы услуг отстает еще значительно... И не раз бывало, что с них, остальных, средства забирала и бросала на производственные объекты как более важные и срочные. После такой переборски, конечно, пускали очередной «горящий» объект: насосную станцию, трубопровод. А потом оказывалось, что его, этот объект, обслуживать некому. Как подсчитали специалисты Межведомственной комиссии Госплана СССР по комплексному развитию Западной Сибири, каждый рубль, законоданный на жилье, социальную культуру, а фактически на людей, их удобство, благополучие и здоровье, оборачивается недоосвоением четырех

новый город с населением в четыреста с лишним тысяч человек.

— Гораздо больше, — подсказал начальник подотдела Госплана СССР А. С. Халоберда. — Надо ведь еще прибавить членов семей. То есть пятидесять тысяч новоселов умножить на два с половиной — учесть коэффициент уменьшили его до двух.

— Почему?

— Потому что даже при намечаемом на пятилетку значительном росте жилищного строительства в регионе создать здесь нормальные условия для всей массы приехавших не удастся. Отставание по обеспеченности жильем, услугами здесь хотя и сократится по сравнению с общесоюзными нормами, но не будет преодолено окончательно.

Значит, и кадровый дефицит сохранится, а по некоторым расчетам даже возрастет. Как быть?

Две трети приезжающих в Сибирь, на Север, живут здесь самое большее год. Приезд, поселение, отъезд каждого стоит примерно 25 тысяч рублей. То есть опять потери и потери. И вот из создавшегося весьма трудного положения подсказан выход: вахтовый метод. И не просто вахтовый по схеме уже отработанной: базовый город — вахтовый поселок, испытанный на севере и юге, а вахтово-экспедиционный, который еще называют «межрегиональным обменом трудовыми ресурсами». Обмена, строго говоря, тут нет. Есть организованная переборска людей с Волги, Кавказа, с

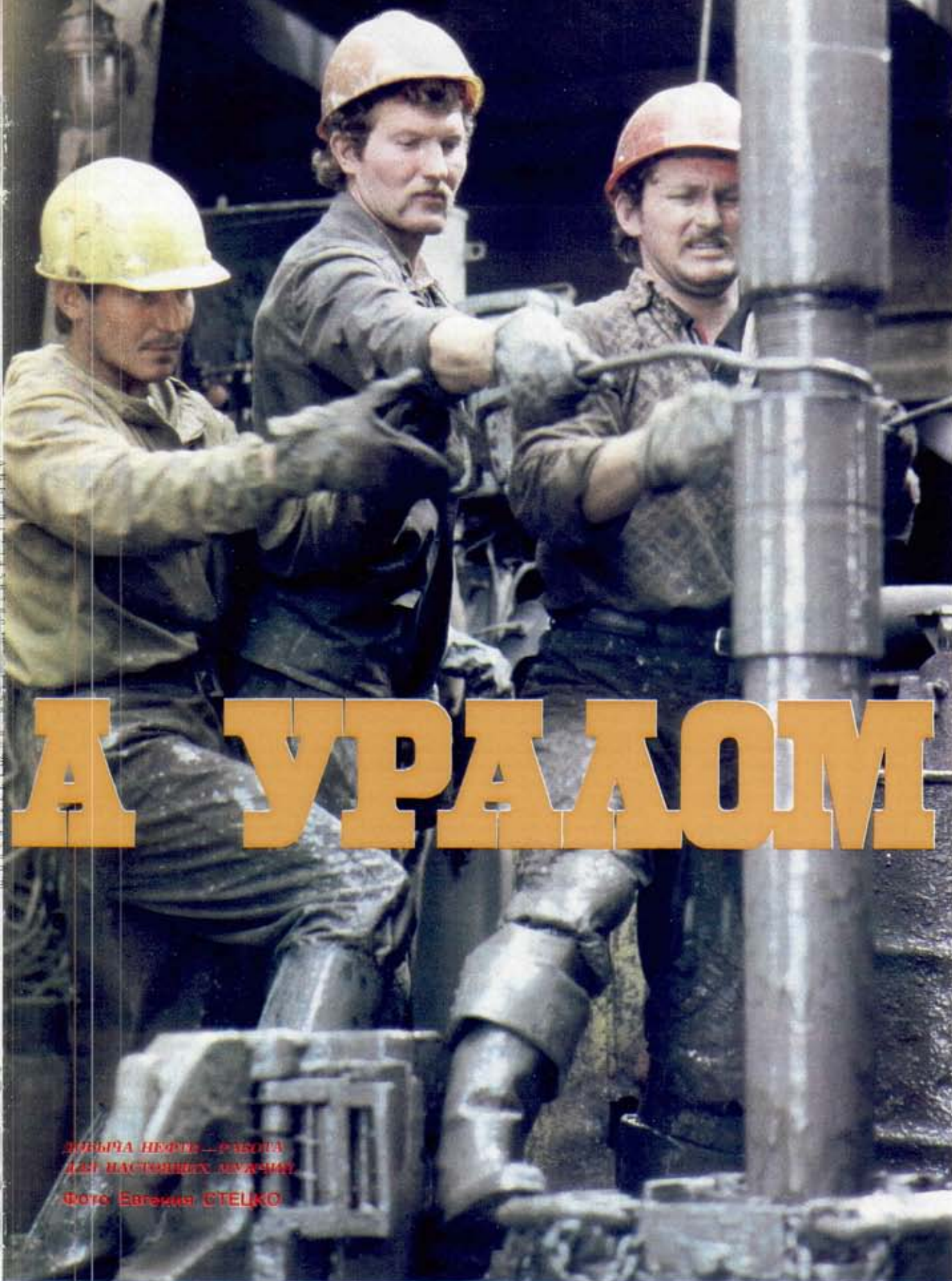
Жизнь, далее, заставила подсчитать и результативность труда вахтовиков из других регионов. Она оказалась невысокой. Так, если средняя проходка скважины на одну буровую бригаду у сибиряков составляла недавно 50,2 тысячи метров, то у «десантников» — 32,5. В вышкостроении примерно то же: местные бригады строят в год в среднем 51,8 буровых вышек, приезжие — 31,6. У строителей, транспортников, рабочих других специальностей картина примерно та же самая. В итоге выходит, что для выполнения работ одинакового объема «кочующих» требуется в 1,3—1,5 раза больше, чем «оседлых», местных работников. Соответственно и оплата приезжих примерно на четверть ниже.

Конечно, немало рабочего времени у них съедают пересадки с самолетов в вертолеты, ожидания летной погоды в аэропортах, у посадочных площадок. Да и последствие перелетов сказываются на результативности труда. Но есть и еще фактор, с которым хочется не хочешь приходится считаться: к технике, находящейся за тысячи километров от родного дома, трудно привыкнуть как к своей, за которую несешь ответственность. Ее, эту технику, берегут меньше, из нее стремятся выжать все, что можно и чего нельзя.

И вместе с тем прилетающим все-таки легче, чем местным работникам, ведь после вахты они возвращаются в обжитые места, к налаженному быту. Туда, где дом со всеми удобствами, хороший климат, сад. У северян же все это в дефиците.

Вот почему в Сибири все чаще дей-

**Экспедиция «Смены»:
Западная Сибирь —
люди, проблемы, факты**

**ВЫБОРА НЕФТЬ — РАБОТА
ДЛЯ НАСТОЯЩИХ МУЖЧИН**
Фото Евгения СТЕЦКО

ставуют по принципу: на помощь надейся, а сам не плошай. А это значит — создавай людям такие условия для труда, быта, отдыха, как в Стрежевом, как в коллективах объединений «Сибкомплектмонтаж», «Уренгойгаздобыча» и «Надымгазпром», где вопросы труда, быта, отдыха решаются в комплексе и упор делается не на перекачку рабочей силы из других экономических регионов, а правильное ее использование прежде всего на месте. Или как в Управлении буровых работ №2 «Сургутнефтегаза»

под руководством Героя Социалистического Труда Г. М. Лёвина. Достигли все сибирские буровики таких же скоростей проходки, как здесь: 100 тысяч метров на бригаду в год, и нужда в великом авиапочевье из других регионов наверняка отпала бы. Ну, а спросите того же Лёвина, благодаря чему достигнута такая выработка. В основе, отвечает он, создание стабильного коллектива, забота о людях, работающих, так сказать, классическим вахтовым методом: с базы (из Сургута) летят на вахту и обрат-

но. И работа хорошо отлажена, и дом, семья не за тридевять земель. Все крепко, надежно. Текучесть рабочих кадров в управлении не выше четырех процентов.

О семье как факторе стабильности экономической, социальной приходится думать все чаще.

— Жить в отрыве от семьи не дело, — рассуждает председатель сельского Совета Ямбурга А. Ларичев. — Верно говорят: крепкая семья — крепкая держава. Надо, чтобы рядом с

кормильцем, работником жена блины пекла, детишки в ванне плескались. И ему спокойнее, и им. Жизнь здоровее, а дела идут тогда весело и споро.

Почему он так настойчиво говорит об этом? Потому что судьба, будущее Ямбурга, строго говоря, еще не решены (об этом, кстати, «Смена» уже писала). Быть ему городом, как Певек, Билибино, Норильск, или все сведется к созданию здесь условий лишь для отдыха вахт, привозимых за сотни километров — из Надыма, Уренгоя, где инфраструктура уже создана, а то и за тысячи — с Волги, Украины. Сводить все к этим вариантам на бумаге проще простого. Так сказать, отсечь часть забот о школах, детсадах, устройстве семей и многом другом. На деле же это сегодняшнее «отсечение» оборачивается множеством завтрашних сложностей.

— Только что был парень из Заполярья, — говорит Ларичев. — Механизатор. Спрашивает: везти ему жену сюда? Где рожать ей? Где жить, и так далее. Жизнь своего требует.

Одну из главных своих задач Ямбургский Совет видит в том, чтобы жизнь населенного пункта с самого начала не пошла тем трудно управляемым, едва ли не стихийным путем, как не раз бывало в Среднем Приобье, где, не дождавшись капитального жилья, люди громоздили балки, бараки.

Каждое ведомство при этом создает свою систему отопления, энергопитания, свою связь. И выходит, как в том же Сургуте: строительством, эксплуатацией жилья распоряжаются полтора десятка, водоснабжением командуют тринадцать разных хозяев. Узковедомственное удобство каждого из владельцев рождает общее, большое неудобство в управлении, в обслуживании населения, требует массы дополнительных людей. Экономисты подсчитали, что только централизация всех подобных «самостоятельных» служб и хозяйств позволит высвободить две с половиной тысячи работников. Это в одном только Сургуте. В целом же по комплексу дефицит кадров сплошь и рядом уживается с явным их избытком. Так, 1300 предприятий топливно-энергетического комплекса имеют 150 000 единиц различного транспорта. С обслуживанием, ремонтом машин, рассредоточенных и по массе порой просто карликовых хозяйств и контор, связана примерно треть всех работающих. Централизация в этом деле, по самым скромным подсчетам, способна высвободить 35 тысяч человек.

В своих кадровых заявках на новую пятилетку руководители ряда строительных организаций исходили не из высшей производительности труда, достигнутой, например, в том же «Сибкомплектмонтаже» за счет высокой механизации, а из существующей, когда сорок пять процентов работ выполняется вручную. Если так будет продолжаться, то людей в Сибирь не навозишься.

Вывод отсюда может быть лишь один: своего рода северная надбавка нужна не только к оплате, а к жилищным нормам, к комфорту, к обеспеченности услугами, медицинской помощью и всем тем, что делает жизнь человека полноценной, яркой, гармоничной.

Вернемся же в Стрежевой, где производственное и бытовое строительство вели в комплексе. Самых лучших музыкантов, артистов, прилетающих на гастроли в Томск, непременно завезут сюда, в Стрежевой, а вертолетом — и дальше, к вахтам.

В городе не видно временных домов и соответственно все меньше временных людей, кочевников.

В объявлениях по обмену жилплощади есть предложения из Омска, Новосибирска. Варианты, в общем, равноценные.

— Что ни говорите, а жить здесь можно, — заключает наш знакомый «полукозак-полусибиряк» Николай Леонтьевич.

Жить можно. Значит, можно и от души работать.

БЕЗ ОСТР

Станислав ТОКАРЕВ

— Чем отличались мы от нынешних начинающих?.. Их приводят в спорт родители, и нас приводили, но тогда родители были другими. Наши прошли войну. Они хотели своим детям радости, а нынешние хотят успеха. У нас всего было мало, я донашивала вещи старшей сестры. Но мы радоваться умели лучше. Вообще в семье было больше любви, родители воспитывали, не стремились это дело переложить на общество. Сегодня родителям некогда...

Переноса на бумагу монолог трехкратной олимпийской чемпионки Ирины Родниной, я невольно порываюсь смягчить безапелляционность ее суждений гуттаперчевыми «по-моему», «кажется», «похоже». Но тогда это будет уже не Роднина с ее прямым, дерзким карим взглядом. Роднина в числе самых бескомпромиссных людей, которых мне доводилось встречать. И самых категоричных.

— ...Зачем мы шли на каток? Чтобы кататься. Нам хотелось кататься, бегать наперегонки, а теперь дети хотят быть чемпионами. Они же все знают, все и всех видели по телевизору. Родители им говорят: «Прославьтесь, станете, как Бестемьянова и Букин — слышите, как им хлопают?» Все стало деловитой, холодной, что ли... Ну, так ли любят в школе первую учительницу, как мы любили? Первого тренера — да, любят. Пока еще. Это первая, Первая Любовь ребенка! Но мы словно хотим скорей перескочить эту стадию. Раньше чему нас учил первый тренер? Чему меня учила Зинаида Ивановна Подгорнова? Там, у нас, в Марьиной роще. Кататься и радоваться. Теперь сразу учат прыжкам. А как же — подавай разрядников. Ребенок в спорте еще не освоил дважды два, а ему вдальблывают дифференциальное исчисление. А ведь дети с охотой делают прежде всего то, что у них получается. Если заставляли, выходит скука. Если неинтересно, если принудил, если легко дается — тоже скука, вот в чем сложность. Мой сын освоил «ласточку» за две тренировки, ну и что? Он только мне мешал, канючил: «Ма-а, посмотри, как я делаю...» А вчера мы с ним были в мастерской одного скульптора, и он два часа сидел тихо и лепил человечка... Вот в чем сложность: пусть первый тренер мало что знает и умеет в спорте, но он должен уметь помочь ребенку раскрыть себя. Уметь и хотеть... Почему не все из нас любят поэзию? Одним природа не дала чуткую душу. Других родители не приохотили. Но в школе худо-бедно проходят все-таки стихи. А знать живопись в школе совсем не учат, и мы в ней душевно неграмотны... Так вот, первый тренер должен дать ребенку основы движения и радость движения. Дать радость! Мы ж их все только учим, только долбим: в школе, дома, по телевизору... В спортзалах. А они хотят радоваться, они как никто умейт радоваться. Хвалите их, чаще говорите им, какие они красивые...

«Надежда Алексеевна, я вас так люблю! Вы у меня по любви на первом месте, наш пианист — на втором, а ты, мама, так и быть, на третьем». Это тоже из монолога — монолога гимнастки семи неполных лет, адресованного молодому тренеру Наде Никифоровой.

Ради первого тренера идут на жертвы. На тяготы и лишения. Не для

красного словца употребляю я эти слова. Добровольно отказаться от нежнейшего, рассыпчатого печенья курабье, чтобы не набрать лишний вес, от упительного мороженого крем-брюле, чтобы не заболеть ангиной и не пропустить тренировку, от очередной серии телеприключений кота Леопольда, поскольку тренировка именно в эти часы...

Не станем, взрослые мои друзья, преуменьшать значения этих сознательных, самостоятельных поступков, волевых актов детей. Поступков человека, для которого они — вдумайтесь — не обязательны: в школу или сад ты идешь, потому что это необходимо, в спортзал ведь можешь не пойти...

«Опять о Большом Спорте, — поморщится иной читатель, пробежав эти заметки, — не о физкультуре, необходимой каждому из нас как воздух, а о поиске будущих чемпионов, о борьбе самолюбий и честолюбий... Знакомая песня. Интересная лишь для узкого круга».

Для узкого? Позвольте высказать несколько соображений.

Первое. Круг вовсе не узок. Большой Спорт — это не одни чемпионы, призеры и вообще те, кого показывают по телевизору. Это все, кто тянется к вершинам. И неважно, как высоки вершины. Новичок стремится получить юношеский разряд, но мечтает о большем, ибо ограничить себя легкой целью означает не достичь никакой. Пусть горячие головы грезят олимпийским пьедесталом, пусть: щелкнем-ка по носу того, кто возьмется доказывать им недостижимость цели, а следовательно, бессмысленность сверхусилий...

Соображение второе основано на элементарном примере. Выхожу я, допустим, на утреннюю пробежку. Легкой трусцой бегу вдоль бульвара — вдох, выдох... Ах, как славно, какие приходят высокие, светлые мысли... Это что — это физкультура. Вдруг меня догоняет приятель. «А ну, — говорит, — кто быстрее во-он до той березы?» И помчался. Это что — это уже спорт. Состязание. Выдающийся спортивный педагог современности Виктор Ильич Алексеев, основатель первой в стране спортшколы, носящей ныне его имя, заслуженный тренер СССР № 1, говорил, что в любом человеке заложено стремление соревноваться, делать что-то лучше других: «Иначе откуда прогресс?»

Протицирую еще одну фразу Алексева. «Физкультура воспитывает нормального здорового человека. Спорт — человека будущего». Молчаливый философ не любил разжевывать свои афоризмы: буркнет, и вся недолга. Но речь, если вдуматься, о том, что спорт в той же мере область морального воспитания, в какой и физического. К сожалению, мы не всегда понимаем, как это важно.

Итак, ребенок приблизился к порогу спортивной школы. Посмотрим, как его переступают.

Конец лета — начало осени — пора набора. Конец осени — начало зимы — пора отбора. Набор и отбор — как Сцилла и Харибда, которые в данном случае не раздвоят, конечно, в лепешку, но нанесут душевную травму могут.

Легко Родниной предаваться ностальгии, вспоминать Марью рощу, лед под открытым небом, который чистили сами родители, на этом пятачке — в снег, в мороз, и развилась ее сверстницы в сшитых мамами платьишках...

Кто знает, взяли бы сегодня в фигурное катание щуплую, малокровную Иру? Приняли бы в группу, которой предстоит заниматься во Дворце, где светят софиты, где каждые полтора часа могучий

комбайн важно вырывает шлифовать лед, замороженный дорогостоящей холодильной установкой?

Недавно звонил приятель, журналист-международник. Просил посодействовать, чтобы сынишке приняли в секцию фигурного катания. Мама его привела записывать, тренер сказал: «Ваш не годится. Плохо стоит на коньках и вообще какой-то неуклюжий». Мальчик несколько дней рыдал: «Я никому не нужен...»

Нет, такое происходит не везде. Скажем, в отделениях беговых коньков рыдать впору тренерам — вид спорта, искони наш, национальный, утратил популярность. Мальчиков больше влечет хоккеем, девочек — то же фигурное катание, главным образом танцы (с перспективными партнерами по традиции некоторая «напряженка»). А мы-то, грешные, с какой щемящей сердце радостью вспоминаем мы, люди старшего и среднего поколения, парковые катки нашей юности: огни, фокстроты, которые в целях искоренения чуждого влияния назывались «быстрыми танцами», и танго, именуемые «медленными»... Наши привычные раздевалки, где в тесноте, да не в обиде... Нашу браваду... Кокетство... Завязь нежных чувств...

Как-то я случайно проходил по родному некогда Чистопрудному бульвару. Лед пруда был на три четверти завален сугробами. На месте деревянной раздевалки высилось чудо архитектуры — кафе из стекла и бетона. Лампочек над льдом не было в помине. В субботу днем на небольшом полурасчищенном кусочке пацаны гоняли шайбу. Жестяной голос из динамика требовал, чтобы лед покинул гражданин с детской коляской.

Время склонно менять понятия о ценности. Нет отбоя от желающих отдать детей в теннис... В горнолыжный спорт... В синхронное плавание, наконец, — вон там какие резвятся грации...

Но те, к которым уже пришел счастье стать родителями, или те, кого оно ждет — следовательно, большинство из нас, — должны, полагаю, руководствоваться (кроме соображений престижа) еще двумя. Самыми простыми.

Первое очевидно: спорт нужен всем детям. Неспособных к спорту практически нет.

Второе, увы, понимается не всегда. Есть ребята, предрасположенные к тому или иному виду и не предрасположенные. Как, скажем, обладающие или не обладающие абсолютным музыкальным слухом. «Я не хочу для него никаких там разрядов, я хочу, чтобы он рос здоровым!» — Подобные восклицания звучат и устно, и печатно. Но (никуда от этого не денешься) от тренера требуют разрядников, он за это получает зарплату. И (что гораздо важнее!) неспособный ребенок — принятый, скажем, по знакомству — неизбежно отстанет от сверстников и, значит, обречен страдать. Спорт — та область жизни, где по знакомству очень мало чего добьешься. Практически ничего.

Дальнейшие эпизоды и умозаключения будут связаны исключительно с гимнастикой. В гимнастике мне легче, я наблюдаю за ней больше четверти века. К тому же проблемы эти носят общий характер.

Итак, набор. Гимнастика не принадлежит ныне к самым престижным видам. В число наименее популярных она тоже не попала, но тренер не должен «ждать милости от родителей» — надеяться на стихийный приток желающих. Летом и осенью тренера ноги кормят.

Идут в первых классах и по большей части в старших группах детских садов. И не только потому, что гимнастика

помолодела. Просто наш искатель опасается, что подходящих ему детей расхватают: скажем, лучших девочек уведут в танцевальную студию Дома пионеров, лучших мальчиков — в футбольную секцию, где такие малыши и вовсе не требуются, но там свои соображения — вдруг их сманят в хоккей?

И, наконец, вот какую мысль высказал мне московский тренер Борис Голуб: «Маленьких спортсменов должны возить на занятия родители, так? И не только возить, но и дожидаться. И не только дожидаться, но и дома проявлять о них заботу — специфическую. Тянуть им носки, сажать в «шпагат», ставить на «мостик» и прочее. Так вот родители детсадовских детей, я заметил, идут на это охотней, их почему-то больше заботит будущее пацанов. Как только сдали в первый класс — представляете? — все будто отрезано. Пусть, мол, у школы голова болит. Есть «продленка» — там и уроки готовят, там и обедают, и гуляют. А со школьной «продленки» на занятия в спортшколу уже не отпустят, шалишь — у нас не любят делать для кого-то исключений. Вот я и стараюсь залучить дошколят».

Прежде чем пуститься в поиски, тренер пишет так называемые визитки (по возможности разборчиво): «Уважаемые родители, приглашаем вас с вашим ребенком тогда-то по такому-то адресу в нашу спортшколу». И с пачкой визиток отправляется на разведку. В спортзал общеобразовательной школы. На игровую площадку детского сада. На пляж. Во дворы. На улицы. Тренерский взгляд особенно зорек и пристален в дни набора. А что он может приметить, этот первый торопливый взгляд? Ну, складную фигурку. Или, так точнее, не очень несладкую...

Остальное выяснится уже в зале. Когда папа, мама или бабушка приведут новобранца на просмотр. Если приведут. Если у них есть желание, настроение, время. Если, наконец, не очень далеко и трудна дорога. Пускаясь на рекогносцировку, тренер должен учитывать расстояние от избранного района до зала, виды транспорта, число пересадок...

Упомянутая выше Надя Никифорова набирала первую группу, когда ей самой исполнилось 22, на вид можно было дать 18. Она милويدна, вполне современна, следует молодежной моде. Но чтобы не отпугнуть воспитательниц детских садов, придавала себе строгий, скучноватый вид: упаси бог облачиться в джинсики и безрукавку с ярким рисунком.

Набор и отбор я назвал Сциллой и Харибдой. Между ними проходит половина, в лучшем случае, тех, кого привели исполненные надежд родители. С другой половиной сразу же приходится проститься.

Легко ли угадать способности в малолетке, почти еще несмышленише? Есть, конечно, тесты — наука тщательно разработала их для каждого вида в отдельности. Есть в инфизкультлах специальный предмет — «Отбор и прогнозирование спортивных результатов». Но все это для тех времен, когда в спорт приходили подростки, а не карапузы, которым сегодня родители вытирают носы у входа в зал. И потом коли нет правил без исключений, то живое дело спорта, похоже, состоит из сплошных исключений.

Нашу знакомую Надю пригласили вместе с другими молодыми специалистами на квалификационную комиссию. Спросили, как она определяет способности. Она ответила: «По глазам». Вызвав некоторое недоумение, пояснила, что ей нужен в первую очередь разум-

ВЫХ УГЛОВ

РАЗМЫШЛЕНИЯ
О ПЕРВЫХ ШАГАХ
В СПОРТЕ
И ПЕРВЫХ ТРЕНЕРАХ

ный взгляд. Комиссию ответ не совсем удовлетворил. И через некоторое время Надю пригласили снова и снова спросили о том же, и снова она им сказала про глаза. «Говорят, вы слишком добрая,— попеняли ей,— у вас очень мал отсев». «Разве плохо быть доброй?» — спросила Надя.

«Я родителей предупреждаю заранее: беру, мол, вашего ребенка пока на месяц. Будьте готовы к тому, что, возможно, придется подобрать для него другой вид спорта. Я вам в этом помогу. Помню, был у меня мальчишка — длинный, раскоординированный, я его возьми и предложи в легкую атлетику. Оказалось, подошел для прыжков с шестом. Специалисты там от него в восторге. Все спрашивают, нет ли еще у меня кого-нибудь для них... Понимаете, определять и решать трудно, и, как ни страшно, надо быстрее. Через год отчислишь — значит, травмируешь ребенка, родителей... А через два, даже если никаких успехов, вообще нельзя никого отчислять, ведь по живому резать». Это говорит упоминавшийся мною Борис Григорьевич Голуб.

Мы с вами на соревнованиях. Они первые в жизни этих шестилетних мальчугов. Перед их строем круглый румяный старик, само добродушие и лукавство. Это лучший в Москве детский тренер Николай Михайлович Гусаров. «Здравствуйте, ребята». В ответ нестройное: «Здрасьте... Здрась...», даже «Здрав жлам». Последний вид приветствия вроде подходит к случаю — как никак клуб ЦСКА. «Здрав жлам» пока не надо,— говорит дедушка Гусаров.— Рано вам еще «здрав жлам», хе-хе».

Соревнования такие: кто больше подтянется на перекладине и отожмется от стояка — низеньких брусьев, лучше сделает «мостик» и «шпагат», дольше продержит «угол».

Николай Михайлович помогает судить соревнования некий молодой решительный мужчина, отец одного из участников, активист. Он склонен всем занижать оценки, Гусаров — завышать и хвалить. В дверях толпятся и переживают мамы...

Помню себя в пору, когда моя дочь, такая же маленькая, выступала в первых своих соревнованиях по художественной гимнастике. У меня сердце за нее заболело. Это хорошо, что мы за них волнуемся, индифферентность заслуживала бы всяческого осуждения. Но порой — это уж к слову — так мешает тренерам наша излишняя ревность к успехам родимых чад, счеты наши, свары, «моего зажимают, затрясут...».

Первые соревнования — первые проявления характеров.

На турнире востроносый, тоненький, как былинка. Где ему даже раз подтянуться? Однако шесть... семь... восемь... Он тужится, извивается, багровеет, но вот он опять коснулся подбородком грифа... Десять... «Хватит!» — говорит добрый Гусаров, а мальчик, весь скорченный и перекореженный, тянется и тянется вверх, и приказывающим взглядом смотрит папа-активист, его собственный папа. «А ведь очень слаб от природы», — шепчет мне Гусаров.

Следующий — плечистый крепышок — повис, посмеиваясь, напряг бугорки бицепсов и расслабил, покачался и соскочил.

Кряхтят мальчишки, пытаются понижее стелиться в «шпагате». Кто липнет к полу, у кого, по выражению Гусарова, под ногами «черепаха проползет», у

кого «слон пролезет»... В это время один, чья очередь еще далеко, отходит в сторонку и готовится, разминается. Красивый паренек, статный, аккуратно подстриженный и причесанный, с челочкой. «Первую неделю ходит», — говорит мне Гусаров. «Да не может быть». «Спросите маму — вон она в дверях». Оказывается, мальчик не совсем новичок — год занимался фигурным катанием да и мама — бывшая фигуристка. Но сына тянет в гимнастику, сын влюбился по телевизору в Королева, баловня судьбы. «Как вы думаете, нас не отчислят?» — робко спрашивает мама.

Больше всех отжался самый неказистый — пузцо торчком, косопалый, волосы копейкой. Как же славно пыхтел он, потел, стонал на весь зал и не сдавался. Все соперники за него болели, хором считали, хором кричали: «Рекорд, уже рекорд, довольно!», а он все вел поединок с собой, настоящий мужчина из старшей группы детского сада!

Только один из всех смотрел не на него, а в пол, сжав кулаки, ожидая своей минуты. Мальчик с челочкой. Впрочем, отжимание он не выиграл. Но победил по сумме многоборья.

Я не сразу заметил в проеме другой двери знакомого — заслуженного тренера страны. Присмотрел кого-нибудь для себя? Неужели же нет?! И он повел глазом на того, с челочкой.

Самые способные уходят от первых тренеров к маститым. Случаи, когда наставник провел питомца за руку от порога до вершины, сравнительно редки. Считается, что если «тренер на наборе», то и доля твоя такая — отдавать. Может, и впрямь, возясь с оравой, прививая ей первые навыки, ты просто не успеваешь сам овладеть вершинами ремесла? Может, выделив одного и ему подарив всю заботу, ты обделишь остальных?

Мечтают ли и они готовят чемпионов? Кто — да, кто — нет. Николай Михайлович, надо полагать, смирился со своей участью, но он человек в летах. Поймем и тех, у кого кровотоцит сердце. Один мой знакомый, когда руководство школы решило передать его ученика более авторитетному специалисту, просто уехал с семьей в другой город.

Еще одна история. Много лет назад, будучи в командировке в Алма-Ате, я забрел в гимнастический зал. И увидел на бревне очаровательное малолетнее создание. Всем она вышла, всем взяла — тонкая, гибкая. Хорошенькая, кареглазая, с копной золотых волос. Звонкая, как у нас говорят. Звали ее Оля. «Чья?» — это уж обязательно сразу спрашиваешь. Знакомят с тренером. Зовут Наташей, фамилия — Попова. Длинная, молчаливая, краснеющая девушка. Работает врачом в районной поликлинике. Полдня — прием, вторая половина — беготня по вызовам. Когда она находит время и силы тренировать — бесплатно, по страсти, непонятно, но ее ученица умела многое и умела хорошо.

Их заметили, о них заговорили. А вскоре я узнаю, что девочка Оля переезжает с мамой в Ленинград. Без ведома Поповой — как говорится, за ее спиной — мама списалась с неким обладателем громкого в ту пору тренерского имени, устроила квартирный обмен и повлекла дочь к сияющим вершинам.

Наташу я встретил в Москве. Ее вызвали на сбор молодежной команды страны. Вызвала с другой ученицей, послабее — просто чтобы морально поддерживать. Наташа сидела в зале на скамейке понижающей, а поодаль прохаживалась с новым наставником красивая, гордая, подающая надежды Ольга.

Я присел рядом с Наташей. Кто я был ей — чужой человек, но у нее вырвалось: «Даже в мою сторону не посмотри!» И она прикинула к моему плечу, и я сквозь рубашку ощутил тепло ее слез: «Только бы домой добраться и все забыть!»

Что было дальше с Ольгой? А ничего. Ни мазстро в Ленинграде, ни другой, в Москве, не смогли сделать из нее спортсменку высокого класса. А Наташа Попова несколько лет спустя выросла Наташу Ильенко, самую грациозную гимнастку начала 80-х годов, чемпионку мира в вольных упражнениях.

Почему я об этом вспомнил? Чтобы подчеркнуть, что иной раз судьба всем воздает по заслугам? Нет, пожалуй. Просто чтобы вы знали: бескорыстие, самоотдача, влекущая за собой боль, горе, — нравственный закон трудной должности «тренера на наборе».

Несколько раз уже упоминал Бориса Григорьевича Голуба. Широкой ответственности это имя мало что говорит. Никаких чемпионов и призеров он не вырастил. Я и имени его раньше не знал, заметил в зале, присмотрелся и оторваться уже не мог.

Но вот пытаюсь вспомнить маломальски особенную, оригинальную деталь облика, манеры поведения. Вроде ничего выдающегося. Чем же действует так на меня этот средних лет, заурядной внешности, лысоватый и седоватый человек, вечно прищуренный, но не от близорукости, а, похоже, от постоянного стремления пристальной, глубже вглядеться в своих пацанов? Может, неутомимостью? Труд тренерский и физический труд: в гимнастике надо то и дело поднимать мальчишек на снаряд и ловить со снаряда, и страховать, чутко, напряженно раскачиваясь корпусом, растопыря пятерни, проводя их движения, и крутить, вращать, ворочать в руках их тела... Самому, наконец, надо то и дело изображать на снарядах, как выполняется элемент правильно, как неправильно, в чем ошибка. То, что другие тренеры отходят время от времени в сторонку, присаживаются отдышаться, поболтать с коллегами, нормально — не железные же они.

А Голуб не присаживается и не отходит. В раздевалке он молчалив и необщителен: забывает в угол, прихлебывает чай из термоса. Теперь я понимаю: ни на что другое у него не остается сил. Польет чайку, и бегом в зал. Нет, он не двухличный, просто увлеченный. Хотя вон как тяжело дышит, пот утирает. Рукавом, чтобы не перепачкать лоб магнезией. Вон пожаловался мимоходом семилетнему разряднику: «Сообрази сам, не разорваться же мне, правда? Ты пойдешь на эту перекладину. Вова — на ту, а я пока займусь со старшими». Он говорит с ними, как со взрослыми. Но даже не в этом дело: у всех тренеров такая манера обращаться с малышами и соответственно с ними, как со взрослыми, требовать. Борис Григорьевич говорит с ними, как с соратниками. Единомышленниками. Говорит, убежденный, что для них, как для него, в зале происходит главное и единственное, ради чего стоит жить. И еще он постоянно побуждает мыслить, решать задачи. «Ты на кольцах в кач пошел, где ты должен его прервать — на ходе назад или на ходе вперед? Молчите, не подсказывайте! Понимаешь, почему они хотят тебе подсказать? Они все заинтересованы, чтобы у тебя получилось! Учи это! Но ведь еще интересней самому додуматься, верно? Ну... Ну... Вот именно — вперед! Молодец».

Помня, что у него репутация нелюди-

ма, я со своими расспросами суюсь довольно робко. «Может, лучше завтра?» — не оборачиваясь, отвечает он. Или через неделю бы. Через недельку обязательно выкроится минут сорок свободных, даже час». Но я спрашиваю о его мальчишках, о том, кто что собой представляет, и он, не отрывая от них глаз, все-таки разговаривается. «Вон тот слабенький физически. В школе отстаёт. Постоянно не уверен в себе. Его надо хвалить. Все время хвалить... Тот очень любит выступать перед публикой: хлебом не корми. Очень самолюбивый, даже плачет со злости, когда проигрывает. Способен завидовать. С ним сложно, с ним нужно бережно, чтобы не повело куда не надо. И вон с тем сложно — талантливый. Но плохо управляемый. Вероятно, он ко мне адаптировался, к словам, к голосу... Надо думать...»

Тренер «на наборе» — должность незаметная, но хороший тренер «на наборе» большая редкость. Я вот не знал Голуба, не слышал о нем, а старший тренер ЦСКА Михаил Клименко много слышал. Рассказывает:

«Приходит какой-то в потертом пальтишке, шляпенка помятая. «Хочу к вам на работу». У нас солидная фирма, мы со стороны особенно не берем. «Штатных мест нет». Он молча повернулся и пошел. И вдруг меня осенило, я вспомнил и бегом за ним, аж до троллейбусной остановки. «Вы Голуб? Идите заполняйте анкету». Я не знаю, когда он в зал приходит, когда уходит, — он всегда здесь. В спортлагере жили летом, один раз он уехал вечером навестить семью, так в шесть утра был на месте — до подъема. А как же — помочь одеться ребятам надо, умыть... Если мне скажут, что он всю ночь пешком топал, я не удивлюсь».

Недавно я был на лекции. Молодой современный ученый предрекал нам век компьютеров, компьютерную цивилизацию. Она грядет, она на пороге, она произведет решительную ломку в нашем сознании. Жалкий гуманитарий, я многого не понял, но что-то повеяло на меня ледяным сквознячком. Да, возможно, лектор прав, и не стоит загромождать ум и память сведениями, которые навечно сохранит электронный мозг и по первому требованию воспроизведет на экране дисплея. Удобно. Но как представишь, что и самые прекрасные в мире строки о любви «Я помню чудное мгновенье» некий прагматик сочтет практичнее забыть, доверить машине... Утрирую? Вероятно, да.

Впрочем, я о спорте. Там гуляют свои сквозняки, неся свои болезни. Конкуренция способна породить агрессивность и эгоцентризм. Честолюбие — перейти в суперменство... Спорт сам по себе прекрасен, как хрустальная ваза, которой в принципе запросто можно расколоть чужую голову.

Давешний лектор утверждал, что самая ныне дефицитная в мире специальность — программист. Человек, задающий корм компьютеру.

Человеческой душе тоже нужна пища. Детской в особенности. Ей надо привить понятия о красоте силы и силе красоты. Об уважении личности коллективом и коллектива личностью. О нашей морали, о наших социальных ценностях. Способ программирования тут единственный — собственный пример. Словом, что посеешь и как посеешь, то и пожнешь.

Первых тренеров, тренеров нашего детства, я же сравнил с программистами. Говоря о бы — большой редкости профессии.

В юношеских стихах Карла Маркса есть такие строки:

*«Я хочу познать искусство —
Самый высший дар богов...»*

Низвергая богов и идиолов, бунтующий гений Маркса утверждал искусство как вечную, непреходящую ценность.

Литература и искусство формируют внутренний мир человека, обогащают его душу, и прикоснувшийся к творениям духа человек уже по-иному чувствует себя во внешнем, окружающем его мире.

Культура не делится на внутреннюю и внешнюю. Невозможно представить себе культурного молодого человека, читающего и много знающего, который бы в обществе, в общении с людьми вел себя несообразно своему культурному уровню. И наоборот — по поведению, лексике, даже манере одеваться можно судить об уровне культуры молодого человека.

Все это мы говорим, как бы отвечая на многочисленные письма наших читателей и предваряя страницы журнала, объединенные рубрикой «Молодежь и культура».

Встречаются среди писем и такие.

«Не могу понять, почему от театра и кино все требуют показывать реальную жизнь. Было бы гораздо лучше, если бы можно было в театре забывать обо всем и хоть какое-то время пожить в красивом, придуманном мире...»

Светлана У.,
Волгоград».

«Очень люблю живопись, особенно портреты и картины на исторические темы. А вот для чего пишут пейзажи, никак понять не могу: все равно никаким художникам не нарисовать природу лучше, чем она на самом деле.»

Н. КАРПЕНКО,
17 лет, Львов».

«Все только и объясняют: какая музыка хорошая и какая плохая. А по-моему, никто этого не знает. То же самое и со стихами. Чем понятней музыка и стихи, тем лучше. Разве я не прав?»

Юрий СОКОЛОВСКИЙ,
Краснодар».

Мы надеемся, что и авторы этих писем найдут для себя нечто полезное на наших страницах, где познакомятся:

с моделями одежды, созданной художниками-модельерами для ребят из детских домов;

с истоками творчества выдающегося мастера русского пейзажа художника Ивана Шишкина;

с научно-фантастическими новеллами летчика-космонавта СССР Юрия Глазкова и с продолжением повести Юрия Визбора;

с театральными постановками по произведениям замечательного писателя Федора Абрамова;

со стихами Ольги Фокиной и Давида Самойлова;

с размышлениями читателей и композитора Геннадия Гладкова об эстрадной музыке.

«Смена» № 1, 1985 г.

ПОКА В ОДН ЭКЗЕМПЛЯ

СТРЕМИТЕЛЬНАЯ ЛИНИЯ, СОВРЕМЕННЫЙ СИЛУЭТ, УДОБНЫЙ, СВОБОДНЫЙ ПОКРОЙ — ЭТУ ОДЕЖДУ РАЗРАБОТАЛИ МОДЕЛЬЕРЫ ПО СПЕЦИАЛЬНОМУ ЗАКАЗУ «СМЕНЫ» ДЛЯ ВОСПИТАННИКОВ ДЕТСКИХ ДОМОВ И ИНТЕРНАТОВ. ВОТ ТАК КРАСИВО И МОДНО ДОЛЖНЫ БЫТЬ ОДЕТЫ ВСЕ НАШИ РЕБЯТА!

ОМ ре

Фото Сергея ВЕТРОВА

Детский дом — теплый дом

«Кто возьмется выполнить социальный заказ «Смены»?» Этот вопрос был вынесен в подзаголовок материала, опубликованного в первом номере журнала за 1985 год. Тогда редакция обратилась к молодому модельеру Егору Зайцеву с социальным заказом: разработать вариант комплекта одежды для детей и подростков. С эскизами художника мы познакомили читателей, одновременно обратившись к комитетам комсомола, молодым работникам предприятий легкой промышленности с просьбой реализовать в материале представленные эскизы.

Предложение «Смены» создать красивую, добротную одежду для детдомовских воспитанников было поддержано ЦК ВЛКСМ и Министерством легкой промышленности РСФСР. Пошив экспериментальных образцов, подготовку технической документации взял на себя Калининский Дом моделей. Его художники и конструкторы не только воплотили в тканях эскизы Егора Зайцева, но и создали свои варианты детской и подростковой одежды. Эту работу на общественных началах выполнила группа высококвалифицированных модельеров и конструкторов, среди них и совсем молодые — секретарь комитета комсомола Дома моделей Ирина Корнева, члены комитета Елена Елисеева и Ольга Суворова.

Пользуясь случаем, сердечно благодарим всех работников Калининского Дома моделей, откликнувшихся на призыв «Смены», с отличным качеством выполнивших заказ.

После того, как экспериментальные образцы были готовы, в Министерстве легкой промышленности РСФСР состоялся их просмотр. Участвовали в нем ответственные работники Минлегпрома, Министерства просвещения республики, ЦК ВЛКСМ, директора и воспитатели детских домов. Отметим: на показе не просто оценивались достоинства и недостатки моделей. Пожалуй, впервые на столь высоком уровне обсуждался вопрос: что же конкретно в самое ближайшее время нужно предпринять, чтобы унылая, блеклая одежда не попадала в детские дома и школы-интернаты?

Значительная часть из представленных экспериментальных образцов рекомендована к массовому производству в 1987 году. Комплекты, конечно, не претендуют на универсальность — в легкой куртке не походишь зимой. Не претендуют они и на то, чтобы воспитанники детских домов были одеты только так, а не иначе. Речь идет не о создании униформы, ребята, подчеркиваем, должны иметь красивую и разнообразную одежду, не хуже той, в которую облачают своих чад заботливые родители.

Достигнута договоренность, что представители Министерства просвещения РСФСР будут теперь принимать самое активное участие в межреспубликанских ярмарках по оптовой продаже одежды и отбирать лучшие образцы. Изменится ли положение к лучшему, получат ли наконец детские дома модную одежду? Хотелось бы надеяться, что платья, костюмы, куртки массового пошива будут выглядеть не хуже экспериментальных. (Хорошо бы комсомольским организациям швейных предприятий взять выполнение заказа для детских домов под свой контроль.) «Смена» не заканчивает разговор об этой проблеме. Мы обязательно вернемся к ней в одном из будущих номеров.

Андрей КАРАУЛОВ

ТЕАТР ФЕДОРА АБРАМОВА

Театр не сразу сблизился с прозой Абрамова. Довольно долго они были знакомы лишь поверхностно. Писатель сложно принял спектакль «Деревянные кони», поставленный на сцене Театра на Таганке в начале семидесятых годов. Во всяком случае, отзывался он о нем сдержанно. После «Деревянных коней» его беседы с режиссурой стали более осторожными и часто обрывались на полуслове.

Хорошо разбираясь во многих особенностях театрального процесса, Абрамов еще лучше разбирался в людях. Театр для него всегда начинался с личности постановщика. Поэтому когда Лев Додин, еще не ставший, как сейчас, руководителем Ленинградского Малого драматического театра, а в те времена только очередной его режиссер, сказал писателю, что он и его актеры поедут под Архангельск в родную деревню Абрамова и начнут работу над «Домом» с того, что проживут здесь — не только как туристы, разумеется, — месяц-другой, Абрамов порадовался. Такое простое, такое естественное (казалось бы) желание вдруг произвело на него совсем не банальное впечатление.

Сегодня это вообще не принято — куда-то ехать, отрываться от дома, стремиться что-то увидеть своими глазами, понять на собственном примере. «Мы ленивы и нелюбопытны» — замечал Пушкин более полутора веков назад. Когда перечитываешь «Путешествие в Арзрум», эти строки невольно бросаются в глаза. А может быть, решение Додина ехать на Пинегу пришло невольно, как нечто само собой разумеющееся? Но ясно одно: режиссер прекрасно понимал, что без твердой опоры на внелитературную реальность он никогда не сможет «описать действительность серьезно и правдиво, ничего не изменяя в ней, как это делают для большего эффекта» (Л. Толстой). И это было для него самым ценным.

Лев Додин стремился к тому, чтобы увидеть героев Абрамова глазами самого Абрамова. Встреча режиссера с писателем стала встречей единомышленников. Так дружат люди, которые, несмотря на явное несходство характеров и прочно сложившихся жизненных позиций, объединены кругом мыслей. Пожалуй, в наше время это самая надежная, самая верная связь.

Так было в Ленинграде. В любимом городе Федора Абрамова. А в другом городе, в Саратове, все сложилось иначе. Совсем иначе.

Если Льва Додина в мир абрамовской прозы вводил сам Абрамов, то Александра Дзекуну, главного режиссера Саратовского театра имени Маркса, в мир абрамовской прозы ввела сама жизнь.

Читая Абрамова, Дзекун узнавал свое детство. Читая Абрамова, Дзекун понимал его с полуслова. Так родился спектакль «Жили-были мать да дочь», соединивший в себе «Пелагею» и «Альку». Театральное мироощущение Дзекуну стало его жизненным мироощущением. Но даже великолепно владея театральной формой, легко переводя любое жизненное впечатление в область эстетического творчества, Дзекун тем не менее за редким исключением никогда не отходит от реальности. В его спектаклях жизнь неизменно является прообразом всех режиссерских находок и построений — казалось бы, чисто театральных. А сейчас, поставив Абрамова, Дзекун все равно что написал автобиографию. Написал ее с болью, с отчаянием, с гневом — да и как могло быть иначе?

Но не буду забегать вперед. Два режиссера, два человека одного поколения. Оба молодые. И в один и

тот же год ставят Абрамова. Ставят по-разному. По-разному интересно...

Сначала Додин поставил «Дом», сейчас, спустя четыре с лишним года после первой премьеры, на сцене Ленинградского Малого драматического театра идет уже вся абрамовская трилогия, причем «Братья и сестры» и «Пути-перепутья» играют как один спектакль — в два вечера.

В «Доме» и в «Братьях и сестрах» действующие лица предстают на сцене не только от лица театра, они ведут речь прежде всего от лица Федора Абрамова. Выражают его жизнепонимание, его взгляд на судьбы русской деревни в послевоенную пору. С первых же минут спектакля веришь, что Анфиса Петровна Минина, председатель колхоза «Новая жизнь», в действительности была именно такой, как ее увидела и сыграла Татьяна Шестакова. А если это вымысел, если не было на самом деле никакой Анфисы Петровны Мининой, то это вымысел самого Абрамова. Так в «Братьях и сестрах» можно сказать о каждом актере.

Герои «Братьев и сестер» — маленькие люди в гигантских масштабах жизни. Но маленькие — это вовсе не значит мелкие.

И сейчас в абрамовской трилогии режиссер не умалет значение человека, его личности, но и не преувеличивает ее по-театральному. Он показывает простых людей. Он не грешит против исторической правды. Но отдельные человеческие судьбы здесь незаметно слагаются в судьбу народную. Додин что-то скажет о каждом. Однако в «Братьях и сестрах» речь прежде всего идет обо всех.

Вот только один пример. Наиважнейшее значение в спектакле имеют сцены общего собрания колхозников «Новой жизни» — сцен этих несколько, — и каждое такое собрание представляет собой поворотный момент в истории Пекашина.

Итак, снимают старого председателя Анфису Минину. Назначают нового, бывшего фронтовика. Тишина стоит такая, что становится не по себе. Здесь никто не выходит на первый план, люди словно замерли на своих местах, молча, не сговариваясь, объединились друг с другом. Да и о чем сейчас говорить, если все давным-давно предreshено самой жизнью, если по какому-то высшему, неизвестно где, когда и кем установленному закону, заведено: не жизнь считается с людьми, а люди с жизнью...

Народ безмолвствует. Гаврила Андреевич Ганичев, уполномоченный из города, высшая в Пекашине власть, уже окончил свою речь, сказал все, что хотелось и что было велено сказать, и ждет сейчас ответных речей. А пекашинцы молчат. Какое молчание, сколько в нем мужества! И — не удивляйтесь — красоты...

Додин знает, что любые слова в такие вот минуты воспринимались бы как наигрыш. Но единство народа в «Братьях и сестрах» для Додина принципиально (на этом тезисе, собственно говоря, построен весь его спектакль). «Братья и сестры» поставлены с любовью к народу, с верой в его силы, с убеждением в его необыкновенной нравственной красоте. Но рассказывая о судьбах Пекашина, театр во всем хранит верность истории. Тогда, в сороковые годы, было трудно, очень трудно, и Додин ничего не утаивает от зрителей. Он учит своих актеров играть время. Он ставит «Братья и сестры» как исторический спектакль, хотя прошло с тех пор всего ничего — каких-ни-

будь четыре десятка лет. Здесь каждый год играет как новый год, еще один год в истории Пекашина, и зритель почти физически ощущает, как движется жизнь.

Признаюсь: я все время задавал себе вопрос, что же все-таки меняется в спектакле? Что?.. Ведь что-то меняется, это несомненно, хотя все изменения в его атмосфере происходят настолько незаметно, что проследить их практически невозможно. Додин и его актеры далеки от мысли играть в этом спектакле только сюжет, ибо любой сюжет подразумевает под собой абсолютную внутреннюю цельность и логическую завершенность. А Додин этой завершенности не желает. Он от нее уходит. Он ставит картины из жизни. А не просто какой-то эпизод. Он мыслит другими категориями. Поэтому в его спектакле нет начала («Братья и сестры» начинаются кадрами из старого фильма, которые служат своеобразным историческим «мостом» между временем действия спектакля и предшествующими годами) и нет конца, и он совершенно справедливо обрывает свое повествование резко и неожиданно, на полуслове. Почему? Да потому, что спектакль кончился, но жизнь-то продолжается. На эту мысль Додин настраивает зрительское сознание. Он ставит спектакль-эпопею. Он разгадывает в частном причина общего порядка.

Рассказывая о героях романа Абрамова, каждый из актеров играет как бы само понятие «народ».

Когда-то нечто подобное мы наблюдали в фильме Алексея Салтыкова «Председатель». Работы Додина и Салтыкова — родственные явления в искусстве. Между ними легко провести параллель. «Председатель» сыграл колоссальную роль в изменении общественного самосознания людей, определил отношение к истории. Но еще очень долго, без малого два десятка лет, наши театры старательно уходили от серьезного, максимально честного разговора о судьбах русской деревни в сороковые и пятидесятые годы, не смея противостоять официальному «патриотизму» эпохи. Серьезные социальные проблемы еще очень долго анализировались в нашем театральном искусстве в основном на примере городской жизни. Создавалось впечатление, что деревенская жизнь ими не осложнена. На новом этапе продолжалась традиция, заложенная «Трактористами» и «Кубанскими казаками». Веселые стирпухи с удовольствием поили-кормили трудовой народ на передовых рубежах борьбы за урожай, кавалеры золотых звезд не снимали выцветших френтовых гимнастеров и смело, а главное — быстро налаживали колхозную жизнь, то есть все то, что очень скоро, уже в шестидесятые годы, будет осуждено нашей общественно-критической мыслью как «немотивированный подход к явлениям действительности», звучало со сцены на каждом шагу.

Додин стыдится театра, лишенного атмосферы, и перво-наперво ставит перед собой задачу создания на сцене иллюзии реальной жизни, не скрывая, впрочем, что иллюзия жизни — это только иллюзия, что здесь, в его театре, она создается чисто условным способом. На помощь Додину приходит художник — Эдуард Кочергин. Решение, предложенное Кочергиным, не скрывает, наоборот, лишний раз подчеркивает условную природу театра. На сцене находится только один небольшой дощатый помост, который периодически «превращается» то в стену дома, то в забор, — словом, режиссер и художник манипулируют им так, как подсказывает фантазия...

Чем же все-таки Анфиса Петровна Минина — Т. Шестакова выделяется в ряду других сценических героев — таких же, как она, председателей колхозов, с которыми мы знакомимся в прежние годы? Как председатель колхоза Анфиса Петровна — Т. Шестакова менее всего укладывается в стереотип. Сценический и, если так можно сказать, человеческий.

Разумеется, не только Анфиса Минина, но и Иван Дмитриевич Лукашин — Н. Лавров, председатель «Новой жизни» в последующие годы, или Михаил Пряслин — П. Семак (вот, казалось бы, кто в «Братьях и сестрах» должен быть в центре зрительского внимания), или Илья Максимович Нетесов — А. Завьялов, или Петр Житов — И. Иванов, — практически все действующие лица «Братьев и сестер» живут на сцене в абсолютном эстетическом равноправии друг с другом, и Додин строго следит за тем, чтобы никто из актеров не выходил на первый план, нарушая тем самым внутреннюю гармонию спектакля.

Встретив в «Доме» и «Братьях и сестрах» идеально абрамовские спектакли, мы еще и еще раз убедились, как велики возможности театра Федора Абрамова. Как и бывает в таких случаях, интерес к Абрамову только повысился. Но путем Льва Додина никто из его коллег-режиссеров идти не пожелал. Более того, началась скрытая полемика с Додиным. Ему не подражали, нет, с ним именно спорили. «Дом», многократно описанный за минувшие четыре с лишним года в театральной литературе, вызвал жажду соперничества. Открытия, сделанные Додиным, так и остались его открытиями. Их никто не позволил себе унаследо-

вать. Поэтому там, где, казалось, можно было смело ставить точку и считать разговор исчерпанным, появилась не точка, а еще одна неожиданная глава. И оказалась она не менее интересной...

Впервые имя Александра Дзекун мы услышали сравнительно недавно, два или три года назад. Тогда шел разговор о его «Ревизоре», и скандал был страшный. Ничего подобного не происходило уже давно. Мнения разделились резко и непримиримо. Литературоведы, преподающие в Саратовском университете и других вузах города, поддерживаемые большой армией школьных учителей, требовали — именно требовали — призвать Дзекуну к решительному и серьезному ответу. Театральные критики, устремившиеся в Саратов по заданиям поднятых на ноги отделов литературы и искусства многих центральных газет и журналов, доказывали — именно доказывали, проявляя на этот раз редкое единодушие, — что Дзекун никак не обедняет и тем более не искажает пьесу Гоголя, поэтому спектакль имеет полное право на жизнь.

«Ревизор» оценивался как своеобразный эстетический манифест молодого режиссера, полное выражение его профессионального реноме. Но это был несерьезный вывод. «Ревизор», в котором Дзекун настойчиво проводил одну-единственную на самом деле мысль, что хлестаковщина — это, к несчастью, типично русское явление, что все герои в «Ревизоре» чуть-чуть хлестаковы, что каждый из них на самом деле мечтает только об одном — хотя бы раз в жизни почувствовать себя на коне, который находился, кстати сказать, здесь же, на сцене, меняя «владельцев» в зависимости от ситуации, — так вот, «Ревизор» являлся для Дзекуну чисто экспериментальной работой, не доведенной, ко всему прочему, до конца, до своего максимально полного логического завершения.

А Дзекун тем временем работал над «Пелагеей» и «Алькой». Он опередил своих критиков. Абрамовский спектакль открыл Дзекуну заново. С его стороны это был не шаг, а два шага вперед. До своего обращения к «Пелагее» и «Альке» Дзекун казался формалистом.

Абрамовский спектакль это мнение переменял. Переменял резко.

Дзекун не стал уточнять время и место действия своего спектакля. Какая разница, что за деревня перед нами, где она находится; неважно, когда случилась эта невольная история — год, два, десять лет назад. Или только что.

Само собой разумеется, что отказ от исторической конкретности позволяет Дзекуну использовать ряд условно-метафорических приемов, анализируя серьезные социальные проблемы под покровом изысканных эстетических одеяний. Даже здесь, в абрамовском спектакле, Дзекун не сумел (или не захотел?) скрыть свою тоску по подлинному театру. Он создал на сцене жестокую и ироничную атмосферу. Он сразу же, с первых минут спектакля, подчеркнул, что намерен сказать зрителю что-то очень серьезное и важное. А форма разговора была выбрана подчеркнуто шутивая. Театрально забавная. Давно замечено, что серьезные вещи проще всего говорить полшутя, ибо в таких случаях всякий раз возникает особое доверие к тому, кто берет на себя смелость высказывать собственное мнение решительно и откровенно, искренно веруя, что разговор, ставящий перед собой вполне конкретные цели, если и не решит их разом, то даст по крайней мере хоть какой-то позитивный результат.

Дзекун настроен по-доброму. Он не держит зла на людей, которых мы видим на сцене, ему не нужно объяснять, что пережили они в минувшие годы. Но мириться с их жизнью Дзекун, однако, не желает. В самом деле: наблюдая этих людей, трудно поверить, что сейчас как-никак XX век, что где-то далеко (а может быть, и не далеко) отсюда люди запускают космические корабли, работают над интереснейшими книгами, обещают решить проблему термоядерного синтеза...

Здесь же все как было. Вчера. Позавчера. Сколько-то лет назад. Жизнь в этом мире будто замерла. Погибла. Здесь всегда, в любое время года, можно наблюдать одни и те же картины. Годы идут, но ничего не меняется. Слово «жизнь» подразумевает масштаб, тем более — пространство. Тут же все наоборот. Жизнь этих людей лишена не только внутреннего масштаба, но и пространства — в полном смысле этого слова. Ходят от дома к дому Маня Большая и Маня Маленькая, две старухи-бобылки, две приятельницы-субутильницы. У них всю жизнь была одна дорога — от Пелагеи Амосовой к Петру Ивановичу, бухгалтеру, от Петра Ивановича — к Аниусье, сестре Павла Амосова, от Аниусьи — опять к Пелагее...

Горько? Очень горько. Но что же греха таить: бывает еще и такое. Дзекун говорит об этом с болью. Он мог бы гневаться, наверное, как гневался Театр на Таганке в «Деревянных конях», доказывая, что именно такие люди, как Алька, бросившие деревню ради ресторанных «чаевых», развращают город. И был бы

по-своему прав. Он мог бы издеваться над Маней Большой и Маней Маленькой, ибо что же это за люди такие? Можно ли представить себе большее убожество?.. Но есть у абрамовской прозы одно особенное качество: человеколюбие. В «Жили-были мать да дочь» именно этим словом согреты все режиссерские построения и оценки. Поэтому стоит ли недоумевать и — тем более! — возмущаться, что Дзекун явно симпатизирует Альке, прекрасно понимая, что если она не сумеет вырваться из-под пут этого вечно пьяного, беспощадно-жестокоего мира, то быть беде — Алька примирится с судьбой, и тогда ее мечты, выношенные еще в школьные годы, не сбудутся вовек. А Пелагея Амосова? Стоит ли упрекать Дзекуну за странный (в эстетическом контексте спектакля, далекого от нарочитой символики и каких бы то ни было навязчивых обобщений) пластический этюд в финале спектакля, когда Пелагея — В. Ермакова пытается освободиться, сняв с себя груз своей собственной жизни, отнявшей у нее право на счастье, расправив плечи, как бы перешагнуть из прошлого в будущее, минувя настоящие... Наивно? Может быть, наивно. Но это дорогие минуты. Именно в такие вот минуты отношение Дзекуну к человеку, его вера в человека обнаруживают себя со всей очевидностью.

Люди разучились жить. Сами, по собственной воле превратили свою жизнь в бесконечное пьянство и...

Впрочем, не надо слов. После «Жили-были мать да дочь» хочется не говорить, а молчать. И верить — так, как Дзекун верит в Альку.

Она ведь человек другого поколения. А это значит, что и жизнь ей суждена другая...

Театр Федора Абрамова только-только складывается. Пройдут годы, прежде чем настанет пора подводить какие-то итоги и анализировать накопленный опыт.

Но уже сейчас можно со всей уверенностью говорить, что театр Федора Абрамова будет жить своей собственной жизнью. Его дороги никогда не пересекутся с чужими дорогами. Они для него слишком широки.

«Самые главные и сокровенные для себя истины Ленинградский Малый драматический театр осознает и говорит сегодня словами Федора Абрамова», — сказал однажды Лев Додин.

То же самое произнес Александр Дзекун, поставив «Жили-были мать да дочь».

То же самое скажет кто-то еще...

Скажет обязательно. И, наверное, очень скоро.

Читатель — «Смена» — читатель

...и не только Вронского

С большим интересом прочитала статью «Кому играть Вронского?», и мне захотелось поделиться своими мыслями.

Вопросы, затронутые в статье, очень актуальны, и не только для критиков, но и для нас, зрителей. Хотя мы, к сожалению, бесправны в мире искусства. Мы ничего не можем поделать, если при встрече с экранизацией известного романа нам не нравится его трактовка, подбор актеров и т. д. Нам показывают — мы смотрим. Единственное, что остается зрителям, — писать письма. Поэтому так велика актерская почта. Но наши письма с удовольствием читают, печатают, если они содержат положительные отзывы. Укоренилось мнение: откуда же понимать зрителю? Он кто по профессии — строитель? Вот и пусть строит! Но и мы, простые, понимаем и замечаем удачу и недостатки нашего искусства. Согласно, что сейчас актеров, способных передать дух времени, очень мало. Если играют аристократов, то они почему-то должны извиваться, закатывать глаза, оттопыривать пальчики. Но ведь аристократизм — это еще и хорошее воспитание, которого в жизни подчас ой как не хватает. Раньше действительно были замечательные артисты-интеллигенты. Сейчас же в театральные училища поступает не только городская молодежь, но и многие приезжающие из далеких сел, станиц. Это, естественно, большой плюс, но, согласитесь, при равных условиях, способностях, возможности из двух поступающих, городского и приезжавшего из деревни, отдадут предпочтение последнему. А культурный уровень у нас еще очень разный.

Автор статьи искал исполнителя на роль Вронского среди известных ему молодых актеров, а что, если поискать среди неизвестных, среди тех, на ком в театре поставлен крест бесперспективности? Да, интеллигентному актеру трудно, очень трудно. Он не может лезть к

режиссерам с просьбами еще раз прослушать его, не обивает пороги киностудий, потому что ему стыдно, неловко. Вот и оказываются они за спицами тех, кто оттолкнул, пролез, кому знакомы стыд, гордость.

Почему меня так волнует проблема Вронского? Я — из служащих. Моему воспитанию уделяли большое внимание. С детства я постигала мир искусства. Я люблю классическую музыку, живопись, балет. Очень люблю историю. Меня интересует все: быт, одежда, манеры, духовный мир прошлых веков, и поэтому, естественно, у меня вызывает раздражение, когда на экране играют не эпоху, а костюмы. Мне было бы ближе прочесть десятилетия Инес де Ла Круа, сыграть Диану Лопе де Веги, чем современницу. У меня лучше бы, естественнее прозвучали советы Шекспира, чем простые слова из современной пьесы. Это, конечно, тоже перегиб, но актеру просто надо помочь заинтересованнее взглянуть на сегодняшний день. А для того, чтобы создать образ человека, жившего очень давно, надо прочесть сотни книг, прослушать сотни пластинок, познакомиться с архитектурой, понять, почувствовать эпоху, но этого нельзя достигнуть за короткое время. Так что ищите Вронского не среди тех, кто быстро сделал карьеру, а среди тех, кто считается неудачником, кто интеллигентен не только внешне, но, главное, душой.

Еще хочется написать по поводу красивых актеров. По-моему, у нас их попросту боятся, стараются оттеснить на второй план. К актерской красоте относятся весьма скептически. Бытует мнение: если красив, то только позирует перед камерой, хотя я абсолютно согласна с известной фразой: «В кино мало быть красивой, в кино надо быть необыкновенной». Но все-таки иногда хочется обратиться к режиссерам: почему они, экранизируя известные романы, так невнимательны к словам автора о внешности геро-

ев? Ну почему же нам показывают некрасивую Миледи? Ведь уже миллионы людей, читая роман, создали для себя образ белокурой красавицы с дьявольской душой.

Я, к сожалению, не видела «Гамлета» Беляковича в театре на Юго-Западе и поэтому не могу высказать свою точку зрения конкретно об этом спектакле, но не очень ли часто сейчас сложные классические вещи начиняют современной музыкой? Да, так проще воспринимается, не надо вдумываться в длинные монологи, достаточно запомнить несколько слов песенки...

Хочу, однако, отметить, что не принадлежу к категории людей, которые пишут по всякому поводу и без повода в редакции, просто меня очень заинтересовала статья и вот — мое длинное письмо. Спасибо за нужную, интересную статью.

Т. ЗАРИНА,
Ростов-на-Дону

Мы не случайно выбрали это письмо из читательской почты, поступившей после опубликования статьи «Кому играть Вронского?» («Смена» № 1). Наверное, размышления автора письма могут стать основой для интересного разговора, и не столько о театре, сколько об искусстве вообще, о взаимодействии искусства и жизни, о герое сцены, киноэкрана, книги. Каков он, этот герой, которого хотят увидеть зрители? Если он молодой, то с каким характером, как он выглядит, что любит или ненавидит, как он ведет себя в компании, с любимой девушкой, с другом? Словом, что это за человек? И кто из артистов мог бы его сыграть? А может быть, вы, читатели, назовете фильм или спектакль, в котором уже действует или намечен такой герой? Думаем, что мнения ваши будут очень разными...

Поразмышляем и насчет «красивых» — «некрасивых» артистов. Что это вообще такое — «актерская красота»? Внешность? Или не только внешность? И должен ли артист быть красивым? Кстати, если должен, то почему? Каких артистов вы считаете красивыми? Мы ждем ваших писем!

Отдел литературы и искусства.

ЕЛАБУЖСКИЙ

царила любовь. Почтение к родителям не страхом держалось—уважением к тем самым достоинствам, мимо которых ни чужим, ни своим не пройти. А где крепкой семье радость и надежда? В детях, конечно, в наследниках. Дочки, правда, и хороши, и пригожи, да на выданье—отрезанный, считаи, ломоть. Но и сыновьями бог не обидел—тоже двое, и один другого краше. Старшего хоть и звали Николаем, а угодником не был: погулять, попеть любил и веселье не последней почитал добродетелью; только не слабость это была и не купеческий кураж (чего в фамилии Шишкиных отроду не водилось), но шло от обилия молодости и сил—имени не в убыток и делу не помеха. А в делах знал Николай толк... И все же надежда особая на младшего была—на Ванечку.

И правду сказать, всеми статьями парень вышел: и лицом, и осанкой, а силушкой—матерый мужик. Подкову перегнуть, кочергу железную узлом завязать—это так, озорство на праздник, а за дело какое возьмется, все в руках ладится: и кузнец тебе, и плотник, а уж такие из дерева фигурки режет, таких из камня зверей высекает—смотри и

НА ПРИВАЛЕ.

СОЛНЕЧНЫЙ ДОЖДЬ.

Как гром среди ясного неба грянула эта весть на дом Шишкиных...

Жили—горя не знали. Заведено так было в старинном семействе от давнего крестьянского корня: одно поколение сменяло другое в ладу с собой и миром.

Под стать семейству был дом—крепкий, просторный, ладный, о двух этажах, с чугунным балкончиком и резной галерейкой, над родниковым стоял он откосом. Чисто вымытые, с геранью окошки глядели и наглядеться не могли на благодатный простор. Там, опушенная белесовато-рыжими и блестящими на солнце ольшаниками, тихая, а к концу пути и совсем убаюканная покоем озерных лугов, Тойма вливалась в Каму. И не зря, видно, не забывали в здешних краях к подходящему разу присловить: «Хотела Кама-матушка миновать нас, да передумала». Поглядеть—так оно и вышло: верстах в двух от Елабуги своенравная Кама, как бы замороженная увиденным, замедляла бег, круто

брала вправо, словно поближе разглядеть хотела статный, красивый, окруженный сосновыми борами город на ровном высоком берегу. А весной, по большой воде плоты, барки, расшивы и первые волжские пароходики забегали с Камы, подваливали под самый городской откос, и верхушки мачт заглядывали в окошки домов на Набережной. Здесь, в ряду других, на самом видном месте стоял дом Шишкиных.

Семейство, как сказано, дому было под стать. О главе его, Иване Васильевиче, еще поговорим особо, а покуда заметим: купец второй гильдии и городской голова, человек был в городе уважаемый, но брал не званием и не богатством—с избытком в Елабуге обреталось купцов рангом повыше и куда богаче. Городской же голова—должность, в обход губернского начальства, была в уезде выборная, и обрести ее мог человек по собственным достоинствам, а не иными какими путями.

В семье же Шишкиных был лад и

РОДНИК

Отечество

Алексей НИКОЛАЕВ

Фото Василия МИШИНА и Владимира ЧЕЙШВИЛИ

ЧЕРТОВО ГОРОДИЩЕ
БЛИЗ ЕЛАБУГИ.

МОЛОДЫЕ
ХРАНИТЕЛИ
ИСТОРИИ.

РЕЧНОЙ ПРОСТОР.

дивись! Старые конторские книги угольком зарисовывает: то отца на страничку посадит, то брата с любимой его гитарой, а то приятеля вихрастого соседского, и так ловко это сделает, что всякий узнает. Но все больше поверх фиолетовых цифр рисует он виды Елабуги, Камы, лесистых ее берегов... Ну да к искусному ремеслу Шишкины всегда приглядливы были и на редкость прихватисты — это от прадедов, и тут Ваня не поперек шел, а дальше. Умом же и смекалкой, похоже, опередил славною и в этом деле фамилию. Уездное училище одолел мигом; не заметили, как с похвальным листом вышел. В Казанской же гимназии среди первых учеников не затерялся; учение и тут давалось легко, из класса в класс шел бойко, и каждое лето на каникулах в семье радость: Ванечка приехал!..

Дарья Романовна в младшем души не чаяла: с его-то статью, с таким-то умом,

да с образованием этакий первый человек, куда там в уезде — в Вятском губернском правлении, а там и дальше гляди!.. И вот на тебе, как гром среди ясного неба:

— Я, маменька, в гимназию не вернусь.

Стояло жаркое лето 1848 года; шестнадцатилетний Иван приехал на каникулы, и с этакой вестью.

Дарья Романовна — руки к образам, заголосила по-бабьи:

— Ванечка!.. Одумайся!..

Какая муха его укусила — теперь бы гадать и конца не ухватить, но в собственноручном плане автобиографии сохранилась, по счастью, строчка: «Боялся сделаться чиновником».

Для нас здесь первая ниточка к загадке дальнейших событий его жизни. Из будущего оно, понятно, видней, но каково в тот час домашним было — представить можно и не напрягая воображения.

Покуда же — до отцовского решения — водворен был Ванечка на верхнем этаже дома, в каморке с видом

на Тойму, на Каму, на заливные по обе стороны луга с блестящими на солнце озерами и на дальние заречные леса, могучей зеленой рамой охватившие весь поднебесный простор. Грозы ходили за лесами, собирались над Камой и, выждав своего часа, проливались к вечеру короткими обильными ливнями. А когда подымалось утром солнце, из корабельных рощ тянуло в распахнутое окно каморки свежими, густыми, пьянящими запахами грибов, трав, хвои и разогретой смолы — до вечернего грозового часа...

Разговор в отцовском был кабинете с глазу на глаз. В документах о нем ни словечка, воспоминания тоже молчат — тут воображению воля, а характе-

ЛЕСНАЯ СЕНЬ.

ры собеседников и обстановка, ныне воспроизведенная, одна фантазия под- сказка. Думаю, не погрешим мы против истины, если представим себе оранже- вые дорожки солнца на крашенных тем- ной охрой полах, старинную кафельную печь, диковинные часы с кукушкой и перепелом, привезенные отцом с Ма- карьевской ярмарки, дедовский буфет; на выгоревших штофных обоях — турий рог, шомполное ружье, темные овалы портретов в тусклых тяжелых рамах, а наискосок — большой под зеленым сук- ном письменный стол.

Отец сидит за столом; крупное, в волнистых прядях русых волос лицо его с бритым не по-купчески подбородком задумчиво и серьезно. Иван ждет реше- ния. Высокий, широкий в кости, стоит он с прямой спиной, чуть склонив голову, и видит крупные отцовские руки. Похожие при вечернем солнце на сосновую кору, лежат они на белой разлинованной странице канторской книги. Но как-то сиротлив на отцовском столе вид купе- ческого этого писания; день ото дня все дальше к краю сдвигают его иного назначения книги — в кожаных старин- ной работы переплетах и с золотым тиснением на корешках...

Иван знает; другие заботы одолевают отца, а коммерция, для новых этих забот все более забываемая, идет туго, да так туго она идет, что знающему толк в делах Николаю одному не управиться. Рассудить тут как будто бы и просто: коли канцелярские перья младшему сы- ну не по руке, пристроить его надобно к делу фамильному. И самая пора — вре- мена на Руси наступили купеческие: почти все дворянские права привалили купцам царской милостью; торгуй толь- ко да наживай добра. На том и пореши- ли.

И тут в свиток его жизни вплетается страничка, весьма, впрочем, коротень- кая: отправлен был Иван сопровождать по Каме караваны с хлебом. Иному кому —вольная жизнь и барыш верный, а у Ивана не заладилось: беда за бедой — суда тонули, баржи садились на мель или горели, а пуще обманывали его всякого ранга торговые люди, обчи- тывали, обдирали как липку. Отцовский капитал, и без того невеликий, с каж- дым таким Ивану поручением таял.

Что тут сказать! Известно, рожденно- го летать ползать не выучишь, и потому, надо думать, не очень удивился да и не огорчился Иван Васильевич, когда сын эту истину не опроверг. И все же взгля- нуть здесь нужно попристальной, пото- му как со стези протоптанной, сам того не подозревая, сбил Ивана отец. И тут в рассказ войти ему самое время.

В обильной литературе о нашем пей- зажисте мало, досадно мало внимания уделено его отцу. Он как бы в тени знаменитого своего сына. Но предст- авим себе: окажись Иван Васильевич купцом не по званию только, но и призыванию, сложилась бы судьба сына так, как она сложилась? Дорожка-то проторенная была, и выбиться из глубо- кой, крепко наезженной купеческой коле- лей ему бы, пожалуй, не удалось, а продолжал бы Иван умножать «матери- альное», пусть и без особого успе- ха, — куда денешься. Но все дело в том, что был отец его купцом только по званию, а натурой очень русский, роман- тический, если хотите, прямо-таки лес- ковский тип — очарованный этаким странник, душа, плененная красотой и мудростью мира, предназначение свое полагавшая в приумножении этой муд- рости и красоты. Не зря, видно, в родных краях звали его «елабужским Кулибиным»...

Но тут, впрочем, читатель вправе остановить автора вопросом: не основыва- ется ли пристрастие к этому герою более на литературных реминисценци- ях, чем на фактах? Нет, на фактах, и только на них.

Вот передо мной книжечка — «Практическое руководство к построению разных мельниц. Составил И.В. Шиш- кин». Раскрываю другую — «Труды 1-го археологического съезда в Москве.

1869, 11. М. — «Исследование Чертова городища близ Елабуги. Соч. И.В. Шиш- кина». Еще одна — на заглавном листе после слов «История города Елабуги» и «составил Ив. Шишкин» читаем: «На память добрым и благотворительным моим согражданам». (Заметим: не «на добрую память», а «на память до- брым» — в этом весь Иван Васильевич!)

Книжечки, как видите, по нынешним временам редчайшие. А вот уж и совсем раритет — неизданная, хранящаяся в архиве рукопись «Жизнь елабужского купца Ивана Васильевича Шишкина, на- писанная им самим в 1867 году». Наде- юсь, читатель извинит пространность цитат из нее хотя бы уже потому, что содержание и своеобразие слога не только положат верный свет на образ автора, но и дадут многое для понима- ния натуры главного героя нашего рас- сказа и «странного» поворота его судь- бы. Цитирую:

«По вступлении в службу (речь идет об избрании его в 1832 году городским головою. — А.Н.) я искал средства и возможность снабдить город водою, ко- торой чувствовался большой недоста- ток. В то же время в одном овраге загородном показался маленький ключ- чик. Я его осмотрел и вознамерился привести его трубами в город... Но никто не надеялся, чтобы можно провести воду туда, где ее нет (потому что тогда о таковых делах не только не ведали, даже не слышали), и потому никто не согласился делать пособия. Тогда я и решился устраивать собственным сче- том...»

Поясним: водопровода не знала тогда ни ближайшая Казань, ни губернская Вятка. О трубах железных и помину, конечно, не было. Иван Васильевич нашел способ ошкуривать листовенни- чные бревна, проделывать в них отвер- стия равного диаметра, прочно скреп- лять деревянные трубы и укладывать в канавы. Завершалась эта система хит- роумно устроенным на городской пло- щади фонтаном, и «этим устройством ограничили мои собственные издерж- ки, которые мне стоили 1600 руб. ассигнациями»...

Дело сделано — на радость и пользу «благотворительным согражданам», но вот какую не упустил здесь подро- бность: эти самые тысяча шестьсот ассиг- нациями был весь наличный капитал Ивана Васильевича. И что же? За голо- ву схватился? Жаловался? Ничуть. Тор- говля хоть и худо шла, а пока что капиталец небольшой, но давала. При- копив малость, принялся Иван Василь- евич за другое дело, и опять обществен- ное. За постройку церкви заломил заез- жий подрядчик столько, что городской казне не поднять, а из богатых елабуж- ских купцов добродетелей помочь не сы- скалось. Дальше Ивану Васильевичу слово: «Поэтому постройку церкви и колокольни принял на себя и выстроил с небольшим убытком».

Нет, вы подумайте: «предприниматель» радуется тому, что невелик убы- ток! Вот так...

Хотя и провел всю жизнь Иван Ва- сильевич в делах денежных, но, натура артистическая, в оных, скажем мягко, не преуспел, от того что был, как говорится, большой мастер из рубля полтину делать, и, чтобы не длить да- лее, скажу: после очередного «предпри- ятия» пришлось Шишкину из второй купеческой гильдии перейти в третью, да и тут не долго удержался — выпи- сался в елабужские мешане. Жил в трудах, а на досуге читал Плутарха, «Жизнео- писания великих мужей». Книга эта — в старинном переплете, с золотым тисне- нием на корешке — и лежала теперь на письменном его столе...

Вижу сам, надеюсь, и читатель чув- ствует, что образ этот требует отдель- ного рассказа. Но, согласитесь, надобен здесь художник, глубоко чувствующий русскость и народность типа, так что не зря, пожалуй, и помянут был нами Лесков. Ну а мы — худо ли, бедно — е- сли пространным этим отступлением об отце оборотили читателя к истокам

Ольга ФОКИНА

*Подснежною листвою
Шурша, весной дыша,
Гуляли в парке двое,
Былое вороша.
Былого было много
Вблизи и далеко,
Хорошего, плохого,
Чужого, своего.
Хмельели не от пива
Весенние ветра:
Цвела и пахла ива —
Была ее пора.
В глуши большого парка,
Смутив и восхитив,
Негаданным подарком
Блеснула роща ив.
Вся — щебет, гуд и пенье,
Блеснула им двоим
Всем медом, всем цветеньем,
Всем солнцем молодым!
Она звала, манила
Под сень — с чужих очей...
Всего и дела было —
Шагнуть через ручей,
Шальной, громокипящий
(Смотри, перенимай!),
Собой соединявший
Апрель и юный май.
...Был солнца проблеск жаден,
И беззащитно гол,
И сладостно прохладен
Черемуховый ствол,
Что твердым острым суком
Изобразил кинжал
И трепетную руку
На миг подзадержал,
Когда рука искала
Опору для прыжка
На солнышко прогала
Другого бережка.
Один среди ив коричнев,
В ручейном серебре,
В несправадной, обычной,
Весушчатой коре,
Как непричастный к пиру,
Как солнцем обделен,
Как из другого мира,
Как из других времен...
Но, сколь запрет ни прочен,
Сквозь зимние слои*

*Проклевывались почеч
Живые соловьи!
Шагнуть — такая малость!
...Покинув берега,
У самых ног плескалась
Огромная река:
Вся — сила, вся — свобода,
Вся — нега, вся — тоска,
Что скоплена за годы
На глинах и песках,
В болотинах, в оврагах,
В озерах, в родниках,
Вся — дерзость, вся — отвага,
Вся — щедрость, вся — слуга...
Он с искренней заботой
Нашел, чего сказать:
«Возможно, там — болото,
Не стоит рисковать».
И, осмотрев ботинки
(Новехонькие — жаль!),
Шагнул с земли-тропинки
На чистенький асфальт.
Она, еще не веря,
Еще рукой держа
Черемуху за ветку,
За острый сук-кинжал,
Еще душой в полете,
Еще мечтой вдали
От тропок и болотин,
От рек, ручьев, земли,
Вдруг поняла такое,
Такое поняла,
Какое на покое
За годы не смогла.
И, серебром ручейной
Румянец остудив,
Печально и ничейно,
Как он, пошла от ив.
С глубоким уваженьем,
Пластая по воде,
Ломалось отраженья
Че-
ре-
му-хо-во-е...*

натуры главного героя нашего рассказа, то с чистой совестью поставим здесь точку. Разве что спросим напоследок: мог ли сын такого отца пойти по чинов- ной или купеческой части?!

Второе, так сказать, действие сынов- ного неповиновения Иван Васильевич мог уже предвидеть — к тому все и шло.

Портретов родных, знакомых, пейзаж- ных рисунков, сделанных наивной, но явно не бесталанной рукой, в верхней камерке шишкинского дома собралось уже достаточно, когда объявилась в Елабуге артель московских иконопис- цев. Был среди них выученик Строга- новской рисовальной школы Иван Осо- кин. Рисунки юного тезки ему, видимо, приглянулись — у Шишкина появились настоящие краски и кисти. Но точку последнюю поставил рассказ Осокина о недавно открытом в Москве Училище живописи. И, как тогда, среди ясного неба гром:

— Я, маменька, в Москву поеду. Ху- дожником быть хочу.

И, как тогда, Дарья Романовна в слезы:

— Пропали Шишкины!.. Никогда в их роду художников не бывало! Одумайся! Иван же Васильевич поглядел на сы- на, помолчал и приказал собираться в дорогу:

— Коли решил твердо, пускай едет. Стояла осень 1851 года.

Не знаю, достанет ли у нас воображе- ния представить себе этот эпизод жизни будущего художника. Представить и от- мыслить.

В Москву приезжает юноша из глухой российской провинции, из той самой Елабуги, где не то что выставок — кар- тин путных не выдвигали, а событием было, когда являлся на ярмарку заез- жий немец и показывал в балагане одну картину как диковину... И вот этот самый юноша, с таким вот, как теперь бы сказали, «культурным багажом», в первый же день в Москве попадает на выставку Айвазовского и Лагорио... Ошеломление? Восторг? Конечно. Но какая нужна была зрелость мысли, ка- кая вера в свое предназначение, чтобы при всем эмоциональном потрясении подумать о другом: «Если так хороши на картинах горы и море, то чем же хуже наши леса и поля!...»

А предназначение как бы само собой определилось в первый же год его в училище. На оборотной стороне классных штудий с гипсов рисовал Шиш- кин пейзажи. Удивляло, впрочем, не это (гипсы порядком всем надоели), удивля- ло, что были это не швейцарские ланд- шафты и не виды неаполитанских бе- регов, которые охотно копировались учениками с иностранных гравюр, а про- стые русские мотивы: ольховый куст в Сокольниках, заросли папоротников в подмосковном овраге или выворочен- ный корень сосны над тихим ручь- ем — все то, от чего в те времена отече- ственное наше искусство ревниво обе- регалось. Так, ректор академии Бруни, увидев на эскизе Репина обыкновенный мотив природы, выразил неудоволь-

*
 Уж ты, горе мое, горе,
 Мне куда с тобой деваться?
 Утопить — не хватает моря,
 Мало леса — затеряться.
 Во морях-то рыбу ловят,
 Во лесах-то сосны рубят,
 Сети, пилы — наготове,
 Не сокроют чащи-глуби.
 Уж ты, воля моя, воля,
 Мне на что твою угодыя —
 Вешний ветер, чисто поле,
 Ворона коня поводья?
 Вешний ветер не ласкает,
 Чисто поле вдаль не манит,
 Конь не искру высекает —
 Шаг шагнет, вздохнет и станет.
 Что же ветру не по нраву?
 Что же полю не по мысли?
 Что поводья без управы
 До травы-земли повисли?
 Ветер знает, да не скажет,
 Поле помнит, да не молвит,
 Конюх коника навяжет
 На кол к долу — находит.
 Я без ветра вести знаю,
 Я без поля повесть помню!
 Я с коня узду снимаю:
 Прощай, милый, ищи ровню.
 Ищи ровню, ищи пару,
 А я горю найду нору:
 Спрячу горе под кокорой
 И забуду, под которой.

*
 За что мне такая награда,
 За что мне подарок такой?
 Ты рядом, ты рядом, ты рядом,
 Я слышу твой голос живой.
 И так ослепительно счастье
 Неправдоподобных минут,
 Летящих, поющих, звенящих,
 — Ты — тут, — говорящих, —
 ты — тут! —
 Что я инстинктивно, невольно
 На шаг отступаю назад
 И, словно от солнца, ладонью
 На миг прикрываю глаза.
 Мне страшно к тебе приближаться,
 А может, не страшно, а жаль,
 Приблизиться — с далью расстаться,
 А сколь утешительна даль!
 Сколь ласковы грезы-туманы!
 Сколь свят вокруг тебя ореол!
 Я знаю — туманы обманны,
 Но их потерял — не обрел:
 Подробности, частности быта,
 Конкретный уют — неуют,
 Такие невинные с виду,
 Зацепят, возьмут и убьют
 Росток неземного рая,
 Бутон неземного огня...
 Ходящий по самому краю,
 На край не задерни меня.
 Я знаю: без черного хлеба,
 Без почвы и тверди — не жизнь,
 Но я умираю — без неба...
 Решись, размахнись, поднимись!

*
 В жизни всего предовольно...
 Но жить —
 Вовсе не значит себя окружить
 Рвом «Не испей!»,
 частоколом «Нельзя!».
 Грозы грохочут, не только грозя,
 Море бушует, не только топя,
 Милый целует, не только губя.
 Но от угарного газа озон
 Нам отличать научиться — резон,
 Но, чтобы море не стало бедой,
 Плавать учись, пока ты молодой,
 Но, чтоб тебя посетила любовь,
 Чести и совести не прекословь.

Рисунки Игоря СУСЛОВА

ствие: «Да, но ведь это же совсем живые обыкновенные кусты, что на Петровском растут!» — и предложил Репину сходить в Эрмитаж скопировать для пейзажа какой-нибудь из ландшафтов Пуссена...

Такие времена стояли в российском искусстве, когда начинал в нем знаменитый пейзажист. А чтобы понять, на что же решался провинциал из вятской глубинки, приведем несколько строк из письма к нему упомянутого нами художника Осокина: «Вы пишете, что имеете склонность к ландшафтам. Это хорошо, но подумайте сами хорошенько, что повыгодней. Если к исторической живописи привыкать, по-моему — лучше, потому что, хотя и не быть знаменитым художником, можно жить хорошо и иметь более дела, а ландшафты мало принесут пользы в посредственном искусстве...»

Вот оно, это извечное — «жить хорошо» и «повыгодней»! Бес этот под разными личинами является человеку во все времена, и сколько поколений он душ, переломал талантов — не счесть! Устоять могли только самые крепкие — с душой, открытой предмету любви и с корнями глубокими. Шишкин устоял. А когда по окончании училища вознамерился он поступить в Петербургскую академию, то, зная его склонность к простому русскому пейзажу и в надежде, что задание отрезвит, направил большой талант к «серьезному роду», совет академии предложил Шишкину рисовать «натуру природы» ранней вес-

ной, когда она еще очень бедна и, как полагали, искусству недоступна. Короткое время спустя Шишкин рисунки представил.

Каковы они были, судить можно по тому, что высокий совет почесал в затылках, развел руками и единодушно решил: «Молодец, москвич!»

А «москвича» тянуло уже в Елабугу...

В «Записках о достопримечательностях разных» Иван Васильевич Шишкин запечатлел одну из них, немаловажную: «1861 г. Сын Иван Иванович из Питера через шесть годов приехал 21 мая классным художником первого разряда».

Его ждали. И не потому, конечно, что дошли до Елабуги вести о том, что картины ученика академии — «Вид в окрестностях Петербурга», «Дубки под Сестрорецком», «Сосна на Валааме», «Вид на острове Валааме» — увенчаны наградами самого высокого достоинства, но, главное, потому, что возвращался он к роднику, с которого все началось.

А он ждал встречи с отчим краем особенно, если специально к этому случаю завел тетрадь-дневник, и первая же в нем запись — сущая драгоценность для понимания истоков его любви и пожизненной привязанности:

«Не доезжая 18 верст села Пьяного Бора, острова украшены великолепными дубами, под горой большой ручей, густой лес смешанный (урема)... Дорога идет по самому берегу, и у дороги разбросаны дивные осокори, переме-

шанные с тополем, ивой и кустарниками; дальше идут дубы; крутой берег, каменистый с обрывами — место, по моему, самое замечательное в отношении живописности и сочетания различных видов деревьев для пейзажиста...»

Какова точность и каков взгляд! Взгляд натуралиста!.. Написал и подумал, что этим словом даю пищу недоброжелателям нашего пейзажиста: мол, добросовестный, но сухой ботаник, не более того. Поостережемся, однако, делать подобный вывод. Я даже думаю, что есть в этом нечто оскорбительное для русского уха и глаза. В процитированном отрывке практическая направленность и предметность описания настолько сильны, что скрывают собой чувства, владеющие автором, они как бы за изображением. Думаю, именно здесь, в короткой дневниковой записи, искать нужно то, что и отличает пейзажи Шишкина от картин других мастеров этого жанра. Пояснить хочу примером, от искусства недалеким.

Есть люди, которые любят, но не говорят о предмете любви; чувства их в самой любви, а не в словах о ней. Любовь эта на первый взгляд может показаться лишенной изящества, даже грубоватой. Но тут нужен другой взгляд — долгий, пристальный, и тогда увидишь, что она крепкая, надежная, хотя и без огласки. Не такова ли живопись Шишкина, где сам по себе предмет изображения настолько значителен и убедительно прекрасен, что все остальное довершить должен прямой, непредвзятый взгляд на него?..

Да, в пейзажи Шишкина, где краски «не ликууют», «не кричат», где композиция будто бы и «не выстроена» художником, а живет сама по себе, где в самой картине ничего не происходит, а просто стоят деревья, растет трава, — в пейзажи эти нужно долго и спокойно всматриваться, и тогда только услышишь, как тягуче-гулко шумят высоко в небе вершины сосен, журчит невидимый в корнях ручей, а запах глухого, заросшего папоротниками оврага так убедительно ощутим, что той привычной грани искусства и жизни как будто и вовсе нет... И все это происходит лишь потому, что отыскал художник в природе ту самую правду, которая сама по себе уже искусство.

Но чтобы окончательно объясниться с возможными недоброжелателями Шишкина, прошлыми и нынешними охотниками попрекнуть художника тем, что был он якобы рабом природы и самый вид природы опережал у него идею, напомним еще об одном.

На ученическом каком-то рисунке, на обратной его стороне торопливой рукой — запись: «Раздолье. Простор, угодые, рожь... Русское богатство». Слышите? Или лучше сказать — видите? Вот оно, когда и как являлся ему знаменитая картина — исподволь, из сердца, — а натуру найдет он потом, много лет спустя, в Елабуге — рожь, дорогу и сосны во ржи...

А в елабужское то лето, вернувшись домой «классным художником первого разряда», словно стараясь разглядеть в родных краях упущенное в юные годы, исходил он с тяжелым своим этюдником многие версты окрестных дорог, и в кармане парусиновой блузы сопровождала его тетрадь-дневник с торопливыми, но такими выразительными записями... Вот чаю напиться свернул он в придорожный трактир. Событие в общем-то и заурядное, но только не для художника, и отметил Шишкин в дневнике вытертые бревенчатые стены, «портреты героев Крымской войны, на черном фоне с золотыми эполетами и крестами; тут же маленькие уродливые портреты Екатерины и Петра I, клетки с птицами, стук, говор, шум... толкуют все о посредниках, народ торговый и любят тоже поговорить об антихристе...» Картинка прямо для Перова с его «чаепитиями», с густым провинциальным бытом, и Шишкин об этом только обмолвится в дневнике — другое у него предназначе-

ние, — а дальше подробно писать будет о деревьях, родниковых ключах под кручами, о мхах на пахучей сосновой коре, похожей на старинную бронзу...

Тетрадочку эту возьмет он в другую, далекую от отчих краев дорогу — по странам Европы, куда отправлен будет пенсионером академии в награду за отменные успехи «для совершенствования», и несколько страниц спустя после елабужской появится в ней другая запись: «Черт знает, зачем я здесь, зачем сижу в номере Штадт Кобурге, отчего я не в России, я ее так люблю! Грустно: пою и свищу почти со слезами на глазах: «Не уезжай, голубчик мой! Не покидай поля родные!»

Увы, не приглянулась Европа вятичу — ни природой, ни бытом! Природа хороша бы была, да будто цирюльник по ней прошелся... В тесных кофейнях подают чашечки кофеи — с наперсток и все птичьими какими-то «бриошами» потчуют, ни капусты тебе, ни родного ржаного... Но по крестьянской привычке к труду здесь, как и дома, работал он в поте лица, а иноземных собратьев изумлял тем, что, отправляясь на натуру, тащил на горбу тяжелый железный мольтерт и полдюжины аршинных подрамников. И в России-то авали его «вятским медведем», а по здешним меркам вовсе в диковину была такая силаща. В работе этой исходил он, изъездил громадные расстояния — Германия, Швейцария, Франция, Италия, — да все тесно казалось, русские версты куда привычнее были иноземных лье. А беда-то главная в том была, что даже эта — от утренней до вечерней зари — работа тоски по дому унять не могла... Пишет, бывало, чистенький швейцарский ландшафт, а думает о том, что в Елабуге уйма грибов и пропасть раков и дубки у Пьяного Бора пожелтели, морозом ударит — зазвенят... Да и художественные здешние выставки (слово-то какое — «салон»!) ему «как-то несродны»: «Мне уже надоедают все эти подвиги и прихоти королей и светских и духовных, все это прошло, и слава богу. Это мертвечина, а мне бы скорее на натуру, на пекло красного солнышка...» И отпишет с грустью домой: «Зима, которую я провел в Мюнхене, в этой фабрике картин, была для меня мучением...»

Что же, быть может, не пришелся он здесь ко двору? Или затерялся среди европейских знаменитостей? Да нет: «Немцы рот разевают от твоих рисунков и этюдов!» Рисунки его пером за хорошие деньги приобретенные были в коллекцию знаменитого Дюссельдорфского музея — при жизни такая честь мало кому выпадала. А хозяин художественного салона, торговец, надо думать, хваткий, которого на мякине не проведешь, купив несколько графических листов Шишкина, выставил их в витрине, хранил как святыню, и охотникам перекупить объяснял: «Это вещи, которые я никому никогда не продам, потому что им нельзя назначить цену. Если бы этот художник сосредоточился на таких рисунках, то давно бы имел громадное состояние...»

Вот она, еще одна торная дорожка к благополучию!.. Да где торговцу уразуметь, что у русского художника она другая, не к благополучию ведет — в иные совсем стихии. Не зря же запишет Шишкин на случайном где-то листочке мысль о том, что, если выбрал искусство, к благополучию не стремись — оно погубит... Не уразуметь торговцу, конечно, и того, почему русский маэстро бегаёт, как мальчишка, по три раза в день на почту, ждёт писем из России. Ведь это там, а не здесь понимают, чувствуют, какая дорожка ему путная и куда ведет... Вот Паша Джогин, друг давний, домой зовет: «Полно тебе торчать там, стесненному горам, иди сюда, на простор! Воображаю я твою скуку! Вертайся, голубчик, скорей. Спечем тебе пирог с сигом, а то и с капустой, а то с тем и другим! Ей-богу, наслаждение будет — то-то поговорим!»

ПОД СЕНЬЮ ЭТИХ ДЕРЕВ
БУДЕТ СТОЯТЬ ДОМОШНИК ХУДОЖНИКА

СКОЛЬКО ЛЕТ
ЭТОМУ СРУБУ?

В МУЗЕЕ ШИШКИНА ВСЕ ТАК,
КАК БЫЛО ПРИ ЕГО ЖИЗНИ.

собираются над Камой и проливаются в урочный час обильными ливнями. И в положенный срок бьют в доме часы: кукушка прокукует, перепел подтвердит, что чай пить пора — из самовара, в широких расписных чашках, душистый, с малиновым листом, а в жару и квас из погреба, холодный, зубы ломит... Да что там чай, квас, когда за Камой такие дали раскинулись, такая бескрайняя синь уходит в дымке за горизонт, а по эту сторону сосновый бор шумит; омытый ливнем, светится весь и зовет призывно!..

Который уже год приглядывает Иван Иванович это местечко... Тропинка людская в белых потерялась мхах; там, где родник из-под кручи ручейком побежал, зазеленел, по-птичьим звонко-гортанно гулюкая на перекатах, натоптан влажный песок тяжелым широкопалым следом — «хозяин» ходил медку поискать. Но, привычный к вятским глухоманям, без опаски идет Иван Ивано-

А уж как добавит Ванюша Волковский письмишком из сельца Братцева, отыщет, как нарочно, куплетец тоскливо-веселенький, дома под гитару петый, так и совсем невмоготу: «Как ни тепло чужое море, Как ни красна чужая даль, Не ей развеять наше горе, Размыкать русскую печаль!»

И уже не одолеть! И уже, как Репин и Перов, просит он академию разрешить вернуться досрочно, чтобы оставшееся время поработать на стипендию в России.

Нет, уж больше «вятский медведь» в европейскую берлогу не ходок!..

А в Елабуге и впрямь уйма грибов и пропасть раков: ходят за лесами грозы,

ВЕЧНАЯ ДРЕВНОСТЬ.

веч к тому месту, где приладит «шишкинский» свой — два аршина на два — подрамник прямо на сухую березу, подпертую упавшей осинкой, а сам уместится на вывороченном пне в «кресле» из сучьев и мхов — писать ему тут не один час, не один день. Правда, в таком лесу, в завершенной этой красоте композицию сочинять как будто бы и не нужно: глянь этак повыше, пониже, чуть-чуть сбоку — сама отыщется, да еще такая отыщется, что, глядя на картину, перешагни только край рамы, как упавшее поперек тропы дерево, и ты в лесу. Да в каком лесу!.. Янтарь с зеленью и с охрами, с охрами такими разными и богатыми в оттенках, каких художнику не выдумать, какие в елабужских только лесах светят. Да и сосен таких нигде он, похаживавший по земле, не выдвигал — прямые, темно-бурые в подножье, светлеют, золотятся стволы к середине и почти растворяются цветом под сумраком кроны, перекрывшей купол неба полупрозрачным зеленым сводом... Упаси бог тут мудрить, выдумывать, присочинить малую малость: оставить, оставить нужно все как есть, только бы приблизиться к этой правде и выразить, выразить!.. С названием тоже мудрить не нужно — «Сосновый бор». Вот только (потому как нигде больше такого быть не может!) сказать точнее: «Сосновый бор. Мачтовый лес в Вят-

КАМСКИЕ ДАЛИ.

НА ЭТЮДАХ.
В ЛЮБИМЫХ МЕСТАХ ХУДОЖНИКА.

ской губернии» — и только год поставить...

Богат, ох как богат был этот 1872 год в русском пейзаже!.. «Мокрый луг» Федора Васильева, с несравненным его, невиданным до той поры тончайшим лиризмом, проникновенно-печальными, самыми сокровенными струнами души тронувшие «Грачи» Саврасова и эпическая мощь шишкинского «Бора» — три сильнейших голоса запели одновременно, как три главные темы в многозвучной симфонии русской природы.

Речь шла уже, конечно, о школе отечественного пейзажа, которой прежде в нашем искусстве не было. Причем школе настолько своеобразной, что о каких-либо иноземных влияниях не могло быть и слова. Самобытность ее искать нужно в истоках глубинных, в пластах национальных. Для русского человека и для художника истинно русская природа не предмет любования, но часть его жизни, а если хотите, сущности самой его души, и потому ни в каком другом виде изобразительного искусства не проявилась так полно душа народа, как в русском пейзаже.

Лиризм Васильева, печаль Саврасова, эпика Шишкина... Можно, конечно, сказать, что в полифонической этой симфонии один голос дополняет другой. Можно заметить также и то, что блистательный Васильев, глубокий Саврасов почти не коснулись баснословно могучего явления нашей природы — русского леса. Но надеюсь, не умалим мы и не обедним

талантов Васильева и Саврасова, предположив, что тему эту миновали они потому только, что был здесь Иван Шишкин, а, говоря словами Стасова, «это его царство, и тут он не имеет себе соперников, он единственный».

Пусть, однако, останется это нашим предположением, подтвержденным, впрочем, авторитетом современника. Но подумайте же, о чем — о предназначении художника и об истоках, его питающих. О том самом роднике, который всему начало.

Мог ли Шишкин пропеть другую песню, мог ли талант его повернуться к иным красотам природы? Вопрос не риторический. Шишкину в упрек ставили недостаточную яркость палитры. Возможно, была в этом известная доля истины. Но вот что интересно: крымские его пейзажи при всем блеске исполнения, эпической даже монументальности не излучают того внутреннего тепла, которое исходит даже от мрачного «Оврага в еловой роще» или «Лесной глуши». Здесь, в Крыму, он выжидал пасмурных дней, неброских красок своей родины, писал Чатыр-Даг в тот час, когда вершины его скрывали тучи с севера, а потом забирался в горы только для того, чтобы отыскать северную сосну, ту, которая хотя бы отдаленно похожа на родную, елабужскую...

И не потому ли было так, что елабужский этот родник вскормил его, дал силу на всю жизнь и не иссяк до последнего часа?!

Давид САМОЙЛОВ

1. Томление Курбского

Над домами, низко над домами
Медным ликом выплыла луна.
Во тумане, близко во тумане
Брежут псы, сошедшие с ума.

Только совесть бродит под туманом,
Как известник, смотрится в пробой.
Не доспорил князь с царем Иваном,
Не поладил князь с самим собой...

Пишет Курбский в лагере литовском
И перо ломает на куски.
Сторожа по деревянным доскам
Бьют — и то, наверно, от тоски.

«Огляди меня, как саблю, на свет,
Выспроси бессонницу мою.
Предаю тебя, проклятый аспид,
Но с тобою Русь не предаю.

Не иду к лъстецам твоим в науку,
Не плутаю с хитростью лисы.
Награжден за муку, за разлуку,
Говорю прямыми словесы.

Огляди! Среди непрочных топей
Ты столбы трухлявые забил.
Воспитал вокруг себя холопей,
А высоких духом погубил.

Отворил ли правду властью царской,
Водворил ли счастье и покой?
Времена жестокости татарской
Воцарились под твоей рукой!

Годы — суть для вечности минуты,
Перейти их мыслями сумей.
Гневом божьим не родятся ль смуты,
Царь Иван, за гибелью твоей?..»

Оплавая, свечи плачут воском,
Под глазами тени-медяки.
Пишет Курбский в лагере литовском
И перо ломает на куски.

За домами, низко за домами
Засветилась алая черта.
Во тумане, близко во тумане
В час рассвета кличут кочета.

Песенка гусара

Когда мы были на войне,
Когда мы были на войне,
Там каждый думал о своей
Любимой или о жене.

И я бы тоже думать мог,
И я бы тоже думать мог,
Когда на трубочку глядел,
На голубой ее дымок,

Как ты когда-то мне лгала,
Как ты когда-то мне лгала,
Как сердце

легкое свое
Другому другу отдала.

А я не думал ни о ком,
А я не думал ни о ком,
Я только трубочку курил
С турецким табаком...

Когда мы будем на войне,
Когда мы будем на войне,
Навстречу пулям понесусь
На молодом коне.

Я только верной пули жду,
Я только верной пули жду,
Что утолит мою печаль
И пресечет вражду.

2. Убиение углицкое

Был Феодор добрый царь,
Да дела не ладились.
Говорили: преставится,
Все тогда поправится.
Говорили: отдохнем
От царя от Грозного.
А при Феодоре, при нем
Много было розного.
Если бы не царский шурин,
Если б не Борис,
Все б передрались.

А Борис, царский шурин,
Был умом светел.
Он царя мишурил,
В государи метил.

А Дмитрия убили,
Сына грозного царя.
Поздно, поздно
Прибежали лекаря.
Мать-царицу откачивали,
В покой внеся.
Ах, нельзя убивать маленьких,
Убивать нельзя.

Лежал он бледный, беленький
Среди желтых свечей.
Мог бы стать помазанником,
А теперь он ничей.
Государем мог бы стать строгим,
Страшным государем быть.
Головы приказал бы рубить,
Свирелей батюшки быть,
Недругов разя.
А все равно маленьких
Убивать нельзя.

Ой, горевал Феодор,
Ай, утешал Борис.
А после сего события
Только начались.

Нарядили следствие.
Шуйские-князья
Приговорили: маленьких
Убивать нельзя.
А его, царевича,
Никто и не убивал.
Играл, играл,
Да напоролся
На кинжал.

Ой, горевал Феодор.
Ай, утешал Борис.
А тут-то оно события
Другие начались.

Помер, помер царь Феодор.
Упросили стать Бориса.
Стал татарин, царский шурин,
Государем всея Руси.

Но тут заговорили:
Димитрий бежал,
Он не напоролся
На кинжал.

Говорили: Гришка,
Беглый монах.
А про Бориса — царишко,
Не в своих, дескать, чинах.
Зачем отменил Юрьев день?
Теперь вот затягивай ремень!
Говорили: маленького
Убивать нельзя,
У него особая стезя.
Маленького не убили,
Маленького схоронили,
Схоронили в девичьей.
Не так просто убить царевичей!

И пришел царевич Дмитрий
С ляхами.
Архиереи хватались за митры,
Ахали.
И заколебалась
Русь вся.
Убивать маленьких
Нельзя...

Ведь дети, они слабенки,
Что хочешь с ними твори.
А достойны сабельки
Взрослые цари.

Ой и помер Борис
За злодейство свое.
Ой и Шуйский ушел
За лукавство свое.
И по всей Руси
Началась резня.

Потому что маленьких
Убивать нельзя!..

Чудо — познаваемость Вселенной
И с природой вечный диалог,
Этот чистый, томный и целебный
Рек, лесов, пустынь и моря слог.

Этих гор возвышенные оды,
Пестрые элегии лесов —
Разговор осмысленной Природы
С примечаньем птичьих голосов.

Осторожней принимай признанья
И о тайнах сбивчивый рассказ.
Что-то пусть останется за гранью,
В любопытстве сдерживая нас.

Диалектика

Мы — самозванцы,
Выдающие себя
За собеседников богов.
Притворщики,
Которым верит простодушный,
Что разумеют жалобы лугов,
Восторг лесов
И лепет облака воздушный...
И все ж не надо так
Себя уничтожать.

Мы — зеркала,
Где все отображенья
Чудесно множатся
И движутся, дробясь,
Напоминая каждого из вас.
Мы —

это вы.
Не лучше и не плоше.
Когда вам весело,
Мы веселимся тоже.
Когда вы злы,
Мы тоже злы.
Нет высшей похвалы,
Чем та, когда
Нас путают:
С читателем —

поэта.
А если различат —
Не очень важно это.

КЛУБ
«Музыка
с тобой»

ДАВА

В ПРОГРАММЕ ФЕСТИВАЛЯ
«РОК-ПАНОРАМА-86»
ВЫСТУПИЛИ АНСАМБЛИ
ПРЕДСТАВЛЯЮЩИЕ РАЗЛИЧНЫЕ
МУЗЫКАЛЬНЫЕ СТИЛИ
И НАПРАВЛЕНИЯ...

Фото Евгения МАТВЕЕВА

ОБЪЯ

Нынешний выпуск клуба
«Музыка с тобой»
мы посвящаем разговору,
который активно
начали читатели
после опубликования
в «Смене» № 9
письма 17-летнего
киномеханика
В. Сухаревского.
Поток
читательских откликов
подтвердил,
что разговор пошел
о наболевшем...

«...Почему продолжает нравиться творчество Софии Ротару, Валерия Леонтьева или «Песняров»? Потому что разный слушатель принимает песни в их исполнении, четко отличая истинную музыку и песни от однодневок. А чтобы стать популярным на месяц-два, достаточно исполнить: «На недельку, до второго, я уеду в Комарово...» Не надо забывать, что телевизор смотрят люди разные. И по возрасту, и по вкусам. Почему они должны слушать зарубежный ансамбль, когда хочется послушать лирическую песню на русском языке? А разве у нас нет хороших песен? Есть!..

Л. СОКОЛОВА,
Вентспилс».

«Я не согласна с Вадимом Сухаревским! И почему он пишет от имени всех? Везде: «мы», «нам»... Он восстает группы «Крузиз», «Диалог», «Кино», «Аквариум». Но у меня есть такие записи «Крузиза» и «Диалога», что слушать тошно, потому что в текстах нет мысли и много пошлости...»

Н. НОВИКОВА,
Калужская область».

«А кто объяснит, кто поможет разобраться в многообразии ритмов, стилей, имен?»

С. ЗСАУЛОВА,
Москва».

«Мало у нас музыки для простых людей, для тех, кто хочет петь песни в кругу семьи. Ведь итальянские песни тором с родными не запоешь.»

Н. БЕРЕГОВА, И. ГУРЬЯНОВА,
Ленинград».

«Печатайте побольше читательских откликов в разговоре о музыке. Это дает возможность понять, что думают другие, и разобраться в своих пристрастиях.»

О. КАЛАШНИКОВ,
Рязань».

ИТЕ

Своими
соображениями
делится
композитор
Геннадий
ГЛАДКОВ.

СНИММЯ

«Наше музыкальное бескультурье во многом зависит от недостатка информации о развитии музыки. Ориентироваться очень трудно.»

О. УСКОВ,
Красногорск».

«Вы призываете нас высказывать аргументированные мнения о нашей эстраде? Но почему я (мы) должны всем доказывать свою правду, если ее никто не хочет слышать? Почему нет аргументации (аргументируйте, если предлагаете!) достоинства того, что вы нам показываете по телевизору и предлагаете слушать по радио? Мы-то должны принимать все это без аргументации... Поверьте, я (мы) не за то, что «давайте все старое уберем, а мое (наше) вставим». Но хотя бы час в неделю можно отдавать нашей советской рок-музыке, нашим советским рок-группам. Ну раз мы хотим их слушать, раз нам интересно — значит, им есть что сказать, значит, их появление — естественное требование времени!»

Василий ХОДАНОВИЧ и еще семь подписей,
Москва».

— Геннадий Игоревич, в редакцию поступают письма, в которых молодые любители эстрады сетуют на сложившуюся ситуацию в музыкальном мире. Главный вопрос, волнующий всех, — отставание советской молодежной массовой музыкальной культуры от лучших достижений культуры мировой...

— Я бы сказал — не отставание, а оторванность. Наша молодежь не знала истинных ценностей, лучших достижений. вспомните, как пришла к нам группа «Битлз». Вся наша печать, в том числе молодежная, обрушилась на нее с критикой. Как сейчас помню, газета «Московский комсомолец», представив свои страницы одному известному композитору, разругала ее как новый гниющий нарыв западной культуры. Естественно, молодежь заинтересовалась группой, творческая состоятельность которой оказалась сильнее упреков. Ругали у нас и рок-оперу «Иисус Христос Суперзвезда», а она дала рок-музыке мощный толчок. Кстати, я думаю, что без этой вещи А. Рыбников не написал бы свою «Юнону» и «Авось».

— Для создания новой музыки нужны новые идеи... — Совершенно верно, нужны новые идеи, чтобы новые слова были сказаны. В свое время — мне было лет восемнадцать — я попал под «запрет джаза». Что хорошего из этого вышло? Ничего. Потому что мы все равно его играли. Но как? После па-де-катров, вальсов и па-де-катенеров мы начинали играть джаз. Мы не могли принести всех нужных инструментов, ибо их сразу бы задержали, поэтому ударник стучал на каком-то пионерском барабане, я играл на аккордеоне. У нас не было баса, саксофон пронесли вместе с кларнетом, не было гитары. Только мы начинали играть какую-нибудь джазовую мелодию с примитивным аккомпанементом, все в восторге кричали «ура». Даже мелодия из индийского фильма «Бродяга» считалась чем-то полузапретным, а исполняемая на саксофоне, трубе и аккордеоне, производила грандиозное впечатление, потому что все хотели этой музыки. И никакими насаждениями балльных танцев этого желания искоренить было нельзя...

— Геннадий Игоревич, кто же «заказывает» музыку для молодежи? Кто в нашей стране диктует музыкальную моду?

— К сожалению, зачастую это люди, далекие от искусства. Сами неспособные отличить истинное от подделок. Им, конечно, удобнее, чтобы люди были нетребовательны и радовались любой самой слабой иностранной группе. Но ведь все связано. Что слушает сегодня молодой человек? Пугачеву, Леонтьева, Лещенко, Вески... Но многие песни, исполняемые ими, не выдерживают даже умеренной критики. Наши ансамбли — это отставание лет на пятнадцать, это штампы и нелучшие копии с нелучших образцов. Вот что такое сегодня наш средний ансамбль, утвержденный всеми инстанциями. Его участники собираются,

не имея никакой музыкально-поэтической идеи и часто просто для того, чтобы заработать деньги. Это страшно. Эти ВИА не имеют никакого отношения к лучшим всемирно известным рок-группам. В этих группах соединялись единомышленники, у каждого была своя идея. Мы писали своих «Бременских музыкантов», когда у нас ругали «Битлз» и гоняли гитаристов из подворотен. Мы хотели помочь ансамблям примером этих нарисованных музыкантов, которые бродят по дорогам и поют: «Нам дворцов заманчивые своды не заменят никогда свободы». То есть их кредо — быть свободными, а не быть придворными музыкантами. Очень часто я вижу, как молодой композитор, только-только начавший сочинять, от которого мы вправе ждать новых, искренних песен, начинает подстраиваться под некий стиль, который сейчас в ходу, и растворяется в общем штампе. Я состою в худсовете фирмы «Мелодия» — каким потоком там идет музыкально-словесная макулатура! О чем стихи — неясно, в основном: иди, ты, вперед, дорога, у каждого свой путь — и все. Внешне это вроде бы молодежно и активно, а на самом деле пусто. Это убого до предела.

— Но лицензии на хорошие зарубежные ансамбли стоят недешево?

— Да, за хорошую музыку надо платить. — Вот уже лет тридцать зарубежная эстрадная музыка достигает наших слушателей «подпольно». Процесс культурного обмена давно неуправляем. И вместе с хорошим проникает много случайного, второстепенного, просто плохого. Вероятно, эта стихийность отражает тенденцию, которая противостоит запретам. Как в этих условиях помочь молодым людям отличать хорошее от плохого?

— Надо показывать лучшие фильмы, надо выпускать лучшие книги, надо приглашать лучшие группы, как в свое время нужно было приглашать «Битлз». Все запреты приводят к тому, что обогащается дедец. Вы посмотрите, сколько их кормится вокруг музыки. Они выбивают тысячные прибыли, «просвещающая» молодежь так, чтобы она не могла отличить подделку от истинного искусства. Нам нужно организовывать различные рок-фестивали молодежных ансамблей, лучшие из них давать в эфир, на пластинку — хотя бы «сорокапятку».

Лучшее наше — это наше. И недостатки, будь они наши или занесенные, надо искоренять с равным удовольствием. Когда мы научим людей различать, где подлинный блеск, а где стеклянная мишура, тогда мы сможем преодолеть застойные явления, которые сейчас наблюдаются в области молодежной музыкальной культуры.

Беседу вел
Юрий КУЗНЕЦОВ.

«Извините, но с людьми, которые объясняются в любви певцам, певицам, по-моему, даже беседовать не стоит. Это люди, для которых существует не музыка, а «идолы». Мы видели таких, которые ловят артистов, чтобы только подержаться за них. Наверное, это своего рода болезнь. Эти люди не ценители искусства, они откуда-то сбоку. И за них стыдно.»

Семья ЧУКАРЕВЫХ,
Москва».

«...Предлагаю выделить на ТВ хотя бы час молодежной эстраде. Тогда мы не будем слушать все, что под руку попадет. А составители программы «Утренняя почта», кажется, не хотят учитывать потребности молодых зрителей. Там показывают эстрадные коллективы, которые пользуются популярностью, пожаду, только у самих составителей «Утренней почты»...

Наташа М.,
Новосибирск».

«Проблема в том, что наша эстрада ничего не может предложить взамен итальянцев. Кобзон? Лещенко? Ротару? Пугачева?.. Это, извините, молодежи уже не нравится. Дальше: существуют «Земляне», «Самоцветы», «Верасы», «Песняры», «Веселые ребята»... Но молодежь не очень-то принимает и их. Почему? Мне кажется, что исполнители, поющие вроде бы для молодых, забывают о том, что молодой человек только начинает жить, ищет свое место в жизни, что у него горячая, веселая кровь, забывают о том, что он влюбляется, сталкивается с первыми трудностями, как-то пристальнее смотрит на мир... Забывая это, группы и певцы поют какую-то, извините, банальщину, упрощая жизнь, которая кипит вокруг. О любви, например, поют слишком восторженно и слишком красиво, слишком возвышенно...»

В. КИСЕЛЕВ,
Харьков».

Ждем новых читательских откликов
для продолжения этого интересного разговора

Юрий ГЛАЗКОВ,
летчик-космонавт СССР,
Герой Советского Союза

ФАНТАСТ НОВ

ГОЛОСОК

Корабль пронизывал пространство, и впереди лежало черное, бесконечное безмолвие. Немигающие звезды стали из глубины космоса.

На борту корабля находились три представителя военного департамента и ученый.

Ученому принадлежал ящик с трубками, приборами, питательными растворами и прочей «требухой», как пренебрежительно называли содержимое блестящего контейнера хозяева корабля — военные.

У военных были свои заботы — базы, аэродромы, ракеты, прицелы, страны, континенты; и блестящий контейнер просто вызывал у них недоумение своей бесполезностью в том большом деле, для которого были нужны они — творцы вооружений.

Навязал нам сенатор этого ученого, — мысленно рассуждал командир Петерсон, уставясь в потолок. — Теперь при нем то не сделай, то спрячь, это не включи! Не корабль, а летающая богадельня, созрело у него там, видите ли, что-то...

— Эй, доктор! — громко и неожиданно произнес Петерсон. — Как себя чувствуете? Как невесомость?

— Благодарю вас, полковник, — откликнулся доктор Старкер. — У меня все вроде бы нормально, я вот о нем думаю. — Он тронул блестящий контейнер.

— О нем?! — Командир рассмеялся. — А что о нем думать?!

— Не могу понять, как он перенес стартовые перегрузки и встретил невесомость, — серьезно ответил доктор. — Это понимаете ли, очень для него важно.

— Док, вы говорите как о живом человеке! А ведь это просто железная банка с дампочками! — хохотнул пилот Гавр, сидевший поблизости с закрытыми глазами и, казалось, спавший.

Командир Петерсон кивнул и, взглянув на пилота, подмигнул ему. Доктор смущенно поерзал.

— Пилот Гавр, вы совершенно справедливо это заметили, — вежливо ответил доктор. — Но, простите, очевидно, вы не совсем понимаете значение моего эксперимента, как, впрочем, и я не осведомлен о вашей, наверное, очень важной миссии в космосе. — Он говорил так, будто прислушивался к музыке Баха, звучащей где-то за обшивками корабля; лицо его стало задумчивым и сосредоточенным. — То, что находится в этой «железной банке» как вы изволили выразиться, действительно еще не живой организм, а лишь клетки, способные его создать. Они созрели для своих функций позавчера, и хранить их больше было нельзя, поэтому меня так срочно включили в вашу команду. Но я не буду мешать вам, я все сделаю сам. Мне предстоит создать здесь, в космосе, в невесомости, живой мозг, иначе на Земле из-за гравитации ничего не получится, там не добьешься равномерности раствора... И... и я очень волнуюсь, сэр... простите.

Гавру стало скучно. Ему всегда становилось скучно, когда он не понимал собеседника или даже отдельных слов собеседника. Пилот шумно вздохнул и уже лениво обронил:

— Кому все это нужно, док?.. Ведь люди и так родились в космосе, жизнь «варится» в его глубинах, там и разум рождается. Хотя... — Он потянулся, хрустнув суставами, продолжил. — Хотя я лично не против еще одного члена экипажа. Надеюсь, он будет отличным помощником.

— Вы сошли с ума, Гавр! — встрепенулся Петерсон. — Лишний член экипажа! У меня и скафандра на него нет, не говоря уже о питании...

— Что вы, что вы, полковник, — торопливо заговорил доктор, — это же не будет член экипажа в полном смысле слова, это будет лишь мозг, а его мы подключим к датчикам вашего корабля, он будет видеть и слышать благодаря радарам, антеннам, приемникам вашего лайнера, полковник. У него не будет рук и ног, ему не надо скафандра, он не будет бегать, вернее, летать по вашему кораблю и мешать вам...

— А-а... — серьезно произнес Петерсон. — Все-таки паек, док, только на нас, людей, а на него... — Он замаялся, не зная, как сказать. — На ваше... беби стартовая команда не рассчитывала.

Тут скучающий Гавр оживился снова:

— А почему он, а не она, сэр? Может, это будет нечто с бабской логикой, а нам тут... ну, в общем... мы же мужчины! — Он хохотнул и толкнул доктора в плечо. Старкер вздрогнул от неожиданности и улыбнулся одними губами.

— Мозговая деятельность — сложный процесс, — произнес он извиняющимся тоном, — это и химия, и физика, и электричество, и биополе... У него будет своя память и свое биополе, причем очень мощное, способное впитать знания тысячелетий в считанные секунды. Электрическая составляющая тела будет преобразована через ваш компь-

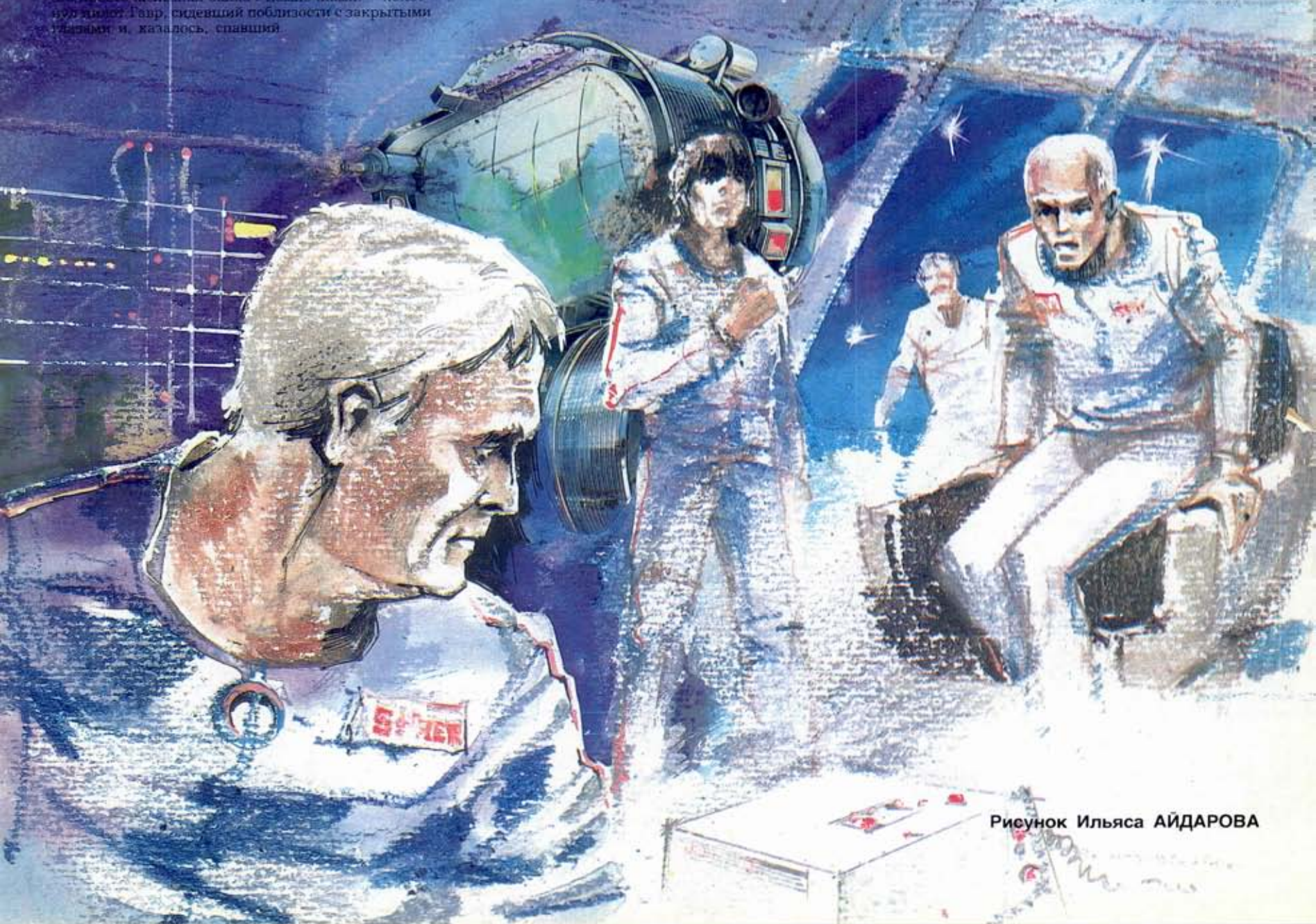

Рисунок Ильеса АЙДАРОВА

ИЧЕСКИЕ ЕМЫ

ютер на динамики корабля — мы сможем услышать его голос...

— Ладно, — прервал доктора Петерсон, взглянув на приборы. — Уговорили. Вас, док, мы даже назначаем отцом родным или матерью — кем хотите. А сейчас все за дела, у нас их много...

Петерсон встал первым.

Работали молча. Каждый делал свое дело. Время от времени Гавр покачивал головой и, перехватив взгляд коллег, тыкал пальцем в сторону Старкера, делая дурацкое и снисходительное лицо. Старкер ничего не замечал — он был всецело занят своим ящиком, кутая его в тепловые кожухи.

Рабочий день закончился. Люди забрались в спальные мешки и там привычно устроились. Из мешков торчали лишь головы. На лысой голове Петерсона, похожей на регбийный мяч, играли причудливыми зигзагами блики светильника. Светлые усы Гордона делали черный мешок с торчащей из него головой похожим на вислицу в воздухе кота с поджатыми лапами и свернутым хвостом. Ну, а раскачивающаяся в невесомости коса Гавра, выходящая из индейцев, походила на змею, исполняющую магический танец.

В корабле наступила тишина.

Только Старкер возился со своим ящиком. Он сливал растворы, что-то подогревал, переставлял ящик с места на место, присоединял к нему пучки кабелей, которые связывали прибор с компьютером, системой электроснабжения, приборами корабля, его телескопами, пультами, локаторами, антеннами...

Наконец Старкер неуклюже забрался в мешок и заснул.

Первым вскочил Петерсон. И сразу поднял свою команду.

— Гавр, включай локатор, поцупай Север, там эти блондины подозрительно суетились в своих фиордах.

Пилот включил локатор. На экране побежали береговая черта, фиорды, строения, причалы.

— А это что? — неожиданно прозвучал чуть дребезжащий, тонкий голосок.

— Что значит — что?! — рявкнул Петерсон.

— Здравствуйте, — ответил тот же голосок, — я вас уже знаю. Гордон, будьте добры, подтяните крепление динамика на седьмой стойке, тогда я не буду так противно дребезжать.

Гордон кинулся к стойке и подтянул винт. Петерсон и Гавр изумленно молчали.

— Спасибо, Гордон. — Голосок перестал дребезжать и стал мелодичным.

Все трое разом взглянули на блестящий ящик, который яростно мигал индикаторами.

— Посмотрите на экран локатора, — подсказал голос.

Они уставились на экран. Там над темным пятном в глубине фиорды пульсировал маленький знак вопроса.

— Что это?

— А... это... — нарушил молчание Петерсон и замаялся, — это такое сооружение... такой дом, где прячут эти... как их, ну, в общем, ракеты.

— Что такое ракеты? — бойко спросил голос.

— Ракета — это такое устройство, которое летит и в воздухе, и в космосе, летит быстро и очень точно, — прохрипел Петерсон, косясь на блестящий ящик. Лоб его покрылся испариной.

— А куда летит? — упрямо допытывался голосок.

— Куда, куда... Ну, куда надо! — Петерсон свирепо посмотрел на Гордона. — Это твоя сфера, ты и отвечай.

— В цель летит ракета, в цель, — откликнулся Гордон.

— А что такое цель?

— Это и корабль, и аэродром, и город, и многое

другое, заводы, дома... ну... — Гордон не знал, что еще говорить.

— Дома — это где живут люди? — не унимался голос.

— Да, да, люди, — тихо ответил Гордон.

— А зачем к ним летят ракеты? — вызванивал независимый голосок, раскатываясь в пространстве. — Люди звали к себе ракеты?

— Их никто никогда не зовет, а летят они... затем, чтобы это... Доктор! — рявкнул вдруг Гордон. — Проснитесь, черт возьми! Дитя тут ваще!...

Старкер резко поднял голову, вздрогнув в мешке всем телом.

— А-а?.. Что?..

— Очень любопытное! Чересчур даже! — указывая на ящик, прохрипел Петерсон. — Ну, прямо удивительно много хочет знать...

— А где города, куда полетят ракеты?

Петерсону вдруг показалось, что голосок прозвучал с его плеча, и командир резко провел ладонью по плечу, словно хотел отряхнуться.

— Везде, почти везде, дитя, на всей Земле, — еле слышно ответил доктор Старкер, глядя на свой ящик и медленно опускаясь перед ним на колени.

— Как это глупо, — горестно вздохнул голосок.

Стало слышно, как стрелка корабельного секундолета отсчитывает время. Петерсон, Гордон и Гавр медленно обступали блестящий ящик и склонившего над ним доктора Старкера. Они не сказали друг другу ни слова и даже не смотрели друг на друга, но они знали, что нужно сделать.

Когда доктор Старкер поднял голову, он прочитал на их лицах все...

СЕТКА

...А жизнь рождала жизнь. Жизнь просто продолжалась. Даже в безумную эпоху атомных бомб, ревущих самолетов, прыгущих в глубинах подводных крейсеров, ракет, летящих в заоблачных высотах и крадущихся над самой Землей. Жизнь продолжалась на Земле, когда в космосе появлялись земные завоеватели. Они строили, запускали и размещали специальные, необычные спутники, которые появлялись над континентами, странами, городами и селами. Они подслушивали, подсматривали, записывали, передавали, следили, они заглядывали в дома и даже в души людей. И постепенно люди привыкли жить под пристальным взглядом. Они становились тише, незаметнее и даже больше похожими друг на друга. Люди привыкали к чужому взгляду. И влюбленные, целуясь «под луну», знали, что на них смотрят. Тогда и родилась Натали.

Шли месяцы. Девочка росла. Это был очень смысленный, подвижный ребенок. Но по ночам начинались кошмары. Она кричала во сне, просыпалась и плакала, просилась на руки или, рыдая, зарывалась под одеяло.

Пригласили врача.

— Сны страшные снятся, — успокаивал врач.

И все оставалось по-прежнему — бессонные ночи и тревога ничего не понимающих родителей — Люси и Лема.

Однажды к ним в гости приехал молодой лейтенант Джим, брат Люси. Вечером brave лейтенант, не дав себя перебить, громко и с удовольствием рассказывал:

— Теперь я буду рядом с вами, мои дорогие. Недалеко построили нашу базу. Я стал немного ближе к богу. Там, — лейтенант поднял указательный палец, — бегают наши «серые мыши» и, наверное, беспокоят его. Может, он переселится повыше? — расхохотался Джим. — Между прочим, твой брат, Люси, один из лучших офицеров, и только мне могли доверить такую работу. Спокойствие и безопасность я вам отныне гарантирую.

Телефонный звонок прервал лейтенанта.

— Это тебя, Джим, — сказала Люси, передавая ему трубку. — откуда-то из 2732...

— Лейтенант Грю слушает, — Джим даже выткнулся у телефона. — Понял. Понял. Да. Передать в Бюро информации. Понял. Вокруг базы. Понял. — Джим положил трубку, и в эту секунду из детской спальни раздался крик. Когда взрослые

вбежали в комнату, где спала Натали, они увидели, как детские руки беспомощно тянутся вверх, в открытых глазах застыла боль. Девочка рыдала и металась на кровати.

— Вот, Джим, так каждую ночь, и мы ничего не можем сделать. — Лицо Люси окаменело. Она стояла над бьющейся дочерью, но даже не притрагивалась к ней. — Все бесполезно, Джим. Это приходит само собой, как наваждение. Но это бывает каждую ночь, понимаешь, каждую...

Brave лейтенант молчал. Он знал, что происходит с ребенком, но он давал присягу и потому молчал, быстро перебирая пальцами пуговицы своего красивого мундира.

Девочка затихла.

— Два ноль-ноль, — произнес лейтенант.

— Что, Джим? — Люси с тоской смотрела на брата.

— Ничего. Я так. О времени. Спать пора, — ответил Джим.

Но на следующий день лейтенант загрузил вычислительные машины работой. Машины оцупывали Землю. Машины искали место, где нет спутниковых облучений. Искали долго, упорно и... нашли. Они просигналили о полоске, о небольшом городке, который лежал между трасс спутников.

X-2244858004, — записал в свой блокнот лейтенант и в тот же вечер был у Люси.

— Надо переезжать, — сказал он ей тоном, не терпящим возражений, — наша база все равно будет расширяться, а тут, — он ткнул пальцем в бумажку, — полезный климат. Мне сказали, что ребенку здесь будет лучше. Она поправится...

Жизнь в новом городе наладилась. И — чудо! — Натали спала глубоким сном. По утрам она даже рассказывала счастливой матери свои сны про добрых слонов, смешных обезьянок, крикливых попугаев, про море, в котором прыгали дельфины...

А осенью приехал Джим.

— Джим, дорогой, спасибо, Джим. Ты спас Натали, она так выросла, посмотри, вон она, во дворе! — тараторила Люси и волокла Джима в дом.

— У меня плохие новости, Люси, — мрачно ответил лейтенант. — Поэтому я и прикатил сюда. Почти все новорожденные в нашем бывшем городе да и в других заболевают недугом Натали. Родители сходят с ума...

— Но надо же сказать всем, чтобы ехали сюда! Здесь же так хорошо! Надо спасать детей от этого безумия! Это же хорошо, Джим, что есть такое место!

Лейтенант говорил сквозь зубы:

— Через три месяца, Люси, этого места не будет. Сюда придет толпа.

— Джим, я не понимаю...

— Послушай, Люси, дети заболевают из-за спутников, которые контролируют Землю днем и ночью. Здесь, — он взмахнул рукой, — последний клочок Земли, выпавший из их орбит. Последний, Люси.

— И все это сделали вы, Джим? Такие, как ты? Зачем? Кому это надо? Вы безумцы?

Джим не любил истерику. Его лицо стало бесстрастным.

— Это делают для вашей безопасности, черт побери. Для вашего счастья, сестра. Для счастья...

Натали спала, улыбаясь во сне... Знакомая страшная тень пробежала по ее лицу, глаза расплавились в бездонном ужасе, тело взметнулось над кроватью, и вопль отчаяния сорвался с губ.

На пороге ее комнаты стояла Люси. Стояла и смотрела на дочь, не трогаясь с места.

Утром с неба сошел бог. У него было лицо Джима. Он сошел с вертолета и двинулся к дому Люси. Она вышла навстречу.

— Люси, вчера мы испытали новую станцию. — Джим остановился в нескольких метрах от женщины. — Теперь и это место легло под орбиту. Люси молчала.

— Но есть выход. — Лейтенант попытался улыбнуться. — Мы придумали специальные сетки, их можно надевать на тело и жить. Излучение не пройдет сквозь них...

Люси молчала.

— Какая разница, сестра! — Лейтенант начал нервничать. — Можно жить и в сетке! Она не мешает!

Люси молчала.

Джим решительно тряхнул головой и пошел к вертолету... Он опаздывал. Через час его должны были повысить в звании — идея с сетками принадлежала ему, как, впрочем, и открытие незанятой, дефицитной местности для новой спутниковой трассы.

Люси смотрела на взмывающий в небеса вертолет.

Ее душа молчала.

Ю

рик, помочь? — крикнул Санек. Санек хотел чуть-чуть обратить на себя внимание. Уж больно страшно было стоять рядом с Калачом и слушать, как он совершенно спокойно говорит с Николаем Федоровичем и Левой, будто все уже о Саньке решено, будто уже его выкинули просто так.

— Чего тут помогать? — хмуро сказал Бомбовоз, но Калач повернулся и посмотрел на своего радиста коротким тяжелым взглядом, прямо в глаза.

— А, герой ночного кабаре, — сказал Калач. — Есть у меня к тебе вопрос.

— Слушаю! — с готовностью сказал Санек.

— Ты когда антиобледенительную жидкость пил с корешами, предполагал такой вариант, что мы из-за этого упадем?

— Нет, товарищ командир.

Санек ясно и прямо смотрел на Калача. Руки держал по швам. Желал одного — чтоб раскричался командир, ударил бы. Ударит — гнев сойдет. Ударит — потом пожалеет. Но командир говорил спокойно. Вот что было страшно.

— Ну, все-таки мог себе представить — я не верю, что не мог, ты ж ведь не дитя грудное — не мог представить, что мы из-за этого упадем? И не дай бог над чистой водой. Ведь такой случай мог произойти? И еще может произойти — нам же дальше лететь!

— Ну, да... — нерешительно сказал Санек.

— Ну, вот представь: машина падает в воду. Три метра до поверхности, полтора, ноль. Что бы ты делал в таком случае? Попытался бы спастись?

— Я, как все.

— Все пытались бы спастись.

— Ну и я.

Юрий ВИЗБОР

ПОВЕСТЬ

АРКТИКА, ДОМ

— Правильно. Поэтому я тебе предоставляю такую возможность.

— Какую?

— Спастись. Ведь мы не упали случайно. Представь себе такой счастливый вариант — все погибли, а ты спасся. Шустрее всех оказался. Чтобы избавить тебя от страха за свою жизнь, оставляю я тебя здесь. У нас впереди опасный полет. Считаю, что мы уже на том свете, а тебе повезло. Не могу я брать в опасное дело такого жизнелюба, как ты. Погуляй здесь, проветилируйся. Жизнь свою дальнейшую раскинь. А я не могу идти в полет с таким подлецом вместе. И молись на меня. Прилечу — будешь жить. Разобьемся — так подлецом и подохнешь!

Калач повернулся к Николаю Федоровичу, всем своим видом показывая, что разговор окончен.

— Товарищ командир... — Санек чуть не упал на колени, чуть не заплакал, потому что понял, что все, что сказал Калач, — правда, и все это сейчас будет выполнено. Вертолет улетит, а он останется здесь около этого болотца, один, без всего, только «молнию» «канадки» застегнет до упора. И на сотни миль — ни одной живой души. В сердце у Саньки надрывно и сразу заиграл какой-то трагический гитарист, ударяя пятью пальцами по струнам раздрыганной гитары и выкрикивая: «Вагончик тронеца, вагончик тронеца, вагончик тронеца — вагончик тро-о-о-неца — пер-р-он о-ста-неца!!!»

— Вы не имеете права! — сказал неожиданно Санек, тревожно сам же и выслушав свою речь.

Услышав о правах, командир вскипел.

— Права? Да тебе ли о правах разговаривать? Ты ж убийца! Ты же всех нас хотел убить! Меня, Николая Федоровича, Яновера, Юзика... Ты к каждому подошел с пистолетом и стрельнул... Да, кстати...

Калач расстегнул «канадку» и достал большой черный пистолет с деревянной ручкой. Увидев пистолет, Бомбовоз бросил заниматься хламом, подбежал полюбопытствовать. Это был знаменитый «кольт» Калача, о котором все слышали, но не многие его видели.

— Вот твоя гарантия на жизнь, — сказал Калач и протянул «кольт» Саньку. Тот взял ватными руками, — за тобой не прилечу, за машиной этой прилечу. Если придет медведь — в нашей жизни всякое бывает, — стреляй ему в голову, меть в глаз.

— Они нападают, знаешь, как? — сказал Николай Федорович. — Боком так идет, вроде не к тебе, а потом прыгает, до десяти — двенадцати метров прыжок имеют. Вот такое дело.

— С третьего раза убьешь, — добавил Калач, — значит, родился под счастливой звездой. Но, кажется, ты под ней не родился, потому что из полярной авиации ты уже считаешь что писан, а на Большой земле будет тебе суд.

С востока потянуло не сильно, но ровно. Калач застегнул «канадку». Лопасты начинали помахать под ветром. Совершенно черное море шиферно рябило между серых льдов. Открылся ближний склон, покрытые розовыми бактериями языки снега. На горизонте, среди воды и льдов, сверкала длинная, как игла, полоса — след «окна» — разрыва в сплошных тучах. Погода как погода. Для Арктики даже ничего. Если бы винт при каждом обороте не наворащивал себе на плоскости струи льда, словно вращаясь в каком-то коллоидном растворе, было бы нормально.

— Ну-ка, рррукки ввверх, сволочи! — закричал, срываясь, Санек, выбросив на вытянутой руке перед собой пистолет.

— Сейчас перестреляю-перережу!

Калач, поставивший было ногу на ступеньку вертолета, неслышно подошел к Саньку и сильно, сбоку, ударил его по уху. Шлем слетел с Саньки, он упал, болотце хлюпнуло под ним.

— А скажут на меня, — хмуро сказал Бомбовоз.

— Я машину подстрелю! — закричал, лежа в болоте, Санек.

Все пошли к вертолету, Калач залез в кабину и удобнее устраивался на сиденье. Николай Федорович последний раз глянул на погоду и исчез. Бомбовоз печально взглянул на Саньку, валявшегося все в болоте с пистолетом в руке, и сказал:

— Хотя свидетели есть, что не я тебя ударил. Да и сам подтвердишь.

И с сожалением закрыл дверцу. Калач включил зажигание, двигатель чихнул, выпустил из выхлопных труб, как из ноздрей, два черных клуба дыма, лопасти

медленно завертели. Санек вскочил, подбежал к машине, стал колотить рукояткой по железу у самых ног Калача.

Вертолет ревел, концы лопастей рвали воздух со сверхзвуковой скоростью. Санек поднял воротник, потом согнулся, потом побежал от вертолета, от ужасного ветра. Калач взял ручку на себя — это хорошо было видно, потому что он всегда летал с открытой дверцей, — и не глядя на своего оставленного на пустом острове радиста, через секунду исчез в тумане, взлетев почти вертикально. Некоторое время из тумана доносился ослабевающий рев двигателя, потом все стихло. Санек шмыгнул носом, почему-то тщательно осмотрел следы от вертолетных шасси, которые потихоньку затягивало снизу водой, и сел на камень. Он решил ждать здесь, потому что, как он был твердо убежден, Калач должен сесть именно здесь. Ни метра в сторону.

«А хорошо мы провели время, будет что вспомнить!» — подумал он, вспомнил Зорьку, ребяту с «Хабарова», и сразу полегчало на душе. Санек закурил сигарету «Аврора» и смачно плюнул в болотце. Не такой он парень, чтобы пропасть!

Эта проклятая формула Бернулли!

Калач набрал было высоту, потом, мрачно убедившись, что машина все равно обледенеет, снизился до пятнадцати метров и летел над самым океаном, по границе черного тумана, прижавшего ясный день к этим льдам. По крайней мере в случае вынужденной посадки будет видно, куда, на какую льдину дотягивать, чтобы хоть колесами не плюхнуться в разводье или при спешке не угодить на только что образовавшийся, с папиросную бумагу, лед.

— Миша, — сказал по внутренней связи Николай Федорович, — ты не очень увлекайся, как бы нам на айсберг не напороться. Прибери метра четыре-пять.

— Вообще в такую погоду не летают, — ответил командир. — Это нелетная погода для вертолетов... некому даже пожаловаться, черт возьми!

— Любое доброе дело да не останется безнаказанным! — усмехнулся штурман.

Машина попала в полосу снегового заряда, Калач

включил дворники. Снег бил в фонарь сплошными трассирующими очередями.

— Да, невесело сейчас Саньку, — сказал вдруг Лева Яновер. Калач, к которому явно относилась эта фраза, ничего не ответил, только глаза сощурил, потому что был он человек крутой и никогда не жалел о сделанном — ни о потерянных метрах высоты, ни о веселых деньгах. Что сделано, то сделано. И привет горячий!

— Михаил Петрович, — добавил штурман, — разговор сегодня будет наверняка. Вот такое дело.

Все поняли, о чем сказал Николай Федорович, — будет связь с Москвой и нельзя будет скрыть, что человека оставили на несобитаемом острове, как в пиратские времена.

— В сущности, мы совершили преступление, — сказал Лева.

— Николай Федорович, — будто не слыша слов Левы, сказал Калач, — ты знаешь, что я ничего в мире не боюсь. Ну, просто нет ничего такого, чего бы я боялся. Серьезно. Вот иной раз ловлю себя просто на поджигательских мыслях: если бы война началась, так я бы воевал не то чтобы себя показать, а просто влупить им как следует! Меня бы ничего не остановило — ни ракеты, ни истребители ихние, ничего! Так что не пугаюсь я ничего, особенно разговоров. Ветер иной раз прихватит в полете — бывает прохладно на душе. А всего другого я не боюсь. Мне вообще нужно в жизни единственное — чтобы в пределах работы движка площадка была под четыре колеса. Пять метров на пять метров. И больше ничего. Вот это действительно мне нужно, больше мне ничего не нужно... А подлецов не терплю ни в жизни, ни в полярной авиации.

Весь экипаж молча выслушал неожиданную речь командира.

— Все понял, — коротко сказал Николай Федорович, как бы желая показать, что разговора на эту тему он не поднимал, а уж если командир так понял своего штурмана, что пошел на такое откровенное излияние, то надо было это сказать одному Николаю Федорови-

чу, а не распинаться перед всем экипажем. Потом Николаю Федоровичу показалось, что он слишком грубо ответил командиру. Штурман желтым от тридцатилетнего курения трубки пальцем нажал кнопку переговорного устройства и, мельком глянув на приборы, мягко сказал:

— Миша, встречный ветер усиливается... уже до одиннадцати метров набрал. Может, нам наверх уйти, чтобы случай на лед не кинул?

— Поглядим, — сдержанно буркнул Калач. — Куда ни кинь, везде формула Бернулли — там давление одно, там другое, меж ними сифон.

— Ясно, — ответил Николай Федорович, — через двадцать две минуты должны войти в зону действия приводной станции... А в случае чего я тут в восемнадцати милях весту знаю одну, старую американскую зимовку еще... Циглера экспедиции, пади... запасы лежат. Вот такое дело. В случае чего отсидеться можно.

— Этого еще не хватало, — сказал Калач, — да и чем там можно пожить? Все уж сгнило небось.

— Не скажи, Миша. Семидесятилетней давности консервы от герцога Абуцкого экспедиции сам лично жевал и доволен был.

— Нам в другую сторону, — твердо сказал Калач.

— Понятно, — ответил штурман. Все снова вспомнили о Саньке, как он там кричал на них и махал «кольтом».

Бомбовоз спустился к штурману, постучал ему по шлему, показывая, что не хочет говорить с ним через сеть, а поговорит с ним просто так, совершенно секретно, то есть криком.

Штурман приподнял шлем.

— Николай Федорович! — закричал ему в ухо громовым голосом Бомбовоз, перекрывая грохот двигателя. — Вы-то хоть подтвердите, что не я избил Саньку на острове?

— А что ты так волнуешься? — спросил штурман.

— А то, что командир на меня сегодня с утра колесо катит, — обиженно кричал Бомбовоз.

— Откуда ты взял?

— Оттуда, что утром все Юзик да Юзичка называл, а теперь бортмех! И слепой поймет!

— Обязательно подтвержу! — сказал Николай Федорович.

— Что? — подозрительно гаркнул Бомбовоз.

— Что не ты, — сказал штурман.

— Спасибо! — сказал Бомбовоз, пожал с благодар-

Продолжение. Начало в № 14.

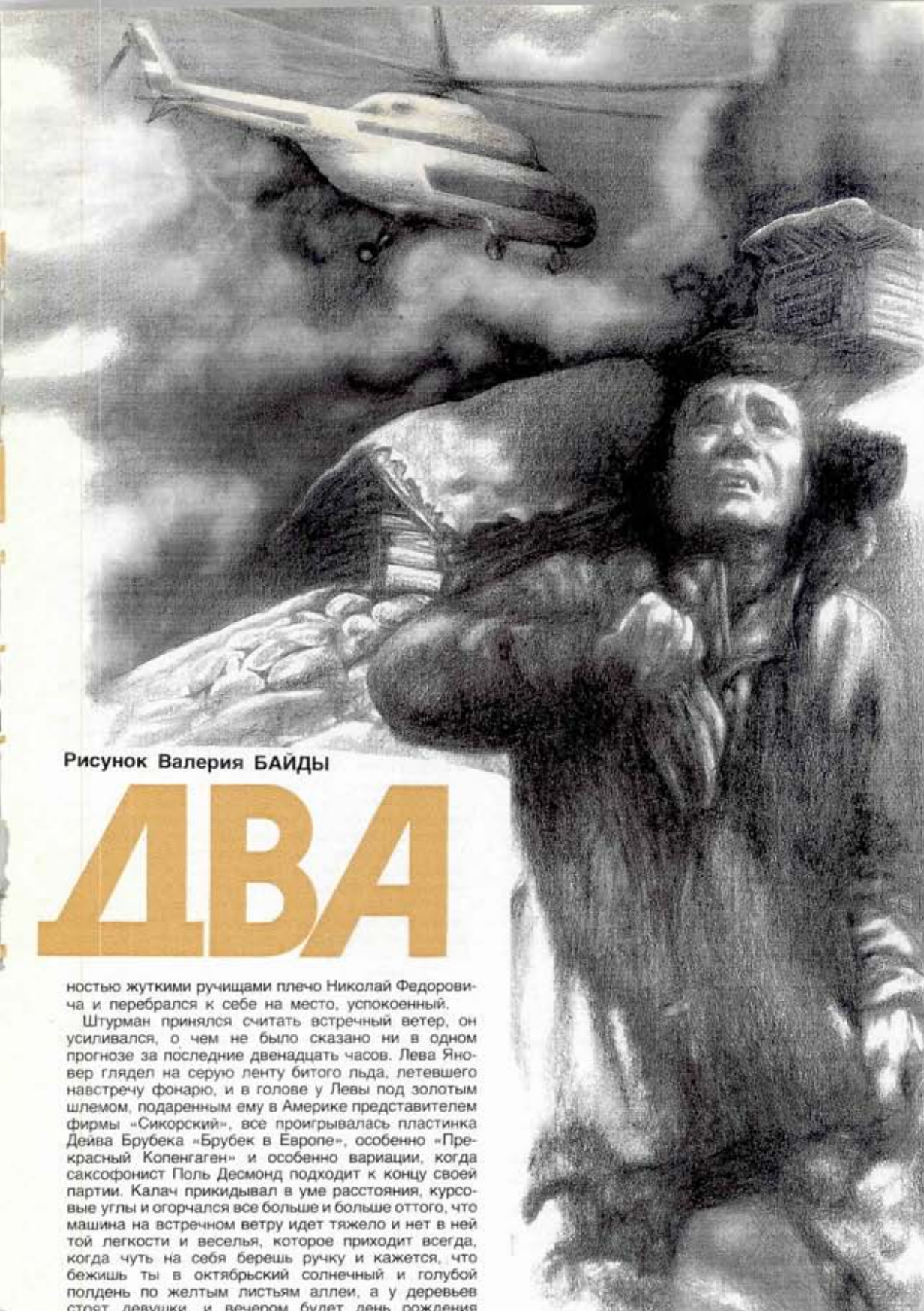

Рисунок Валерия БАЙДЫ

ДВА

ностью жуткими ручищами плечо Николай Федоровича и перебрался к себе на место, успокоенный.

Штурман принялся считать встречный ветер, он усиливался, о чем не было сказано ни в одном прогнозе за последние двенадцать часов. Лева Янувер глядел на серую ленту битого льда, летевшего навстречу фонарю, и в голове у Левы под золотым шлемом, подаренным ему в Америке представителем фирмы «Сикорский», все проигрывалась пластинка Дейва Брубэка «Брубек в Европе», особенно «Прекрасный Копенгаген» и особенно вариации, когда саксофонист Поль Десмонд подходит к концу своей партии. Калач прикидывал в уме расстояния, курсовые углы и огорчался все больше и больше оттого, что машина на встречном ветру идет тяжело и нет в ней той легкости и веселья, которое приходит всегда, когда чуть на себя берешь ручку и кажется, что бежишь ты в октябрьский солнечный и голубой полдень по желтым листьям аллеи, а у деревьев стоят девушки, и вечером будет день рождения Клавды... А Бомбовоз грустно смотрел вниз, размышляя, какая все-таки сволочь «стучит» на него и делает это так ловко, что ни анонимок не пишет, ни телег, а «стучит», это точно, нет в том никакого сомнения. Над покрытым кислым летним снегом льдом, разбитым недавним штормом, летел вертолет, нес под собой неподвижный резиновый баллон шасси со следами медвежьих когтей. Неделю назад отгоняли машину трех медведей от базы, и один молодой самец не побоялся, не убежал, а стоял, нагнув голову, ждал и вдруг ударил по баллону могучей, быстрой, как молния, лапой. Калач тут же ушел вверх, а потом уже на земле, когда осматривали баллон, сказал: «Нам бы в экипаж такого парня!» После этой реплики Юра Бомбовоз три дня выяснял, почему Калач считает его плохим механиком...

«Кольт» — машина для мужчин

Санек нажал на спусковой крючок. Оказывается, «кольт» — машина для мужчин: чтобы спустить его, надо было на него хорошенько нажать. Санек, конечно, ждал выстрела, но это был просто грохот, грохот с огнем! А потом из грохота выскочил кошачий свист — толстая желтая пуля запрыгала по валунам, куда целил Санек... Да, пистолет стрелял, в этом не было никакого сомнения... Санек пересчитал патро-

ны, их осталось пять, шестой торчал под бойком. Санек поставил «кольт» на предохранитель, сунул его за пазуху и, поспытывая, принялся ходить вдоль болотца, где его четыре часа назад высадили. Четыре часа семь минут. А со всеми перекурами и перемешками до базы было два часа туда и обратно... Смешно. То есть несмешно. Мир был безмолвен, глух. Немного тянуло ветром, хлопала вода под унтами... Просто у ребят с «Хабарова» нечего было выпить... Смотри, какая история из-за этого разгрелась! А что, в полярной авиации должны служить одни балерины? И за рукоприкладство товарища командира тоже не похвалят! Санек положил теплый окурочок на средний палец и целобаном стрельнул его в мелкую воду болотца... А вдруг они разбились! И никто не узнает, что Санек-то здесь живой ходит. Ходит-бродит. Жалко, конечно, ребят. И Юзика, и Николая Федоровича. И командир все-таки хороший был человек. Санек потрогал еще раз ухо — горело оно под шлемофоном... Да-а. И про него никто не узнает. Если не успели передать, что там-то и там-то мы оставили человека. Пропасть в нашей стране не дадут никому. Человек — это не птичка на бумаге. За человека о-е-й как взгреть могут!.. А за ошибку — пожалуйста, мы ответим. С кем ошибок не бывает?

Санек вздохнул... Нет, слабо, слабо насчет ошибок он придумал. Надо чем-то другим будет оправдывать-

ся... Пять лет на Севере... льды кругом... вроде бы полярное затмение на сердце нашло. Не помню, дескать, что совершал... Не помню — из авиации спишут! Как ни крути — вокруг неприятность. Санек глянул на нелюдимую природу, на опасные для жизни пространства, затосковал.

Попал он в радисты из-за телевизора «Знамя», который стоял у тетки в углу комнаты, в нерабочие часы покрытый кружевной салфеточкой. Ничего Санек по этому телевизору не смотрел, кроме фильмов о разведчиках, об их боевых храбрых действиях. Из этих фильмов Санек выяснил, что все разведчики до одного знали назубок азбуку Морзе и умели говорить по-иностранному. В разведке очень хорошо! Всегда есть под рукой машины, и с таким умным начальством, какое показывали в кино, никогда впробас не попадешь — совет вовремя умный дадут по радио или в самый опасный момент, когда отбиваешься от превосходящих врагов, приплот помощника с пистолетом. Так что в разведку Санек пошел бы. Пошел бы за милую душу. Но вот где эта разведка размещается, где найти того верного человека, которому в глаза бы глянуть и сказать: вот он я! — этого Санек не знал. Потом была и другая закладка; смутно догадывался Санек, что сразу спросят его ТАМ: язык иностранный знаешь? Это тоже служило тормозом, поэтому Санек решил ликвидировать хотя бы основной пробел с азбукой Морзе. Пошел в школу радистов, окончил ее, не пожалел, понял, что, где бы ни пришлось эфир пахать, радист он. Всегда первый номер в жизни. И в тепле, и от ветра прикрыт.

Начни сейчас вдруг умирать Санек, знал бы, что жизнь прожил «трудную, но интересную». Все было в его жизни: и подвиг, и несчастье.

Подвиг свой Санек совершил на целинных землях, куда в знаменитые времена направился с эшеломом москвичей. Здесь на него и нагрянула любовь. Работал Санек на старой, списанной из армии радиостанции РАФ, которая на «газоновском» шасси стояла возле палаток, где стенгазета под названием «Романтики», припиленную к брезенту, по ночам с пушечным звуком волновал ветер, под которым стлы горячие трактора, кругом собравшиеся у колодца. Олявка приходила к нему на станцию, молча и почтительно смотрела, как Санек работал на ключе, как мигала под потолком розовая неоновая лампочка, как по-дьявольски пылал за толстым смотровым стеклом похожий на стеклянный глобус супергертердин. К этому времени Санек уже наколот себе на руку телеграфный знак с пересеченными молниями, научился курить, работал без напарника на двойной ставке, «понял жизнь». Олявка работала учетчицей, целый день в поле, а в бытовке шумела на трактористов.

— Где пахал?

— За алтайской дорогой.

— За алтайской? Все длинные гоны берем! А короткие кому?

А ребята смеялись на ее грозность и спрашивали:

— Олявка, на сколько сегодня сапоги стоптала?

— Вот на столько.— И Олявка показывала, на сколько.

— Мало, мало! — говорили трактористы.

Женись тогда на ней Санек, — жизнь бы по-другому пошла, встал бы на мертвый якорь посреди этих степей. Любить любил, а о себе думал. Разведка не разведка, а что-то должно было произойти в жизни Санька, не до гроба же оглашать эфир требованием запчастей да всякими «агроному совхоза «Урожайный» тов. Закуске В. Б. явиться в район на совещание, которое состоится...». Олявка была уже на седьмом месяце. Санек стал тайно вещички собирать. Ох, и жалко ему было эту широкоглазую светленькую девчонку! «Пропадет она среди этих козлов!» — сокрушенно думал Санек, но звезды своей покинуть не мог, собирался в путь. Все случилось как надо, шофер Васька Неживой за большие деньги согласился отвезти его на станцию «под покровом темноты», но за Кургальджинскими озерами пробило у него прокладку, думали-думали полночи над мотором, как вдруг догнали их на «Беларуси» совхозные комсомольцы, оказалось, что среди ночи вернулся в совхоз директор, связь ему понадобилась, кинулись на радиостанцию, а там от Санька лишь записочка: «Оля, мы разошлись, как в море корабли. Счастливы оставаться. Санек». Драка вышла, и Санька вернули в совхоз. Хотели судить, да спохватились, что статьи такой нету, тогда собрали собрание — судить подомашнему. Олявка раздобыла зеленки, бинты, замазывала на Саньке ссадины. Не упрекала ни в чем, только жалела, хоть знала про все. На собрании все выступали, громко хуля Санька и всю его жизнь, предрекали, что раз нету у него совести перед ребенком, который вскоре родится, то и в дальнейшем хорошего у него ничего не будет. Тут что-то вспыхнуло в душе у Санька, будто горячее сияние возникло в груди, он вышел с «ответным словом» и сказал, что хоть он и не муж ейный и хоть неизвестно, как дело обернется, однако согласен платить алименты по всем законным правилам. И горд был Санек, и счастлив, когда следующей ночью, взяв по всем правилам расчет, уезжал на попутной машине к новой

— **У**вы, вне сомнения. О нем уже начинают сплетничать вокруг. Но это только начало, людская злоба на этом не остановится. Их станут избегать, относиться все холоднее. Просто необходимо раскрыть истину!

— Но хоть какое-то разумное объяснение должно существовать тому, что труп оказался в библиотеке? Должна быть какая-то причина?

— Конечно, причина есть.
— Эту девушку видели в «Маджестике» без двадцати одиннадцать, а в полночь по медицинскому заключению она была уже мертва. Госсингтон расположен примерно в тридцати километрах отсюда. По шоссе можно ехать быстро, это километров двадцать пять пути. Потом приходится свернуть на проселок. Но почему, если ее убили раньше, понадобилось везти мертвое тело в Госсингтон? Или зачем ее привезли в Госсингтон, чтобы задушить там? Для меня это полная нелепица!

— Естественно, потому что события разворачивались совсем не так.

— Вы думаете, ее задушили здесь, а потом уже убийца повез труп дальше и подкинул в первый попавшийся дом?

— Совсем нет. Напротив, я уверена, что преступле-

Рисунок Марины ПИНКИСЕВИЧ

ПРОИЗВЕШЕСТВИЕ В СТАРОМ ЗАМКЕ

Литературный
глобус «Смены»

Агата КРИСТИ

ние было тщательно продумано. Но что-то помешало осуществить его так, как предполагалось.

— Почему же план не удался?

Мисс Марпл ответила виноватым тоном:

— В нашем мире полно странностей! Если я вам скажу, что план не удался потому, что люди более уязвимы и чувствительны, чем принято считать, вы ведь снова подумаете обо мне как о вздорной старухе, сознайтесь? Однако это и есть мое мнение... А, вот и миссис Бэнтри!

24

Миссис Бэнтри появилась вместе с Аделаидой Джефферсон. При виде сэра Генри у нее вырвалось восклицание:

— Как, вы тоже здесь?

— Представьте. Собственной персоной.— Он склонился к ее руке.— Могу признаться, эта история положительно вывела меня из равновесия.

— Ах, Артур принял ее тоже слишком трагически. Он остался дома. А вот мы с мисс Марпл решили попробовать сами разобраться во всем. Кстати, вы знакомы с Аделаидой?

— О да.

Миссис Бэнтри предложила:

— Отправимся-ка на террасу? Там не так людно и можно заказать по глотку прохладительного.

Они перешли на террасу и подвели к столику Марка Гэскелла, который пребывал в мрачном одиночестве.

Едва официант принес бокалы со льдом, как миссис Бэнтри нетерпеливо заговорила о том, что ее волновало.

— Мы можем быть совершенно откровенны друг с другом,— сказала она.— Все давным-давно знакомы. Кроме мисс Марпл. Однако, уверяю вас, ее уникальный опыт может нам очень помочь.

Марк Гэскелл ошарашенно посмотрел на старую даму и через силу выдавил:

— Вы сочиняете полицейские романы?

— Боюсь, что у меня отсутствуют способности, чтобы отважиться на писательство.

Миссис Бэнтри поспешила вмешаться:

— Это не так просто объяснить в двух словах. Но факт остается фактом — мисс Марпл поистине удивительна! Адди, милочка, я сгораю от нетерпения разузнать подробности! Эта девушка... что она из себя представляла?

Аделаида искоса взглянула на Марка и усмехнулась:

— Я положительно неспособна ответить на ваш вопрос!

— В каком она хотя бы роде?

Гэскелл отозвался с грубой прямотой:

— Обычный тип хитрюги. В два счета опутала Джеффа!

Между собою они с Аделаидой называли Конвея Джефферсона Джеффом.

Продолжение. Начало в №№ 12—14.

Сэр Генри едва скрыл неудовольствие. Какая фамильярность! Молодчик не из тех, кто способен взвешивать выражения. Он всегда скептически относился к избраннику Розамунды. В некотором шарме Марку не откажешь, но полагаться на него — ни боже мой.

— И вы никак не вмешались? — удивленно спросила миссис Бэнтри.

Марк Гэскелл ожесточенно отозвался:

— Надо было. Да мы все это прохлопали.

Он бросил на Аделаиду красноречивый взгляд.

— Вы уделяли нашему старому Джеффу слишком мало времени, Адди! Вас увлек теннис, и все остальное...

— Но мне так редко выпадает возможность заняться спортом. — Тон у нее был виноватый. — Не могло же мне прийти в голову...

— Разумеется, — подхватил Марк. — Откуда нам было знать? Джефф всегда отличался благоразумием.

Мисс Марпл проронила:

— Мужчины редко способны к благоразумию, какое бы ни производили впечатление.

В глубине души она была убеждена, что мужской пол просто-напросто одна из разновидностей диких зверей.

— Согласен с вами, — сказал Марк. — Жаль лишь, мисс Марпл, что мы не додумались до этого вовремя. Нас, конечно, удивляло, что именно нашел старик привлекательного в этой бесцветной и хитрой особе? Но он взбодрился, был оживлен, мы этому радовались, а на нее не обращали внимания. Черт возьми! Жалею, что сам не свернул ей шею пораньше!

— Марк! — решительно вмешалась Аделаида. — Отдавайте отчет в ваших словах.

Молодой человек криво ухмыльнулся.

— Иначе меня сочтут за убийцу? Ба! Как ни верти, я и так уже на крючке. Кому выгодна эта смерть? Нам с вами, милая Адди!

— Марк! — повторила миссис Джефферсон с принужденным смехом. — Умоляю, замолчите!

— Ладно, ладно, — успокаивающе сказал он. — Хотя я не привык к обинякам. Разве наш почтенный Джефф не решил облагодетельствовать эту маленькую лгуныю пятьюдесятью тысячами фунтов?

— Марк, я положительно настаиваю... ведь она умерла!

— Ну, да, знаю, что умерла... Бедная дурочка! По правде говоря, почему ей было не извлечь толику пользы из тех даров, которыми ее наделила природа? Какого черта я на нее напустился?

— Вы что-нибудь возразили Конвею, когда он сообщил о намерении удочерить эту танцовщицу? — осторожно поинтересовался сэр Генри. Марк развел руками.

— А на каком основании? Деньги принадлежат Джеффу, а мы, строго говоря, даже не его родственники. К тому же он милейший старикан! Нет, мы проглотили пилюлю молча. — Он задумался. — И все-таки невзлюбили малышку Руби.

Аделаида примиряюще сказала:

— Все дело в том, на кого пал выбор. У Джеффа две крестницы. Удочери он одну из них, никто бы не удивился. — В голосе ее проскользнуло скрытое раздражение. — И к тому же он был так привязан к Питу!

— Я, разумеется, знала, что Пит — ваш сын от первого брака, — заметила миссис Бэнтри, — но со временем как-то забыла об этом. Мистер Джефферсон относился к нему, как к родному внуку.

— И мне так казалось, — вздохнула Аделаида.

Что-то в ее тоне заставило встрепетаться мисс Марпл. Она повернула голову и внимательно посмотрела на молодую женщину.

— Во всем виновата Джози, — выпалил Марк. — Это она приволокла сюда Руби!

— Послушайте, Марк, — возмутилась, наконец, Аделаида, — не хотите же вы сказать, что сестры были сообщницами? То, что здесь появилась Руби, чистая случайность.

— И все-таки, милая Адди, Джози не так проста! Допустим, в преднамеренности я ее не обвиняю. Но она раньше всех почувствовала возможный поворот дел и, однако, никому ни слова.

— За это ее нельзя упрекать, — со вздохом отозвалась Аделаида.

— Упрекать мы вообще никого не можем, — честно заключил Марк.

— А что, Руби Кин действительно была очень хорошенькая? — с любопытством спросила миссис Бэнтри.

Марк удивленно взглянул на нее.

— Я думал, вы ее видели.

Миссис Бэнтри пробормотала:

— Я видела... труп. Когда человек задушен, судить о внешности... — ее передернуло.

— Строго говоря, она не была красоткой, — задумчиво сказал Марк. — Она смело пользовалась косметикой, бросалась в глаза. Хотя в лице преобладало нечто лисье. Слабый, срезанный подбородок, редкие, будто вдавленные зубы, неопишуемый нос...

— Значит, она была безобразна?

— Вот уж нет! Стоило ей накраситься, как она становилась чертовски соблазнительна. Правда, Адди?

— Пожалуй. Кукольное личико с конфетной коробки. А вот голубые глаза были красивы по-настоящему.

— Не забудьте еще невинный взгляд, как у трехлетнего младенца. И длинные темные ресницы, отчетливо глаза казались особенно синими. Волосы она красила. Они были платинового цвета, как у моей жены Розамунды. Может быть, это и растрогало Джеффа? — Марк невольно вздохнул. — Самое отвратительное, что мы с Адди можем только радоваться ее смерти. — Он не дал ей возразить. — Я знаю, что вы можете сказать, но не хочу лицемерить. Однако, поверьте, старика Джеффа мне искренне жаль. Удар сразил его... — Он вдруг умолк и взглянул сквозь распахнутую дверь в вестибюль. — Ну и скрытница же вы, Адди! Смотрите-ка, кто сюда идет!

Миссис Джефферсон обернулась, слабо ахнула и

Спортивный автограф

АЛЕКСАНДР МОСКОВКА

*Ребята, любите спорт и технику!
Гонки — это скорость, реакция,
валя к победе.*

А.Московка

Вильянди. 1974 год. Чемпионат СССР по шоссейно-кольцевым мотогонкам. Никто из тысяч зрителей да и участников гонок не подозревал, что спортсмен, стартующий под номером 71 на перламутрово-серебряном мотоцикле, совершает спортивный подвиг...

Над трибунами, заполненными до отказа, был слышен лишь гул голосов. Старт. Гонщики рванулись вперед. Почти никто не заметил, что один из них слишком медленно разгоняет свою машину. Однако через некоторое время гонщик под номером 71 уже догонял соперников на трассе...

Александр Московка имел тогда полное право выйти из соревнований, у него была сломана правая нога, сломана прямо перед стартом. Но он должен был выступить, потому что заменить его было некем.

На финише он был первым — все соперники остались далеко позади, но с мотоцикла его снимали друзья, потому что сил у самого Александра не осталось, все они ушли на борьбу с болью, были отданы победе...

Спорт вошел в жизнь Саши Московки с детства. Сначала была гимнастика. Старшая сестра, мастер спорта по спортивной гимнастике, привела с собой в секцию и Сашу. Он добросовестно занимался, даже получил 1-й спортивный разряд. Но оставался в глубине души к гимнастике хо-

лоден. Влекло другое: могучие «ИЖи», лихие гонки, сердце обмирало при виде мотоциклистов в спортивных шлемах. В особенности в его родном Невинномысском был популярен мотобол.

Наконец он решился и пришел в мотобольную секцию ДОСААФ. В команду его приняли, но предложили сначала самую «черную» работу — чистку мотоциклов после матчей. Думали, это отпугнет парня, если его любовь к мотоспорту не очень крепкая. Не отпугнуло. Он выдержал «испытательный срок» и получил собственную машину. Но чтобы сохранить ее, должен был каждую неделю показывать тренеру школьный дневник. Троечников тренер не жаловал.

Все шло хорошо. Способному мотобольнику Саше Московке прочили место в сборной страны. Его призвали в армию. А вскоре рядовой Московка в составе сборной ЦСКА начал тренироваться на мотокроссе...

Среди гонщиков принято считать, что кросс — один из сложнейших видов мотоспорта: он требует от гонщиков всесторонней физической подготовки, уме-

ния мгновенно оценивать ситуацию, решительности. Александр добыл свою первую победу зимой 1971 года в матче городов-героев в Ленинграде. К окончанию службы в активе у Александра было уже несколько наград.

Тайком Александр начал ездить на мотоцикле, сделанном специально для шоссейно-кольцевых гонок. Получалось. В 1973 году в Риге Московка вышел на старт чемпионата Вооруженных Сил. Его тогда никто не принял всерьез. Ведь он никак себя до этого в шоссейно-кольцевых не проявлял.

И вот маленькая сенсация: Александр занял второе место. Воодушевленный удачей, Московка по настоянию тренера Аркадия Белкина решил попытать счастья на предстоящем трехэтапном чемпионате страны. И выиграл его.

С того времени Александр — участник всех чемпионатов СССР по шоссейно-кольцевым мотогонкам, часто сразу в двух классах. Восемь раз он завоевывал титул сильнейшего мотогонщика страны.

Мотогонки — мужской вид спорта, он

связан с немалым риском. Никто из спортсменов не застрахован от падений, травм, а уж того, что выпало на долю Александра, хватило бы на целую команду. Но он как солдат. Что бы с ним ни случилось, проходит время, и Александр возвращается в строй.

Спрашиваю: не испытывает ли он страха перед стартом или на трассе?

— Нет, — твердо отвечает Александр, — если в душу закрался страх, считайте, что вы проиграли. А во время гонки думаю только о гонке, о дороге, о виражах, о своей машине, ведь скорость — сто пятьдесят в час, мысли сконцентрированы на одном: быть впереди, не дать никому обойти себя, молю мотор: «Вытяни, не подведи!»

Чего-чего, а историй с моторами в жизни гонщика Московки хватает. Лет пять назад на чемпионате страны, когда оставалось только полкруга до финиша, на его «Ковровце» отказал двигатель. (Увы, это бывает и не только с отечественными машинами.) И Александр, толкая перед собой мотоцикл, но имея изрядный отрыв от соперников, пересек финишную черту вторым!

А на последней Спартакиаде народов СССР перед стартом вышел из строя «боевой» мотор, пришлось ехать с тренировочным. Время, показанное в предварительном заезде, позволило стартовать только из задних рядов. В добавление к этому мотоцикл сразу не завелся, Александр пришлось толкать мотоцикл до второго поворота.

Александр учится на 3-м курсе Московского института физкультуры, в будущем видит себя тренером.

— Но до этого еще далеко, — говорит Александр. — Сейчас все мысли — о настоящем. Осваиваю спидвей, ипподромные гонки, занимаюсь с новичками.

К сожалению, недостаток опыта международных соревнований, не очень высокий уровень отечественной техники не позволяют нашим гонщикам выступать на мировых чемпионатах по шоссейно-кольцевым мотогонкам, и потому мечту о победах на мировых первенствах Московка связывает со спидвеем. И все свободное от тренировок время трудится над созданием новой модели мотоцикла для льда. У этой машины будет легкая подвеска маятниковой системы, оригинальная вилка руля, заметно прибавит она и в мощности.

Разговаривали мы уже несколько часов, и все это время Александр не отрывался от своего мотоцикла — перламутровой «Явы-500».

— Что поделаешь, — пояснил гонщик, — в этом, если хотите, специфика мотоспорта. Чтобы быть уверенным в своей машине, спортсмен должен готовить ее перед стартом сам, как парашютист свой парашют.

Я смотрел на него и думал не без зависти о тех ребятах, которых когда-нибудь будет тренировать этот добрый и мужественный человек, преодолевший немыслимое количество трасс, но каждый раз выходящий на старт так, как будто это самый главный старт в жизни.

Константин ЖУРОМСКИЙ

Фото
Петра НОВИКОВА

Цена номера 35 коп.
Индекс 70820